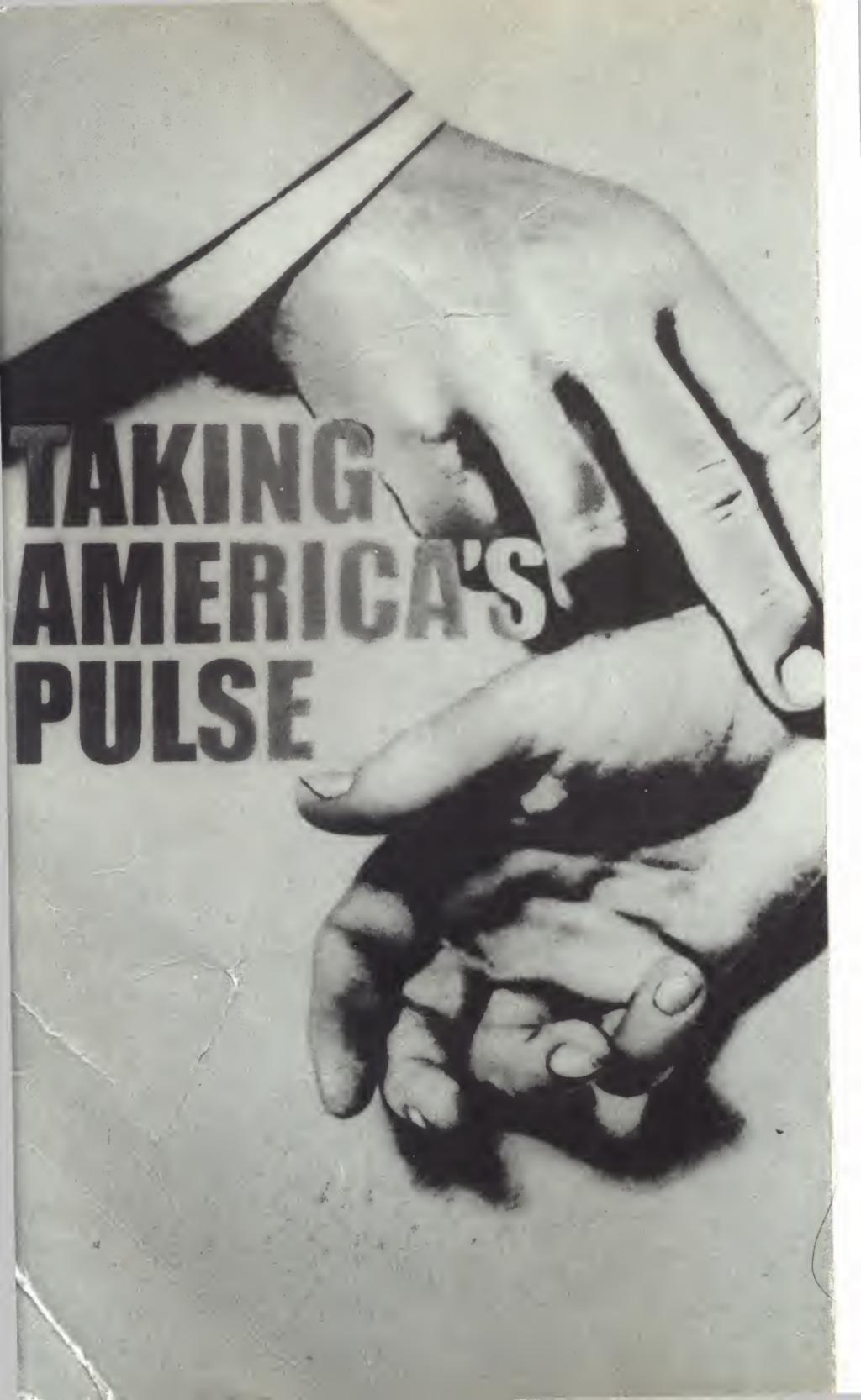

Игорь Павлов

АМЕРИКА ТРЕВОЖНЫХ ЛЕТ

**TAKING
AMERICA'S
PULSE**

Игорь Павлов

АМЕРИКА
ТРЕВОЖНЫХ ЛЕТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Г л а в а I.	
70-е ГОДЫ — «ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСОВ»	7
Лавина экономического и социального неблагополучия	10
Идейно-политический кризис: масштабы и следствия	21
На финише десятилетия	31
Г л а в а II.	
«БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА	40
«Жалкое благочестивое пожелание»	—
Жестокое здравоохранение	45
Образование как товар	49
Социальное обеспечение: слишком поздно и слишком мало	52
Бедность «классическая» и новейшая	55
Фикция народовластия	57
Тотальный надзор и диктатура досье	62
Г л а в а III.	
ДИСКРИМИНАЦИЯ ДВОЙНАЯ И ТРОЙНАЯ	70
«Второе общество» — черные	—
«Чиканос» и коренные американцы	80
«Счастливое существо»	86
Г л а в а IV.	
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ:	
США В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ КОНЦА 70-х ГОДОВ	91
Исходные рубежи политики Дж. Картера	92
Дрейф вправо: начало пути	106
Провалы по всем азимутам	118
«Десятилетие разрядки» — «потерянное десятилетие»?	126
Поворот к политике конфронтации	136
Г л а в а V.	
МИЛИТАРИЗМ КАК ПОЛИТИКА	147
Победители выборов 1980 года: люди, взгляды, цели	148
Фундамент политики: военная сила	156
«Стратегия прямого противоборства»	162
Завеса лжи: обоснование милитаристского курса	175
Подход к переговорам: «с позиции силы»	184
Г л а в а VI.	
АМЕРИКА 80-х ГОДОВ	195
Формула «рейганомики»: милитаризация и грабеж	196
Новое «декадиление кризисов»?	208
Коллизия двух тенденций	220
Американцы за победу разума	228
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	238
ПРИМЕЧАНИЯ	247

Игорь Павлов

АМЕРИКА
ТРЕВОЖНЫХ ЛЕТ

Документальные очерки
внутренней жизни
и внешней политики США
в 70—80-е годы

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1984

66.2(7США)

1112

П 0804000000-092
079(02)-84 КБ-29-7-83

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

О Т А В Т О Р А

Читатель знает многое о том, чем живет современная Америка. Знает, что ее развитие определяется глубоким кризисом, который переживает капитализм на современном этапе. Многое известно о том, что волнует в Америке честных людей. И читатель, конечно же, знает — нет и не может быть знака равенства между силой социальной тьмы, превратившей страну в эпицентр военной угрозы, и великим народом Соединенных Штатов, который внес большой вклад в фонд всего лучшего, что создали люди в новой и новейшей истории.

Советский Союз самым серьезным образом подходит к отношениям с США. Это неотделимо от стремления КПСС к коренному оздоровлению международных отношений. Мирное сосуществование, развитие взаимовыгодных и равных, а еще лучше добрососедских отношений с США — генеральная линия советской политики. Когда налаживаются контакты Москвы и Вашингтона, открываются шлюзы сотрудничеству СССР и США в экономике, науке, технике, культуре, а главное — в сфере укрепления безопасности в интересах всех народов. В годы второй мировой войны это сотрудничество крепило антигитлеровскую коалицию, помогало спасти цивилизацию от смертельной угрозы фашизма. В 70-е годы сотрудничество двух государств продвигало вперед разрядку, было источником многих побед разума. Со времен В. И. Ленина и по сей день руководители нашей страны неизменно подчеркивают: СССР всегда готов протянуть руку Соединенным Штатам ради добрых совместных дел. Наша страна готова к этому и сейчас, в период тревожного обострения международной обстановки.

По словам Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, «Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и укрепление мира. Мы открыты для мирного взаимовыгодного сотрудничества с государствами всех континентов. Мы за мирное решение всех

спорных международных проблем путем серьезных, равноправных, конструктивных переговоров. СССР будет в полной мере взаимодействовать со всеми государствами, которые готовы практическими делами помогать уменьшению международной напряженности, создавать в мире атмосферу доверия»¹.

Но Вашингтон времен Рональда Рейгана не в ладах с политическим реализмом, если не со здравым смыслом. Он глух к истинам эпохи, когда человечество обрело — впервые в истории — технические средства самоуничтожения. Американской мощью владеют люди, опьянившие страстью к господству. Нынешняя Америка стала средоточием милитаризма. Она всей своей практикой подтверждает глубину ленинской мысли: «...империализм... отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»².

Так что же происходит в современной Америке? Какие пружины определяют действия Вашингтона в мировых делах последнего десятилетия? В чем существо этих действий?

Автор стремился рассказать, во-первых, о внутренней жизни американского общества, обострении его социальных и экономических проблем, трещинах в политической структуре. Это сделано не для того, чтобы собрать воедино все худшее об Америке. Отнюдь. Внутреннее неблагополучие стало осевой линией развития США, точкой отсчета едва ли не всех главных событий и тенденций. Во-вторых, важно разобраться, как лавина внутренних трудностей, вся эта гнетущая социальная патология проецируется на жизнь современного американца. Что именно лишает его условий жизни и развития, достойных человека, тем более в стране колоссального материального богатства? Речь идет, разумеется, о трудящихся людях, составляющих подавляющее большинство населения. В-третьих, показана роль Вашингтона в мировой политике второй половины 70 — начала 80-х годов. Здесь в центре внимания проблема: почему и как американские верхи свернули к политике конфронтации? Почему вопреки объективным задачам международной жизни, надеждам миролюбивых стран и народов на продолжение и развитие в 80-е годы процесса разрядки, вопреки, пакопец, интересам народа самих США американский милитаризм погасил возникшие было проблемы внешнеполитического реализма? И стал самодовлеющей политики. Таковы основные ракурсы книги.

Глава I

70-е ГОДЫ — «ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСОВ»

Руль внешней политики США повернули вправо на исходе 70-х годов, ставших для Америки «десятилетием кризисов». Пожалуй, ни один другой период в новейшей истории страны, исключая лишь тяжелейшие 30-е годы, не отличался таким обилием внутренних проблем. Дело не только в хроническом характере неблагополучия — его хватало всегда, но и в масштабах кризисов, в их взаимозависимости и глубине. В США менялось само понятие о критериях неблагополучия. В 1968 г., например, преступность считалась главной общенациональной проблемой. Спустя 10 лет преступность не просто возросла — она удвоилась. Но уже не эта проблема стояла на первом месте в длинном списке тяжелых проблем. Ее оттеснили другие, еще более острые и болезненные. Нарастание, «аккумуляция кризисов» стали осевой линией социально-экономического и политического развития США.

70-е годы выясвили безнадежность замысла «оздоровить» капитализм буржуазно-реформистскими методами, на которые так надеялись американские верхи, вдохновленные в свое время Франклином Д. Рузвельтом. С иронией, горечью трудящиеся люди вспоминали забытые обещания «войны с бедностью», «великого общества», «общества всеобщего благоденствия» и пр. Внутренние неурядицы смывали недавние пророчества об «эре бескрайисного развития», «полной занятости», «устойчивого процветания без инфляции». Разваливалась идеология буржуазного либерализма, по швам трещала его политическая экономия. «Болевые точки» капитализма США уже не притуплял, как бывало, временный наркоз реформизма.

«Десятилетие кризисов», если взглянуть шире, дописало главу американской истории второй трети XX в. Реальности внутренней жизни ставили под вопрос социально-экономическую практику управления обществом, начатую еще Ф. Рузвельтом. Политические лидеры капитализма США — от Трумэна до Картера включительно — не спра-

вились с целым рядом задач правящего класса как дома, так и за рубежом. Администрации послевоенного периода, тяготевшие главным образом к политике центристского толка, подвели Америку к последней трети века с таким бременем проблем и трудностей, которое не имело прецедента с худших времен ее новейшей истории.

Приходила пора задуматься, тревожно искать альтернативу. Но альтернатив творческих, дающих хоть передышку в затяжной полосе трудностей, у верхов просто не было — пустели арсеналы новых политических идей. Общий кризис мирового капитализма затягивал США все дальше в свой водоворот, выталкивая на авансцену политики воинствующую реакцию. Она отчаянно рвалась к гегемонии в мировых делах, к социальному реваншу во внутренних, стремясь зачеркнуть экономические и социальные завоевания трудящихся, в том числе черных граждан и национальных меньшинств, достигнутые в классовых боях прошлых лет. «Мы вышли сейчас из того этапа в развитии капитализма США, когда за периодами наступления на рабочий класс следовали длительные периоды уступок. Мы вступили в период все более последовательного урезывания уступок и тем самым — в период обострения классовой борьбы»¹, — констатировал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл.

Неблагополучие Америки тревожно переживал капиталистический мир. В 1973 г. по инициативе Рокфеллеров была создана «трехсторонняя комиссия» — интеллектуальный «парламент» ведущих деятелей стран Северной Америки, Западной Европы, Японии. До назначения на пост помощника президента США по национальной безопасности работой комиссии фактически руководил З. Бжезинский. В фундаментальном исследовании внутренних процессов на Западе, названном «Кризис демократии», комиссия подчеркивала, что «неудовлетворенность деятельностью демократических институтов», «кризис доверия к власти» пронизывают все сферы буржуазного общества. Лидеры империалистического мира призывали сделать все, чтобы повысить «управляемость» социально-экономического и политического механизма США.

Американская элита теряла былую самоуверенность. Раньше многих других на вершине власти тревожные речи повел Генри Киссинджер. Перед встречей руководителей ведущих держав Запада в 1975 г. в Рамбуйе государственный секретарь США заявил: «Самым тяжелым следствием текущего кризиса (экономический кризис 1974—

1975 гг.—И. П.) являются не экономические проблемы, а разложение веры широких масс в будущее их общества. Этот кризис демократического процесса, охвативший весь (западный.—И. П.) мир, представляет собой серьезнейший вызов для его лидеров...»² Тревога сквозила и в подходе к делам внешним, масштаб обобщений был здесь не меньше. «Мы сейчас на перепутье,—твердил Г. Киссинджер.—Сейчас такой период, который ретроспективно будет расценен либо как чрезвычайно конструктивный, либо как период, когда в самом деле произошел распад международного порядка для Запада: в политическом, экономическом и моральном отношениях».

В середине 1978 г. Г. Киссинджер и сенатор П. Мойнихэн провели на страницах печати широкий диспут о прошлом и будущем империалистической Америки. Он напоминал политический консилиум. Идеологи сошлись в диагнозе: «После грандиозного поражения во Вьетнаме внешнеполитическая иерархия США, руководившая внешней политикой страны после второй мировой войны, испытала своего рода потерю самообладания»³. Нечто подобное обнаружил и Д. Белл, один из ведущих буржуазных идеологов страны. В книге «Противоречия капитализма в сфере культуры» в 1976 г. он писал о «потере самообладания» со стороны властивущей элиты США. В ближайшие 10—20 лет Белл предсказывал «углубление кризиса политического порядка и развал присущей Западу партийной системы»⁴.

Какой же жалкой клоунадой выглядел «социальный», «исторический» и прочий «оптимизм», который тужился вдохнуть в политическое сознание страны Белый дом Дж. Картера и З. Бжезинского. С какой жестокостью реальности самой Америки обнажали фальшив «человеколюбия» Вашингтона за рубежом! Жизнь, однако, заставила руководство США назвать вещи своими именами. Подводя предварительные итоги 70-х годов, Дж. Картер уже в декабре 1978 г. заявил: «Мы прожили тяжелое десятилетие — трагическую войну за границей и глубокий раскол дома, миллионы безработных и самую высокую инфляцию со времен гражданской войны, незаконные вторжения в дома и подслушивание, подрыв прежнего доверия граждан к государственному правлению». В июле 1979 г. президент США признал: «Большинство американцев не верит, что последующие пять лет будут лучше, чем предыдущие. Две трети нашего народа даже не голосуют. Производительность труда американских рабочих падает.

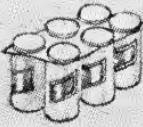
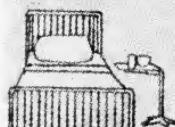
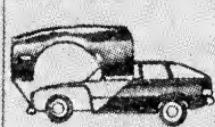
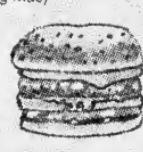
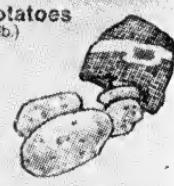
Растет неуважение к государственной власти. Пропасть между гражданами и правительством в США никогда не была столь значительной, как сейчас».

Особую остроту внутреннему неблагополучию придавало то, что кризисные процессы в самих США сливались с процессом дальнейшего относительного сокращения роли и возможностей США как главной силы современного империализма. В Вашингтоне все тревожнее следили за динамикой противоборства социальных систем, все нервнее реагировали на восходящие тенденции мирового развития, прежде всего укрепление СССР и социалистического содружества. Правящие круги США, как никогда, тревожило положение в их тылах.

ЛАВИНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Американский империализм вошел в 70-е годы, споткнувшись о порог экономического кризиса 1969—1971 гг. Лишь в 1972 г. послекризисная депрессия перешла в оживление. А далее, с конца 1973 г., ударили новый кризис, оказавшийся самым глубоким после «великой депрессии» 30-х годов. С июня 1974 г. по март 1975 г. промышленное производство упало более чем на 11%. Из этого кризиса экономика США вышла примерно к началу 1977 г. Но уже в 1979 г. наметились признаки нового экономического спада. Больше половины десятилетия экономика страны откатывалась назад или переживала застой. На таком экономическом фоне и происходило обострение других социально-экономических проблем США.

Чередование кризисов и спадов через фазы недолгого оживления зримо раскрывало неизбежность опоры правящих кругов страны на костьль государственного регулирования экономики. Если раньше власти, варьируя методы этого регулирования для обеспечения экономического роста, старались выбирать меньшее из двух зол — рост безработицы или рост инфляции, то в 70-х годах они потерпели провал. Падение темпов роста промышленного производства было налицо. По сравнению, например, с периодом 1951—1973 гг. эти темпы в 1974—1978 гг. сократились почти вдвое. Между тем Вашингтон испробовал, в сущности, все имеющиеся рецепты, причем в самых различных дозировках: и палаточную, и кредитную политику, и политику цен, и регулирование спроса посредством государственных расходов, в том числе военного потребления.

New home (median price)	Week's groceries (urban family of four)	Top Broadway musical (weekend orchestra seat)	Beer (six-pack)
			
Now 1991 \$69,300 \$191,000	Now 1991 \$112 \$260	Now 1991 \$35 \$82	Now 1991 \$2.45 \$4.30
Hospital room (semiprivate, per day)	New auto fender installed	Carton of cigarettes	Coffee (2 lb.)
			
Now 1991 \$170 \$484	Now 1991 \$364 \$1,063	Now 1991 \$6.17 \$10.40	Now 1991 \$5.12 \$14.00
Dry cleaning (two-piece suit)	Postage (1 oz., first class)	Hamburger (Big Mac)	Potatoes (5 lb.)
			
Now 1991 \$3.96 \$9.00	Now 1991 18¢ 40¢	Now 1991 \$1.15 \$2.40	Now 1991 \$1.38 \$4.40

Куда ведет инфляция?
(Положение на 1981 г. и прогноз на 1991 г.)

Покупка нового дома; счет за продукты на неделю (для семьи из 4-х человек); билет в театр; упаковка пива; пребывание в больнице; установка нового крыла на автомобиль; блок сигарет; два фунта кофе; химчистка костюма; почтовое отправление; бутерброд; 5 фунтов картофеля

Темпы инфляции в США в течение 70-х годов в 3 раза превысили ее темпы в 60-х годах. Более того, если к началу 1980 г. инфляция достигла 13% и многим казалось, что это предел, то вскоре пали и худшие прогнозы. В марте — апреле индекс роста цен превысил 18%. Самый высокий уровень в послевоенной истории США. «Историческая катастрофа», — констатировал Т. Уайт, опытнейший наблюдатель внутренней жизни страны, автор известных в США книг о президентских избирательных кампаниях за последнюю четверть века. «Американцев охватил паничес-

ский страх — в годовом исчислении такой уровень инфляции в 2 раза сократил бы реальную стоимость их заработной платы и сбережений в последующие пять лет... Ни одна другая проблема не могла сравниться с инфляцией по воздействию на умы и настрой американцев, на положение их семей»⁵. Инфляция закрепляла в американском обществе настроения массового недовольства, превращала их в стабильную социальную тенденцию. Она усиливала политическую неустойчивость, вела к дальнейшему обострению отношений между трудящимися и монополистической буржуазией.

Безработица почти в 1,5 раза превышала теперь уровень предыдущего десятилетия, достигнув в 70-х годах 6,2%. Дефицит государственного бюджета, который в период 1946—1970 гг. лишь трижды превышал 10 млрд. долл., в 70-х годах составил в совокупности более 320 млрд. долл. В США выявился еще один новый процесс, вызывающий растущую тревогу правящих кругов,— резкое падение темпов роста производительности труда в экономике. В 1973—1978 гг. ее рост был почти в 3 раза меньше по сравнению с периодом 1960—1973 гг.

Темпы инфляции усугубляло многократное удорожание стоимости импортируемой нефти, так называемый «энергетический кризис». Если в 1972 г. эта нефть обошлась США в 4,7 млрд. долл., то к 1979 г. ее стоимость увеличилась в 13 с лишним раз. Нефтяные концерны не раз умышленно сокращали добычу и переработку нефти в самих США, искусственно вызывали нехватку нефтепродуктов. В июле 1979 г. стало известно, например, что производственные мощности используются всего на 82%. А когда цены на нефтепродукты поднялись до уровня, устраивающего монополии, нефтеперерабатывающие заводы заработали в прежнем режиме. Только с января по сентябрь 1979 г. прибыли «Мобил ойл» (после вычета налогов) возросли на 81%, «Тексако» — на 119, «Стандарт ойл оф Огайо» — на 157%. В среднем прибыли нефтяных монополий США более чем в 3 раза превышали теперь прибыли других компаний. Неслыханное обогащение бизнеса приходилось оплачивать в основном трудящимся. За стоимость бензина американцы следили, как за сводкой погоды.

Небывалую остроту приобрела проблема налогообложения. Если в 1966—1976 гг. общая сумма налогов, взимаемых с американцев, увеличилась примерно в 2 раза, то в последующем рост налогов стал еще стремительнее. Оказавшись у власти, администрация Р. Рейгана не упускала

случая напомнить — налоги в США увеличились на 300% в 70-е годы. В июле 1978 г. произошло событие, всколыхнувшее всю страну — так называемый «налоговый бунт» в штате Калифорния. Возмущенное налоговым прессом, население штата проголосовало за сокращение налогов на собственность более чем наполовину. Мера была об юдо-острой, облегчение бремени налогов сопровождалось резким сокращением расходов на общественные услуги. Во всяком случае, в стране многократно увеличилось число граждан, убежденных в том, что налоговая система страны обеспечивает льготы лишь богатым. Так считали теперь до 85% американцев⁶.

В 60-х годах в США приняли ряд законов о гражданских правах, которые формально декларировали равные возможности во многих сферах внутренней жизни для черных, других национальных меньшинств, женщин. Эти американцы и американки, составляющие большинство населения страны, теперь очень надеялись на улучшение жизненного положения. Не сбывались надежды. В самом деле, разница между доходами белых и черных стала больше: в 1969 г. это соотношение составляло 61%, а спустя десятилетие — 57%; за тот же период число безработных глав белых семей возросло вдвое, а черных — в 3 раза. Число безработных среди черной молодежи примерно втрое превышало уровень безработицы среди их белых сверстников. И вот социально-политический итог — в конце 70-х годов более половины черных граждан США, по данным опросов, были убеждены, что расовая дискриминация сохранится вечно. «Последние десять лет можно рассматривать как проигранную битву с расизмом и дискриминацией»⁷, — заключал американский социолог Н. Глэзер в книге «Фактическая дискриминация: расовое неравенство и государственная политика». Т. Уайт подводил итог своих наблюдений, точно характеризуя общую тенденцию: «60-е годы начались с попыток искоренить расизм, а к концу 70-х годов Америка во многих отношениях превратилась в расистское общество»⁸. Которым всегда и была — следовало бы добавить.

Что касается женщин, то и здесь наглядно выявился формальный характер принятых запретов на дискриминацию по признаку пола. В середине 70-х годов Комиссия по вопросам обеспечения равных возможностей в области найма обнаружила: ни одна из 500 крупнейших корпораций США не согласна с положениями антидискриминационных законов⁹. Как и раньше, до 90% работающих американок

были отстранены от работы, требующей высокой квалификации. Невеселый юбилей своих усилий — полвека отметили в 1973 г. сторонники принятия конституционной поправки о равных правах женщин.

Явно и скрыто неравенство, дискриминация напоминали о себе в сфере высшего образования. Как бы ни старалась официальная пропаганда исказить подлинное положение, оно в принципе не менялось: зависимость уровня и качества образования от имущественного положения личности оставалась в США основным регулятором доступа к тем или иным профессиям. С 1970 по 1977 г. стоимость обучения в колледжах увеличилась на 77 %. В 1978 г. плата за год обучения в частных колледжах и университетах в среднем достигала 3 тыс. долл., в наиболее престижных университетах — 5 тыс. долл.

Острой проблемой оставалось положение в области здравоохранения. В 1978 г. до 40 % больных в США не могли получить необходимой медицинской помощи. Белый американец в среднем посещал врачей около 6 раз в течение года, черный — менее 4, американец мексиканского происхождения — не более 2 раз. Несмотря на перемены к лучшему, государственное социальное обеспечение в США все-таки явно не соответствовало уровню материальных ресурсов общества. По-прежнему практически отсутствовало государственное страхование по временной нетрудоспособности, а также по беременности и родам. Медицинским страхованием не было охвачено почти 22 млн. человек, страхованием в случае производственного травматизма или профессионального заболевания — 15 млн. человек¹⁰.

Неблагополучие находило пути в различные сферы, проявлялось в культуре, нравственности, во всем образе жизни. В невиданных масштабах хлынули волны насилия и аморализма. В 1974 г. социологи выявили мнение подавляющего большинства: «Уровень морали в стране является низким и продолжает падать». Какая там мораль, если общая стоимость порнографии, по подсчетам прессы, составила в США 4 млрд. долл. в год. Это превышало годовой бюджет десятков развивающихся стран мира. А на спиртное в 1980 г. было истрачено свыше 40 млрд. долл.

Самым прибыльным делом в американском кинематографе стали «фильмы ужасов». Невероятные вещи творило телевидение — вплоть до прямой трансляции смертной казни. То и дело сообщали о случаях обмороков на фильмах вроде «Экзорцист», «Челюсти», «Гонки с дьяволом» и пр.

«Для того чтобы зрители не отрывались от экрана, надо заставить их поверить в естественность кошмара, т. е. слиться с персонажем», — поясняли в кинокомпании «Юниверсал стьюдиоз». Какие персонажи, с кем «сливаться»? В фильме «Омен» мужчины отрезали стеклом голову. В другом фильме человека пытали бормашиной. В фильме «Кэрри» различными способами убивали более 30 человек. Режиссеры оправдывались тем, что не хотят, мол, превращать картины в пример для подражания. Действительность была иной. В сентябре 1974 г. телекомпания Эн-Би-Си в программе на Калифорнию показала фильм «Рожденная невинной» с эпизодом изнасилования ребенка. Позже то же самое случилось на калифорнийском пляже. При судебном разбирательстве подтвердилось непосредственное воздействие телефильма на обвиняемых. И таких фактов было много. В начале 1979 г. началась демонстрация многосерийного фильма «Воители» о похождениях уличной банды. Вскоре под прямым воздействием фильма стали происходить массовые драки после сеансов. Были убийства. Но кинокомпания, создавшая фильм, предложила выставить за свой счет охрану в 670 кинотеатрах, где шел прокат. Лишь бы крутилась прибыльная лента. Тем временем в редакции журнала «Тайм» подсчитали число убийств в телепередачах, которые увидит американский подросток к возрасту 14 лет. Получилось 11 тыс. убийств. Сюжеты телефильмов трех ведущих телекомпаний на 70–80% так или иначе насыщались тематикой преступности и насилия. «Чем больше насилия показывает экран, тем больше вероятности, что люди будут совершать акты насилия. Примеров тому — масса», — подтверждал профессор психологии Д. Силбер. Социологи, криминалисты и психиатры с особой тревогой говорили о фильмах с показом организационно-технической подготовки к преступлению.

«Кризис доверия» к «американскому образу жизни» обострялся преступностью. Еще в 1969 г. Национальная комиссия по изучению проблем насилия и его предотвращения сделала вывод: США являются «мировым лидером» в области массовой преступности. В 70-х годах «лидерство» стало недосягаемым. Прессу заполняли материалы о преступлениях отдельных лиц и организованных банд, с убийствами и без смертельных исходов, в городах и в сельской местности. Пригороды, к примеру, долгое время считались в США в общем безопасной зоной, но преступность проникла и сюда. Распространялись дневные кражи, когда хозяева отсутствуют. Преступники использовали

новейшую аппаратуру, радиопередатчики настраивались на частоты полиции, создавая помехи и т. д. Терроризировались не только жилые кварталы. Всевозможные меры безопасности принимали деловые учреждения, магазины, банки, аэропорты. Обязательным условием при планировании новых построек стали приспособления, затрудняющие проникновение преступников.

Пока читается страница, в Америке происходит:

серьезное преступление — каждые 2,6 секунды; кража — каждые 4,8 секунды; ограбление — каждые 10 секунд; преступление с применением насилия — каждые 27 секунд; кража автомобиля — каждые 29 секунд

Эксперты-криминалисты одного из детройтских банков в 1978 г. издали пособие «Обеспечьте себе эффективную безопасность». Там были сотни рекомендаций о том, как вести себя при столкновении с преступником: «Как уберечься от грабителей квартиру», «Защитные меры при управлении автомашиной», «Что делать при попытке изнасилования» и пр. Авторы советовали: «Носите с собой второй бумажник с несколькими долларами и при попытке к ограблению немедленно отдайте его вору. Всегда дожидайтесь лифта — лестницы бывают излюбленными местами для грабителей. При столкновении с бандитом лучше кричать не «Помогите!», а «Пожар!». Пособие шло на расхват.

Американская преступность приобретала масштабы, которые трудно представить. Многолетняя агрессия во Вьетнаме стоила США гибели свыше 50 тыс. человек. И за

те же годы примерно столько же американцев погибли от пуль соотечественников. Летом 1977 г. в Нью-Йорке разладилась электрическая сеть, на полчаса город погрузился во тьму. За это время разграбили и уничтожили ценностей на 150 млн. долл. Несмотря на все старания властей, в период с 1960—1975 гг. число преступлений с применением насилия возросло в США в 3 раза. По данным ФБР, в 1975 г. в стране было совершено почти на 30% убийств больше, чем пять лет назад. Одних лишь «серьезных преступлений» (убийства, изнасилования, вооруженные нападения) в 1970—1975 гг. было совершено более 5,5 млн. Число таких преступлений в США в расчете на душу населения намного превысило преступность аналогичного характера в подавляющем большинстве стран мира¹¹.

Официальная статистика, естественно, учитывала то, о чем сообщалось. Но это далеко не полная картина. Безвестных преступлений было гораздо больше известных. Не сообщалось, например, о более 50% ограблений на улицах, половине изнасилований, примерно 60% краж со взломом. Спрашивается: почему? Причин много, но министерство юстиции США в специальном докладе в 1979 г. выделило одну из главных: американцы не верят в помощь властей. Выявлялось еще одно обстоятельство — американская полиция фальсифицирует уголовную статистику. Да как! В начале 1983 г. шумный скандал граниул в Чикаго. Стало известно, что городское полицейское управление многократно занижает число серьезных преступлений. Если в целом по США отводили как неподтвержденные менее 10% случаев изнасилований, то в Чикаго в 1982 г. замалчивалась почти половина случаев. То же самое делалось в отношении совокупных сводок крупных преступлений. В 30 крупных городах США в среднем объявлялись неподтвержденными 1,5% таких преступлений, а в Чикаго — улучшили «показатель» почти в 15 раз, по ограблениям — в 30, по вооруженным нападениям — в 15 и т. д. Подобная практика продолжалась десятилетия. Процветал бандитизм, свирепствовали гангстеры, били рекорды и без того легендарной преступности Чикаго. Но внешняя картина была приличной. Удивительно ли, что, сталкиваясь с преступностью, американец не рвался звонить в полицию.

В 70-х годах в США усилился процесс «легализации» преступного бизнеса. Он все чаще открыто вкладывал деньги в отрасли, приносящие максимальную прибыль, — нефтяную промышленность, земельную собственность, телевидение, строительство, производство музыкальных пла-

■ Mob Power Centers

Центры деятельности мафии в США. 1980 г.

- Основные семейства мафии
- Города с сильным влиянием мафии

стинок. Американцы вынуждены выплачивать гангстерам более 20 млрд. долл. в год¹², писали У. Мокуин и Ч. Ван Дорен в капитальной монографии «Характер американской преступности». В стране насчитывалось не менее 26 «семейств» мафии. Преступный мир тянул руки к десяткам тысяч коммерческих предприятий.

Менее известная сторона насилия в США — рост физического насилия в семьях. До 6,5 млн. детей ежегодно получали увечья от родителей или других членов семьи, сообщал американский Национальный институт психиатрии в начале 1977 г. Жертвами насилия в семьях были около 50 млн. человек. В докладе Национального центра по борьбе с насилием над детьми подчеркивалось: «Опасными факторами, толкающими родителей на избиение детей, являются экономические стрессы и безработица; другая причина — злоупотребление наркотиками среди взрослых». Все это, конечно, уходило корнями в социальную среду.

До половины преступлений на улицах городов США совершили наркоманы. «Наркомания стала национальной трагедией», — признал президент Дж. Форд в 1976 г. «Она захватывает граждан всех возрастов и всех слоев общества: от домашних хозяек до преподавателей колледжей». И сотрудников Белого дома — добавили к словам прези-

дента после прихода к власти его преемника. В июле 1978 г. ушел в отставку Н. Борн, советник президента США по вопросам здравоохранения и борьбы с наркоманией. Было трудно представить причину скандалнее — Борна уличили в незаконных операциях по приобретению наркотиков. В оправдание он заявил, что, как и другие сотрудники Белого дома, «иногда употребляет наркотики» и что вообще, мол, «так поступают очень многие». Крупный авторитет по наркомании Л. Гринспун подтвердил: «Было бы аномалией, если бы не употребляли марихуану молодые люди того социального происхождения и того уровня образования, который присущ сотрудникам Белого дома». Точно. По сведениям Национального института по злоупотреблению наркотиками, число американцев в возрасте 26—34 лет, которые один раз или более употребляли марихуану или гашиш, к 1978 г. возросло до 44%.

Особенно страшная сторона наркомании в США — наркомания в вооруженных силах. Страшная во всех отношениях: и по масштабам, и в плане последствий, и с точки зрения отдельных фактов. Система глобального развертывания вооруженных сил США, постоянное размещение за пределами американской территории до полумиллиона военнослужащих, нацеленных на решение задач силовой политики, их участие в интервенциях и войнах, различных зарубежных авантюрах Вашингтона — все это, помимо прочего, бьет по самому американскому обществу тяжелым бumerангом наркомании. Американские войска, размещенные за рубежом, являются рассадником этого социального зла, важнейшим каналом его проникновения в страну. Только один факт: до 80% военнослужащих США во Вьетнаме употребляли наркотики. Это была армия наркоманов.

Вот описание крупной операции по ввозу наркотиков из Южного Вьетнама в США в ходе американской войны в ЮВА: «...В один ничем не примечательный день военные и таможенные власти в США получили анонимное сообщение о том, что прибывающий из Вьетнама и направляющийся на аэродром в Делавэр самолет военно-воздушных сил США имеет на борту героин. Летчикам по радио был дан приказ приземлиться на военной базе в другом месте. После того как из машины были выгружены обшитые звездно-полосатым американским флагом цинковые гробы с трупами погибших во Вьетнаме солдат, самолет был буквально разобран на части, но даже следов наркотиков обнаружить не удалось. Тогда вскрыли гробы, но и в них

ничего не нашли. Заканчивался уже осмотр трупов, когда кто-то обратил внимание на свежий шов на одном из них. Вызвали патологоанатомов. При вскрытии первого же трупа глазам присутствующих предстал заложенный в нем пакет с двадцатью килограммами героина. Началось расследование, результаты которого поразили видавших виды репортеров. Выяснилось, что на протяжении семи лет с лишним целый синдикат подпольных торговцев героином вел широкую транспортировку наркотика в США из Вьетнама именно в трупах американских военнослужащих. Доходы исчислялись колоссальными суммами: за один килограмм героина в Юго-Восточной Азии платили 1700 долл., а на черном рынке в США этот килограмм продавался за 20 000 долл. Прежде всего его раскупали вернувшиеся живыми из Вьетнама бывшие солдаты и офицеры вооруженных сил США»¹³.

В 1977 г. количество случаев употребления наркотиков со смертельным исходом в вооруженных силах США в Западной Европе в 3 раза превышало среднее число таких случаев в американских городах. Эти сведения власти старались приглушить — не надо объяснять разницу между наркоманом на улице и наркоманом, имеющим доступ к средствам массового уничтожения. Но в конце 1978 г. в конгрессе предали гласности новые материалы о наркомании в армии. Открылась гораздо более тревожная картина, чем это пытались представить Белый дом и Пентагон. До 20% военнослужащих США в Европе употребляли «сильнодействующие наркотики», а почти 90% военнослужащих — так называемые «слабые наркотики». Впоследствии появились сведения о том, что, например, на авианосце «Форрестол» до 60% из конфиденциально опрошенных членов экипажа принимают наркотики даже при исполнении служебных обязанностей. Авианосец курсировал в Средиземном море с ядерным оружием на борту. Не лучше обстоит дело и в сухопутных войсках США в Западной Европе: каждый шестой военнослужащий, по данным некоторых опросов, не мог нести службу без наркотиков.

Все более болезненной проблемой американского общества в 70-х годах становилось положение с психикой людей. С 1957 по 1977 г. расходы на лечение психических болезней в США возросли в 10 раз. По официальным данным, до 32 млн. американцев — до 15% населения — нуждались в помощи психиатра не менее раза в год. Конечно, не каждый факт психопатологии был следствием «американской

канского образа жизни». Но связь между громадным ростом патологии и социально-психологическими условиями не отрицали и социологи, и психиатры. «Аккумуляция кризисов» во внутренней жизни США оказывала гнетущее воздействие на человека. Утрата уверенности в перспективе, неудовлетворенность подавляющей массы трудящихся своим положением — общий знаменатель жизни США в 70-е годы.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МАСШТАБЫ И СЛЕДСТВИЯ

Железной хваткой держал Америку идеино-политический кризис 70-х годов. Он поражал институты власти, буржуазные политические партии, расшатывал элементарные нравственные нормы. В стране не затихали скандальные разоблачения политических махинаций, взяточничества и мошенничества, грубых нарушений законности со стороны наиболее высокопоставленных деятелей.

И все-таки не это было главной причиной упадка прежних иллюзий американцев в отношении власти придерживавших. Даже самые наивные, далекие от политики люди не могли не видеть неспособности верхов справиться с напором кризисных процессов, их растущее стремление преодолевать трудности в стране за счет ухудшения жизненных условий населения. И еще — небывалого разрыва между словами и делами официального Вашингтона. Это было той социальной почвой, которая питала «кризис доверия» американцев к государственной власти, достигший в истекшем десятилетии редкой остроты. Кризис стал постоянным спутником американского общества.

Рубеж 60—70-х годов США встретили в условиях парастания настроений социального недовольства. Катализатором была прежде всего агрессивная война во Вьетнаме. На демонстрациях и митингах во всех концах страны массы требовали прекращения авантюры. По-своему отвечали власти. Когда в 1969 г. проходил «поход мира» — самый крупный за время антивоенного движения, сотни тысяч демонстрантов пришли в Вашингтон в окружении войск. В 1970 г. войска снова «встречали» поход противников интервенции в Камбоджу. Походу предшествовал расстрел студенческой демонстрации в Кентском университете в штате Огайо. «Это вызвало волну протестов студенчества в масштабах всей страны. Ежедневные сооб-

щения прессы несли ощущение бунта на грани с восстанием. К концу первой недели событий в Кенте забастовки студентов или преподавателей закрыли 50 университетов и колледжей. К концу месяца в 16 штатах вступала в дело национальная гвардия», — писал о тех днях президент Р. Никсон в своих мемуарах. В Белом доме вели счет. 1969/70 академический год: 1800 студенческих демонстраций, 7500 арестов, 462 ранения у демонстрантов и полиции, 8 смертей. Практически в любом месте страны, где бывал Р. Никсон в 1970 г., его ожидали демонстрации протеста. В автомобиль президента летели камни, тухлые яйца. «После того как администрация сбросила столько бомб на Вьетнам, можно ли упрекать людей, что они пырывают эти камни и яйца?» — кричал Р. Никсону кто-то из демонстрантов в калифорнийском городе Сан-Хосе. В мае 1971 г. во время антивоенных демонстраций в Вашингтоне было подвергнуто аресту более 7 тыс. человек.

Политическая практика, как никогда здраво, вступала в конфликт с демократическими ценностями рядового американца. Историк Г. Моргентау писал: «Уже одно то, что администрация вела войну в течение длительного времени после того, как народ ясно продемонстрировал желание положить ей конец, серьезно скомпрометировало американскую политическую систему. Американцы не могут не задаваться вопросом: что же это за демократия, при которой их желания, равно как и желания избранных ими лиц, значат столь мало?..»¹⁴ Но правящие круги страны интересовала не столько политическая мораль, сколько проблема «социальной стабильности», опасение более мощных выступлений протеста. В личном письме президенту лидер демократов в сенате многоопытный М. Мэнс菲尔д в октябре 1969 г. предупреждал: «Продолжение войны во Вьетнаме, я убежден, поставит под угрозу будущее страны». И тревожила его не только гибель американцев или расстрата национальных ресурсов. «Наиболее серьезное — это глубокий раскол в нашем обществе под воздействием вьетнамского конфликта»¹⁵.

Одной из ключевых установок внутренней политики администрации Р. Никсона стал тезис: «Чем больше прав и политических свобод имеется в распоряжении граждан, тем более уязвимой становится государственная и личная безопасность». К этому сводился в конечном счете провозглашенный Белым домом лозунг «закона и порядка». Проницательные наблюдатели уже тогда отметили, что дело здесь много шире, чем борьба с уголовной преступностью.

Лозунг несет сильный антидемократический заряд. И действительно, происходившее подтверждало самые мрачные пророчества. В середине 1972 г. в США привлек внимание труд профессора К. Фридриха «Патология политической жизни: насилие, предательство, коррупция, секретность и пропаганда». Автор убедительно доказывал: перечисленное в заглавии неотделимо от американского политического процесса. Ждите, предупреждал К. Фридрих, будущее несет новые образцы «политической патологии». Не мог профессор знать, что пишет, по сути, предисловие к «Уотергейту», что президент США еще в 1970 г. дал «зеленый свет» резкой активизации деятельности репрессивно-полицейского и разведывательного аппарата, что уже вовсю орудуют подчиненные Белому дому группы политических гангстеров.

Строго говоря, произшедшее в административно-гостиничном комплексе «Уотергейт» в Вашингтоне оказалось неудачной операцией по программе «Джемстоун», которая рассматривалась в конце января 1972 г. на совещании комитета республиканской партии по избранию президента. Руководство правящей партии, прежде всего Белый дом, тогда очень тревожило, что антивоенные организации проведут гигантскую демонстрацию во время национального съезда республиканцев по выдвижению Р. Никсона на второй президентский срок. На совещании предлагалось принять широкие превентивные действия для предотвращения манифестаций протеста, вплоть до похищения(!) ряда лидеров антивоенного движения, с тем чтобы переправить их в Мексику и продержать там до тех пор, пока не закончится съезд республиканцев. Один из разделов программы «Джемстоун» предусматривал проникновение в штаб-квартиры основных претендентов на пост президента США от демократов.

Совещание, на котором обсуждалось все это, проводил лично министр юстиции США Дж. Митчелл. Одновременно он занимал пост председателя республиканского комитета по переизбранию президента. Что там американская мафия! Глава юстиции страны, окружение президента, деятели республиканской партии — вот кто держал первенство в размахе уголовных замыслов. Впоследствии соучастники «Уотергейта» в своих книгах подсыпали новых фактов о планах Белого дома по борьбе с политической оппозицией. Чего стоил, например, замысел устроить пожар в здании, где работал бывший сотрудник Пентагона Л. Гелб, чтобы в общей панике выкрасть его бумаги. Или

«проект» компрометации другого противника администрации — журналиста Дж. Андерсона — ввести ему наркотик перед очередным выступлением по телевидению? Вот такие были планы.

Их спешили осуществить. Еще в сентябре 1971 г. был устроен обыск в кабинете одного из деятелей антивоенного движения — Д. Элсберга. Искали «компрометирующие материалы». Руководили делом сотрудник Совета по внутренним делам при Белом доме И. Кроу, бывший сотрудник Совета национальной безопасности Д. Янг, бывший сотрудник ЦРУ Г. Хант, бывший сотрудник ФБР Г. Лидди. Группу именовали «водопроводчики». А ранним утром 17 июня 1972 г. наряд полиции почти случайно арестовал пять человек, взломавших двери в помещении национального комитета демократической партии в гостинице «Уотергейт».

Скандал набирал силу, становился главной темой внутренней жизни страны, перерастал в невиданный кризис власти, в острейшее противоборство ее исполнительной, законодательной и судебной частей. Различные группировки, прежде всего противники Р. Никсона, сводили политические счеты, а население страны вглядывалось в подлинное лицо хозяев Белого дома. Политическая грязь была выставлена напоказ. Становилось все яснее, что следы «Уотергейта» ведут в кабинет президента США. Расследование, которое вел конгресс, прямая трансляция по телевидению, лавина статей в печати, маневрирование, прямая ложь Белого дома, ужесточение политической борьбы под воздействием «уотергейтского скандала» — все это более двух лет держало американцев в напряжении. К ноябрю 1973 г. в конгрессе скопилось свыше 20 резолюций, призывающих судить президента США судом конгресса. Весной следующего года, пишет в мемуарах Р. Никсон, «почти каждый день был штормовым».

В начале марта в связи с «Уотергейтом» признали виновными Дж. Митчелла, Б. Холдемана, Дж. Эрлихмана, Ч. Колсона, Р. Мардиана, Г. Стрэчена, К. Паркинсона — ближайшее окружение президента, его «политическую рать». В конце месяца в Нью-Йорке судили министров Дж. Митчелла и М. Стэнса, замешанных в нелегальных финансовых аферах в связи с «Уотергейтом». В Калифорнии под следствием находился тот же Дж. Эрлихман, руководитель Совета по внутренним делам при Белом доме. Готовилось обвинение против Дж. Коннэлли, недавно ушедшего с поста министра финансов. 13 апреля 1974 г.

опросы общественного мнения впервые показали, что большинство американцев поддержат суд над президентом в конгрессе. «Хоть раз, хоть единственный миг в этом длинном году мучений,— твердил президент своим помощникам,— появится ли, наконец, просвет?»

Не было просвета. К середине 1974 г. президентство Р. Никсона агонизировало. В Верховном суде решался, по существу, вопрос о суде конгресса над главой государства. 24 июля Р. Никсон записал: «Худший момент моего президентства, ожидается решение Верховного суда». Все шло к тому, что оно будет не в пользу исполнительной власти. «Утром 25 июля,— вспоминает Никсон,— я позвонил Трубку снял А. Хейг, я спросил: «Как дела?» «Очень плохо, господин президент»,— сдавленно сказал он... Сегодня утром Верховный суд принял решение». «Единогласное?» — спросил я. «Единогласное». Перед Р. Никсоном замаячила скамья подсудимых. Его загнали в угол, политическая борьба была проиграна. Утром 8 августа он подписал финальный документ президентства. Единственная строка на странице: «Сим ухожу в отставку с поста президента Соединенных Штатов»¹⁶.

Кризис высшей власти еще не достиг апогея, как на поверхность вышло многое другое, обнажившее гниль политического процесса США. Осенью 1973 г. узнали, что вице-президент С. Агню занимался взяточничеством и вымогательством. Он вывернулся, ушел в отставку и с помощью манипуляций юристов получил «безнадзорный испытательный срок». Иначе говоря, безнаказанно остался на свободе. В том же году осудили за мошенничество О. Кернера, который дважды избирался губернатором штата Иллинойс. В 1975 г. под судом оказался Н. Мандел, торговавший влиянием на посту губернатора штата Мэриленд. За решеткой сидели министр юстиции Дж. Митчелл, высшие сотрудники Белого дома, обвиненные в преступных действиях по «Уотергейтскому делу».

Разоблачения, связанные с «Уотергейтом», в огромной степени способствовали обострению общего идейно-политического кризиса в США. Известный американский юрист Дж. Ауэрбах заключал: «Лозунги закона и порядка служили лишь маской для прикрытия репрессий, а те, кто были призваны защищать закон, были глубоко вовлечены в беззаконие... Злоупотребления высших государственных деятелей преподали урок целому поколению американцев»¹⁷. Дело, впрочем, заключалось не только в злоумышленных делах на вершине власти. Пострадавшая админи-

страция, сам Р. Никсон убедительно и толково доказывали, что они не сделали ничего такого, что не делалось в Вашингтоне и ранее. Р. Никсон так и остался при своем мнении. Отчасти ему просто не повезло — грязные политические методы, которые и раньше были в ходу в Вашингтоне, оказались выставленными на всеобщее обозрение, а противники не дали спрятать концы в воду.

Размах разоблачений «Уотергейта» притуплял внимание к злоупотреблениям рангом пониже. А там тоже все шло по нарастающей. По данным министерства юстиции, в 1967—1970 гг. к уголовной ответственности в США привлекли свыше 170 должностных лиц. Теперь масштабы преступности стали иными. Только в 1976 г. к ответственности привлекли 337 чиновников. В министерстве юстиции появилось крупное подразделение по борьбе с коррупцией среди должностных лиц. Разбирательство «уотергейтского дела» положило начало веренице скандалов, связанных с политической деятельностью американского бизнеса. «Обнаружили» очевидное — при всем «либерализме» законодательства, разрешавшего корпорациям финансировать избирательные кампании, монополии грубейшим образом нарушают закон. И что же? Хозяева бизнеса приговаривались к уплате небольших штрафов, оставались на своих постах.

Волна крупных разоблачений докатилась до конгресса. В 1972—1978 гг. 21 законодатель привлекался к уголовной ответственности. Никто из них, впрочем, не отправился из офиса за тюремную решетку. В 1975 г. нашумела скандальная связь с танцовщицей стриптиза одного из столпов Капитолия У. Миллса. Его коллега У. Хейс включил любовницу в платежную ведомость своей комиссии, оценив услуги «трудящейся» в 14 тыс. долл. в год. А председательствовал он в комиссии по этике поведения. Аморального Хейса всячески разоблачал коллега А. Хау. Попался и Хау. Да как! Выбирал себе проститутку, по оказался в ловушке, расставленной полицией. По аналогичному поводу в полиции побывал конгрессмен Д. Уэгоннер. Попутно выяснилась любопытная практика вашингтонской полиции, которая считала за правило не арестовывать членов конгресса по обвинению в «недостойном поведении». В Капитолии не иссякал источник моральной грязи.

В 1976 г. грянул такой скандал, какого в конгрессе давно не было. Оказывается, лоббисты Южной Кореи систематически выплачивали деньги десяткам конгрессменов, укрепляя «благоприятствование» Капитолия своему гни-

лому режиму. Разбирательство дела проходило поразительно: на каждой новой стадии число виновных таяло, в конце концов их почти не осталось. Сначала рассматривалась передача в суд дел 50 с лишним конгрессменов. Под следствием же оказалось менее 30 законодателей. А козлом отпущения сделали одного-единственного, которого и отправили в тюрьму. Но вскоре освободили в силу «искренности обвиняемого». По фонетическому созвучию и по политическому резонансу дело окрестили «Кореагейтом».

Безнаказанность коррупции, приобретавшей повальный характер, усиливала соблазн. Еще не закончился «Кореагейт», как уже полным ходом шла крупнейшая операция ФБР под названием «Араб скэм» («Арабские деньги»). Выявляли коррупцию в выборных органах. Некий «арабский шейх», на деле подставной агент ФБР, давал громадные взятки конгрессменам, просил о содействии в нечистой коммерции. Брали очень охотно. А номера купюр вплоть до последнего доллара фиксировались, равно как и старания конгрессменов, продвигавших дела «шейха» в законодательном порядке. В операции принимали участие сотни агентов. Встречи «шейха» просматривались, прослушивались, сохранялись в видеозаписи. Взяточников изобличили. Всего в контексте «Араб скэм», о котором в США узнали в феврале 1980 г., фигурировало более 30 законодателей.

Этой операцией ФБР сводило счеты с конгрессом. Ее начали вскоре после завершения работы специальной комиссии сената США по изучению правительственные мероприятий в области разведывательной деятельности. Доклад комиссии, опубликованный в 1976 г., известил американцев о таких масштабах нарушения их прав ФБР, ЦРУ и другими государственными органами, о которых они просто не подозревали. «Правительство накопило огромный объем информации о личной жизни, взглядах и связях американских граждан, действуя главным образом через тайных осведомителей, подслушивание телефонных разговоров, тайную перлюстрацию корреспонденции, проникновение в помещения и т. д.»¹⁸. Разоблачение полицейских и разведывательных органов США — весьма и весьма неполное — тем не менее вскрыло многолетнюю практику самых грязных приемов, массовые нарушения элементарных законодательных норм. И «возмездие» ФБР как бы подводило исполнительную и законодательную власть под единую меру продажности. В стране убеждались: амери-

канские верхи не просто используют власть для самообогащения в ущерб законности, а идут на все для сохранения самой власти.

Размах злоупотреблений, коррупции, противозаконности на всех уровнях государственной иерархии — все это в глазах американцев превращало деяния элиты в бесконечную цепь уголовных действий. Но не криминальный характер сюжетов, не их захватывающее развитие держали в напряжении американцев в течение 70-х годов. Что творится на вершине власти? Что вообще осталось от конституционных прав граждан? Почему Вашингтон столь безразличен к нуждам простых людей? Поиск ответов вел к небывалому в идеально-политической жизни США «кризису доверия» к государственному управлению, ко многим его институтам, к президентству. «Каскад разоблачений, последовавших после «уотергейтского дела», продемонстрировал миллионам американцев, которые воспринимали конституцию США как гарантию их свобод, что центром наступления на гражданские права является сама правительенная власть»¹⁹, — обобщали в научном мире.

Нарастающий «кризис доверия», усиление неблагополучия вели к большим переменам в социальной психологии американского общества. Качественно новый характер приобретали неудовлетворенность трудящихся своим жизненным положением, разочарование во многих институтах капиталистического общества, в «американском образе жизни». В 1973 г. — впервые в истории опросов общественного мнения — число недовольных внутренней обстановкой превысило в США половину населения. В преддверии 200-летнего юбилея страны так считали 61% американцев. В 1966—1976 гг. количество людей, чувствующих себя «отстраненными от происходящего вокруг», выросло в 4 раза²⁰. Около двух третей американцев в юбилейный год не сомневались, что «люди, обладающие властью, используют ее в своих интересах». Лишь один из 10 граждан выразил полное доверие исполнительной власти. А в начале 1974 г. «Нью-Йорк таймс» обнаружила: по престижу профессий конгрессмены занимают последнее место. Предпоследнее — мусорщики.

В такой обстановке не стали сенсацией выводы профессора А. Инкеле, представленные съезду Американской социологической ассоциации. Между тем указывалось на процессы, не имеющие precedента в новейшей истории США. «Средний американец считает, что такие институты государственной власти, как президентство и конгресс,

все меньше и меньше справляются с возложенными на них функциями... Не подлежит никакому сомнению, что прежнее исключительно высокое мнение американцев о своей государственной системе, их исключительная уверенность в том, что они способны принимать активное участие в политическом процессе страны и оказывать личное влияние на политику,— все это резко пошло на убыль».

200-летний юбилей прошел в США безрадостно, вяло. Чему радоваться, если правящая администрация, которая унаследовала инфляцию в 12% и безработицу в 5,4%, сдавала дела с таким итогом: «...наивысшая инфляция в истории США в мирное время, наивысшие учетные ставки за весь XX век, резкий спад в жилищном строительстве, застывшая во льдах кризиса экономика, перспектива громадного роста безработицы, спад во внешней торговле...». Эту мрачную картину, нарисованную «Нью-Йорк таймс», напоминал сам председатель торжеств президент Дж. Форд. Его президентство вошло в историю уже тем, что в Америке впервые за все время опросов населения на поверхность вышел кризис веры людей в перспективу на будущее. Дал трещину столь присущий американцам оптимизм... Большинство перестали верить, что дела в стране и дела их собственными станут лучше. Вести о пеблагополучии, казалось, шли отовсюду. Только за один 1974 г. преступность выросла на 17% — самый крупный скачок в статистике ФБР. Исполнительная власть была рекорды в сражениях с законодательной. За первые 10 месяцев президентства Дж. Форд 33 раза накладывал вето на законопроекты, пытаясь в основном срезать деньги на социально-экономические нужды. К декабрю 1976 г. накопилось уже 42 вето²¹. Так и правил в год юбилея Дж. Форд, который вел страну под лозунгом «исцелимся от невзгод». Исцелял большей частью словами.

Юбилейный оптимизм официальной пропаганды не расставал уныние. Два столетия развития США, радикально преобразив материальные условия жизни общества, ни в чем не изменили главное: жизнь личности в этом обществе по-прежнему определяло исключительное неравенство его членов. «Равенство, которое было провозглашено Декларацией независимости и за которое сражались в революцию и во время гражданской войны, все еще не достигнуто и сейчас... Продолжается концентрация средств и власти в руках все меньшего числа лиц, в то время как миллионам американских граждан отказывают в справедливой доле национального богатства»²², — высказалось на

этот счет профсоюзное объединение Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ—КПП). Ему вторил профессор из Калифорнии Д. Дауд, издавший книгу «Изуродованная мечта. Капиталистическое развитие Соединенных Штатов». «Экономическое неравенство, которое питает все другие формы неравенства, всегда являлось характерной чертой американского образа жизни. За последние 25 лет неравенство в распределении национального дохода не уменьшалось, а увеличивалось»²³. И верно, лишь 4% взрослых американцев владели собственностью на сумму более 60 тыс. долл., включая наличность и недвижимость. Совокупная стоимость их собственности превышала 1 трлн. долл. Гораздо больше, чем совокупный валовой национальный продукт десятков стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Прав был иностранный наблюдатель итальянец Д. Корсини: «Спустя два столетия после подписания Декларации независимости, которая объявляла всех людей равными и провозглашала эру свободы и прогресса, американцы стремятся свести счеты с прошлым и смотрят на настоящее и будущее с озабоченностью, отвечают глубоким скептицизмом на казенный оптимизм правительства, несут на своих плечах груз кризиса, захлестнувшего американское общество»²⁴.

В конце десятилетия политическому руководству США оставалось одно — сказать правду, квалифицировать нездоровье в идеино-политической жизни страны как важнейшую национальную проблему. Президента Дж. Картера, подтвердившего в июле 1979 г. реальность «кризиса доверия» в США, поддержали в этой оценке до 80% граждан. Президент не жалел драматизма, характеризуя меру неблагополучия в стране: «Это кризис веры — кризис, который затрагивает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли. Мы можем видеть, как этот кризис проявляется в растущих сомнениях в смысле нашей жизни, в утрате единства целей нашего народа. Подрыв нашей веры в будущее несет в себе угрозу уничтожения самого социального и политического строя Америки». Последний раз в американской истории столь тревожно говорил только Ф. Рузвельт в разгар экономического кризиса 30-х годов.

Тема «кризиса доверия» стала одной из ведущих для выступлений Дж. Картера к концу его президентства. Известный журналист У. Пфафф, однако, обоснованно написал: «Сама идея морального кризиса, который призывает ад-

министрация демократов, вероятно, может использоваться для прикрытия провала в практической политике...» Комментируя откровения президента, вздыхал обозреватель Х. Сайди: «Снова слова без взаимопонимания, обещания без средств их осуществления». Переплетение кризисов в различных областях общественной жизни, фактический отказ власти содействовать улучшению жизни трудящихся — все это было взаимосвязано, одно дополняло другое. Политика руководства страны и вела США к тому положению, в котором они оказались на рубеже 70—80-х годов.

НА ФИНИШЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Хмуро и ветрено было в Вашингтоне 20 января 1977 г. Но холодное небо, поземка с Потомака не мешали радости победителей. У Капитолия принял присягу президент-демократ Дж. Картер. Он так определил главное: «Наша страна будет по-настоящему сильной в мировых делах лишь тогда, когда будет сильной дома. Наилучшее средство укрепить свободу за рубежом — это показать всем жизненную силу нашей демократии». Энергичный призыв был по душе тем, кому в первую очередь адресовал его президент, — правящей элите страны. Отражая ее взгляды, администрация Дж. Картера была всерьез убеждена, что после затяжной полосы трудностей первой половины десятилетия ход событий в США снова вернется в благоприятное русло. В этом видели предпосылку для возврата к привычной для американского империализма наступательной политики в мировых делах и внутри страны. Теперь, мол, расчищается дорога для быстрого укрепления внутренних и внешних позиций США.

Дорога оказалась иной. В Вашингтоне сильно просчитались в оценке масштабов проблем, надвигавшихся на американский империализм. В 1977—1980 гг. в стране не было столь явного катализатора кризисных явлений недавнего прошлого, как агрессивная война во Вьетнаме. Хотя скандалов в связи с коррупцией верхов более чем хватало, ни один из них не приближался так близко к сердцевине государственной власти, как «Уотергейт». Что касается экономической жизни, то здесь, казалось бы, намечалось некоторое оживление. Вместе с тем внутреннего неблагополучия не убывало. Конец десятилетия проходил так же, как и все оно в целом, — в переплетении сложнейших проблем, решение которых так и не было найдено.

Внутренняя жизнь США сосредоточилась главным об-

разом на вопросах, связанных с ускоряющимся ростом стоимости жизни. Страна жила все тем же — высоким уровнем инфляции и безработицы, утяжелением налогового пресса, обострением энергетических проблем, кризисным положением больших городов, жилищным кризисом, пороками в социальном обеспечении, образовании, медицинском обслуживании, дальнейшим нарастанием преступности и наркомании. Бросалось в глаза, однако, что объектом недовольства все в большей мере становится государственная власть. Вполне закономерный процесс. Ухудшение положения трудящихся было особенно контрастным на фоне обещаний, розданных победителями выборов 1976 г.

Опыт давно научил американцев без иллюзий принимать обещания ведущих политических партий. Но тогда, в 1976 г., людям так хотелось верить, что демократы во главе с Дж. Картером постараются хотя бы затормозить кризисные процессы в общественной жизни, причем сделают это без внешних авантюр, содействуя разрядке и ограничению милитаризма. Большинство американцев поверили обещанию Дж. Картера в том, что «будут отвергнуты воинственные голоса тех, кто хотел бы отбросить США к временам «холодной войны» с СССР». Не менее важным казался и лейтмотив демократов — восстановить уважение к государственной власти, с тем чтобы официальный Вашингтон хоть в какой-то мере перестал быть синонимом холодного равнодушия к нуждам трудящихся. После выборов 1976 г. профсоюзная пресса писала: «Мы ожидаем исправления того антирабочего климата, который сегодня охватывает всю страну; изъятия из закона Тафта — Хартли положений о «праве на работу»; недопущения контроля над заработной платой. Все мы, кто обеспечил приход к власти Дж. Картера и У. Мондайла, ожидаем четырех лет, свободных от военных авантюр за океаном и укрепления политики разрядки; ожидаем налоговой реформы, которая бы сняла бремя с плеч тех, кто меньше всего в состоянии нести его; ожидаем обеспечения равноправия, введения общенациональной программы здравоохранения, конструктивного отношения к проблемам больших городов... Это — минимум для американского народа»²⁵.

Еще в 1972 г. известный американский историк А. Шлезингер, указывая на симптомы расстройства в политической системе США, предсказал «наступление новой политической эры». Нам потребуется, указывал он, «восстановить единство нации, создать объединяющее чувство национальной общности». Спустя шесть лет тот же Шле-

зингер раскрыл ход мышления правящих кругов США. «В поисках средств, способных придать внешней политике США моральную содержательность, администрация Картера остановилась на идее прав человека как на подходящем объединяющем принципе. Это обещало восстановить моральные позиции США за рубежом, которые столь сильно подрывались Вьетнамом, «Уотергейтом», поддержкой диктаторских режимов, заговорами ЦРУ с целью убийства иностранных деятелей и т. д. Это также обещало восстановить внутреннее согласие в самих США в поддержку внешней политики правительства»²⁶. Теперь Вашингтон и восстанавливал «единство нации» на путях трескучей политico-идеологической кампании в «защиту прав человека». Гораздо активнее стала также пропаганда «американского морального превосходства», «американской моральной миссии» внутри самих США. А дела в стране шли плохо...

«Инфляция напосит огромный экономический и социальный ущерб»²⁷ — так начинали демократы в 1976 г. раздел своей избирательной программы о мерах против инфляции. Итог: к началу 1980 г. по сравнению с моментом прихода Дж. Картера к власти в январе 1977 г. инфляция увеличилась в два с лишним раза. Демократы обещали добиться сокращения безработицы до 3% в 1980 г. Итог: к началу 1980 г. безработных было в 2 раза больше. В 1979 г. впервые после предыдущего экономического кризиса в армию безработных наряду с молодежью, которая только вступала на рынок труда, стали вливаться кадровые рабочие. Правительство же более чем вдвое сократило федеральные программы трудоустройства на общественных работах.

Дж. Картер клялся сделать все, чтобы «граждане — независимо отрасы, цвета кожи, пола, религии, возраста, языка или национального происхождения — в полной мере участвовали в экономических, социальных и политических процессах страны». Но вот точка зрения 75% черных американцев: Вашингтон не заинтересован в улучшении их положения и тем более в обеспечении им реального равноправия с белыми. «Положение черных снова ухудшается, и для многих из тех, кто живет в зонах бедности, это положение уже сейчас является более катастрофическим, чем в период наиболее серьезных волнений и мятежей черных в 60-е годы», — констатировал Г. Хилл, один из руководителей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

Обозреватели, даже искушенные, буквально разводили руками. Как же обесценивала слово власти администрация Дж. Картера! Вместо обещаний провести «полную нереструктуризацию налогообложения» — нарастающие налоги, отнимающие у людей труда до 40% их заработной платы. Вместо обещанной помощи бедным — прежняя нищета, например, на американском Юге, где по-прежнему до 40% американцев не имели прожиточного минимума. Вместо «всеохватывающей национальной системы медицинского страхования» — 18 млн. американцев, не имеющих никакого государственного социального обеспечения в случае болезни. Вместо улучшения дел с жильем — около 34 млн. американцев проживали в жилищах, не отвечающих минимальным санитарным требованиям.

Мало общего с интересами рядовых американцев имела и энергетическая политика администрации. В условиях, когда рост затрат на импорт нефти и нефтепродуктов подрывал платежный баланс США, ускоряя темпы инфляции, правительство Дж. Картера бушевало на словах, грозило решительными мерами против нефтяных и газовых монополий. Весной 1980 г. конгресс одобрил основные положения энергетической программы Белого дома, но вместо контроля над ценами, которые постоянно повышали нефтяные концерны, речь по сути шла об отмене такого контроля.

Демократы все дальше смещались на консервативный путь в своей внутренней политике. Постепенно сокращались расходы на многие крупные программы, касающиеся хотя бы небольшого улучшения социально-экономического положения трудящихся. Во главу угла выдвигалась задача борьбы с инфляцией. За счет кого? За счет рядового американца. Существенно сокращались расходы на медицинское обслуживание, на высшее образование, на переквалификацию безработных, на субсидии по ряду категорий социального обеспечения и т. д. Президент фактически отказался от расхвалинной им программы помощи городам. «Администрация Картера отвернулась от проблем, которые она обещала разрешить, идя на предыдущие выборы, — указывал сенатор Э. Кеннеди. — Отвернулась от людей, которые живут с этими проблемами постоянно, — людей, оказавшихся без работы или находящихся накануне увольнения; от родителей, которые не могут послать в колледж своих сыновей и дочерей; от больных, которые не в состоянии оплатить счета за лечение; от престарелых, вынужденных выбирать между отоплением своих жилищ и пищей на столе».

Все это составляло социально-экономическую основу дальнейшего углубления «кризиса доверия» к Белому дому. В июле 1979 г. доверие администрации выразило менее трети населения. Беспримерных масштабов достигла неудовлетворенность трудящихся отдельными аспектами внутренней политики правительства. В середине того же года восемь американцев из 10 отрицательно оценивали и антиинфляционную, и энергетическую, и общую экономическую политику Дж. Картера. Главное же было в том, что неурядицы воспринимались уже как неизбежное зло, почти что норма. США начинали привыкать к затянувшемуся кризисному неблагополучию. Еще больше усиливались настроения пессимизма, уныния, неверия в то, что жизненное положение трудящихся может измениться к лучшему. В стране росли недовольство и одновременно политическая апатия.

Наступало, иначе говоря, золотое время для американских консервативно-милитаристских сил. Те давно уже называли программу «социального реванша»: ограничить или вообще отказаться от ряда либерально-реформистских методов смягчения остроты положения, сократить роль государства в ослаблении воздействия кризисного неблагополучия на жизнь трудящихся, открыть все шлюзы для обогащения крупного капитала. Взамен обещалось «экономическое возрождение Америки». Под напором правых сил, в условиях явного провала традиционных методов государственно-монополистического регулирования, теряли политическую волю их основные сторонники — умеренно-либеральные группировки США. Социально-экономические, социально-психологические условия открывали путь к власти воинствующему крылу правящей верхушки, представленному прежде всего группировкой республиканской партии во главе с Р. Рейганом. В стране происходила далеко идущая перегруппировка политических сил²⁸.

Консервативные круги били в одну точку, подчеркивая нарастание трудностей в стране, снижение уровня жизни. В год избирательной кампании реальные доходы населения сократились более чем на 5 % по сравнению с 1979 г. Самое крупное ежегодное снижение после второй мировой войны. В целом, по данным профсоюзов, в 1979—1981 гг. уровень реальной заработной платы рабочих снизился почти на 10 %²⁹. Атакующие республиканцы обогатили политический словарь новой категорией — «индекс страданий семьи». То была арифметическая сумма показателей роста цен на питание, топливо, жилье, а также уровня безрабо-

тицы, выраженных в процентах. За месяц до выборов 1980 г. Р. Рейган сообщил, что «индекс» возрос более чем в 3 раза за годы правления демократов. Усмехалась ученая профессура, знакомясь с «индексом», но не улыбались миллионы людей — фактическая сторона дела была убедительной. Вечером перед выборами Рональд Рейган обратился к стране: «Когда вы будете голосовать, подумайте — лучше или хуже живется сейчас, чем четыре года назад?»

«У нас есть мандат избирателей», — твердила впоследствии администрация Рейгана. Так ли это — разъяснил американский исследователь А. Роуз. За республиканцев в 1980 г. голосовали 51% тех, кто пришел на избирательные участки. Это было чуть больше четверти населения США с правом голоса. Более 60% опрошенных не сомневались: Р. Рейган победил потому, что избиратели отвергли Дж. Картера. Лишь 10% американцев объясняли победу республиканцев их политической программой. «Где же этот «мандат», о котором ведет речь Белый дом?»³⁰ — спрашивал А. Роуз.

Но выборы 1980 г. были еще впереди. Пока же в Соединенных Штатах хваталась за рычаги власти, металась, теряя выдержку, администрация Дж. Картера. От внутреннего неблагополучия было некуда деться. В конце июня 1979 г. Дж. Картер вылетел в Токио на встречу с лидерами ведущих стран Запада. «Когда я был в Японии, — вспоминает он в мемуарах, — из дома шли только плохие вести. Вереницы машин на многих бензоколонках — сначала в Калифорнии, потом по всей стране, угроза еще большей нехватки горючего. Цены на нефть подскакивают каждую неделю. Забастовка водителей грузовиков, проведенная вопреки профсоюзу, резко ухудшает дело. И виновным во всем считали в основном меня. Мои долгие стычки с конгрессом убедили многих в том, что демократы просто не в состоянии решить большинство сложных проблем. Опросы общественного мнения показывали падение моей популярности до рекордно низкого уровня»³¹.

Растущие масштабы нерешенных проблем, неспособность Вашингтона повернуть дела к лучшему содействовали тому, что внутренняя обстановка в США оставалась неустойчивой и «трудноуправляемой» для демократов на протяжении всего срока их пребывания у власти. Помощник президента по вопросам внутренней политики С. Эйзенштат признавал, что «эффективно управлять страной стало сейчас труднее, чем когда-либо в американской исто-

рии». Феномен был новый и очень тревожный для американских верхов.

Центральная внутренняя задача демократов — восстановление доверия к власти — казалась теперь просто нелепой. Никакие кампании в «защиту прав человека» не могли отвлечь американцев от неблагополучия в стране. В самом деле, что в американских реалиях хоть сколько-нибудь соответствовало главной теме Дж. Картера, с которой он вошел в большую политику? «Пусть наша страна станет идеалом мирового сообщества в мужестве и сострадании, в цельности, в приверженности основным правам и свободам личности»³², — призывал в свое время Дж. Картер, объявляя свою кандидатуру на пост президента. И что же? Идеал еще дальше отдался от жизни.

В своей внутренней политике администрация провалилась. Американцы не хотят переизбрания Дж. Картера, сообщил летом 1980 г. ведущий эксперт Белого дома по изучению общественного мнения социолог П. Кэддел. У демократов оставалось в резерве ударное средство, не раз испытанное правящими кругами. К нему уже давно толкали Дж. Картера консервативно-милитаристские группировки, военно-промышленный комплекс, сионисты, другие реакционные силы во внутренней политике США. Белый дом был и сам не прочь попробовать, причем в полную меру.

Рецепт составили давно, но особенно часто это средство пускали в ход в годы «холодной войны»: спровоцировать международный кризис или конфликт, а лучше целую серию кризисов, взвинтить рядового американца, с тем чтобы едким милитаристским угаром заставить его закрыть глаза на неблагополучие дома, вынудить слепо доверяться государственному руководству. А для этого требовалось ударить в милитаристский набат. Тот же П. Кэддел в феврале 1980 г. отчетливо развивал тезис: наибольшую, мол, выгоду для укрепления позиций политического деятеля, пребывающего у власти, дает создание конфликтных ситуаций или даже «небольшой войны» за рубежом. «Небольшая война чрезвычайно поднимает шансы на выборах... — раскрывал карты консультант Дж. Картера. — Любой президент может заставить страну сплотиться вокруг себя решительными, воинственными действиями». Сторонников таких «действий» в руководстве США было предостаточно.

Когда под новый, 1980 год в Вашингтоне, теряя равновесие, рывком повернули вправо штурвал впешней политики США, это не только выявило меру нежелания правящих кругов страны считаться с реальностями современно-

го мира и неуклонным процессом его обновления, но и меру нервозности, метаний, неуверенности в себе правящей элиты, устрашенной «аккумуляцией кризисов» в самих Соединенных Штатах. «Вынудить американцев молчаливо и пассивно согласиться с резким ухудшением жизненных условий», — так охарактеризовал внутренние корни пресловутой «доктрины Картера» Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл.

* * *

В 1968 г. республиканская партия США констатировала: «Мы живем в смутный период. Десятки тысяч молодых людей отдали свои жизни и были ранены во Вьетнаме. Многие молодые люди теряют веру в наше общество. Наши города стали центрами отчаяния. Миллионы американцев попали в порочный круг нищеты и обречены на неполнценное образование, безработицу или неполную занятость... Инфляция подрывает доверие к доллару как в нашей стране, так и за границей, серьезно сокращая доходы семей, безработных, фермеров и всех тех, кто живет на постоянные твердые доходы и пенсии. Сегодня американцы не уверены в своем будущем и разочарованы в недавнем прошлом»³³. За вычетом строки о Вьетнаме, осталось было полностью применимо к Америке спустя 10 с лишним лет. Только гораздо в большей мере. Побеждающий Рональд Рейган, пробиваясь к власти, клеймил дела предшественников чуть ли не теми же словами.

Впрочем, нашлись и свои слова для диагноза положения как у самих американцев, так и у главы государства. Летом последнего года своего президентства Дж. Картер предпринял невиданный шаг, собрав в Кэмп-Дэвиде нечто вроде «совета нации». Одна за другой встречались с ним группы представителей политических кругов, бизнеса, конгрессменов, губернаторов, деятелей науки, культуры, церкви, ведущих экономистов, журналистов и т. д. Говорили в общем одно и то же: «В стране преобладают отчаяние и отчуждение». Дж. Картер поспешно записывал: «Мы пережили целую вереницу кризисов, и до сих пор положение не улучшилось... Г-н президент, мы попали в беду... У нас кризис доверия... Люди говорят: я люблю свою страну — и ненавижу ее правительство... Вы не ведете страну, г-н президент, вы просто ведаете государственными делами...»

Потрясенный услышанным, Дж. Картер воскресным вечером 15 июля 1979 г. обратился к нации с экранов телевидения:

левизоров. И сразу взял широко: «До тех пор, пока не были убиты Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди и Мартин Лютер Кинг, мы не испытывали сомнений в том, что олицетворяет Америку свобода избирать, а не свобода убивать. Нам всегда внушали, что армия Америки непобедима, что мы всегда бьемся за справедливое дело — и вот мучительная боль Вьетнама. Мы уважали президентство как хранилище достоинства и чести — и вот шок «Уотергейта». Мы помнили, что слова «прочный, как доллар» были синонимом предельной надежности, но за 10 лет инфляции наш доллар был смят, сократились наши сбережения. Мы верили в безграничность наших ресурсов, но с 1973 г. сталкиваемся с растущей зависимостью от иностранной нефти. Все эти раны еще открыты. Их никто не исцелил»³⁴.

Добавить к этим словам следовало многое, равно как и оспорить некоторые мысли президента. Но диагноз оспаривать не приходилось.

Глава II «БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

«ЖАЛКОЕ БЛАГОЧЕСТИВОЕ ПОЖЕЛАНИЕ»

Руководство США никогда не жалело сил на словесную войну с безработицей. «Американское общество потеряло 1 млрд. рабочих дней в 1962 г., ибо желавшие работать люди не могли найти работу с полным рабочим днем,— воскликнул в свое время Дж. Кеннеди.— Это равнозначно тому, что все трудящиеся Соединенных Штатов остались бы без заработной платы в течение трех недель». Демократическая партия бичевала безработицу и в своей избирательной программе 1976 г.: «Безработица означает постоянное первое напряжение, страх перед неоплаченными счетами, бесцельно потерянное время, утрату собственного достоинства, ущерб отношениям в семье, алкоголизм и наркоманию, преступность... Работа — это мерило места человека в обществе, средство борьбы с бедностью и голодом, способ обеспечения других нужд трудящихся и их семей»¹.

Истины бесспорные. Но в том же 1976 г. главные политические партии предложили американцам следующую перспективу. Республиканцы — обеспечить экономическую конъюнктуру, при которой безработица в период 1976—1980 гг. оставалась бы на уровне 7,5—7,7% рабочей силы страны. Демократы обязались держать безработицу на уровне 4,5%. И тех и других, следовательно, удовлетворяла армия безработных в 4—7 млн. человек. Победители на выборах во главе с Дж. Картером подчеркивали, что их выкладки в отношении безработицы вплотную приблизят страну к так называемой «полной занятости».

Естественно предположить, что речь идет о праве на труд для всего самодеятельного населения. Отнюдь нет. Речь идет о планировании безработицы. Современная политическая экономия США утверждает, что «полная занятость» наступает в случае, если уровень безработицы не превышает 4—4,5% от численности рабочей силы страны, т. е. остается на уровне примерно 4 млн. трудящихся. Такую безработицу считают оптимальной для развития капиталистической экономики. Рассчитано, что этот уровень

соответствует использованию примерно 92% ее производственных мощностей. А при более полном их использовании, означающем и более высокий уровень занятости, рабочие будут гораздо активнее требовать увеличения заработной платы, оказывать сопротивление дальнейшей интенсификации труда. С другой стороны, когда официальный уровень безработицы превышает 5%, опыт классовой борьбы заставляет правящие круги опасаться социально-политических осложнений².

В октябре 1978 г. концепция «полной занятости» впервые получила в США законодательное закрепление. Конгресс одобрил законопроект Хэмфри — Хокинса, в соответствии с которым к 1983 г. безработица в стране должна поддерживаться на уровне 4%. Закон-то приняли. А на деле к указанному сроку безработица стала вообще неуправляемой, превысив «план» в 2,5 раза. В последние десятилетия армия американских безработных мало сокращается даже во время экономических подъемов. Причем в число безработных не включаются те, кто работал хоть час в неделю, а также те, кто отчаялся найти работу и больше не проходит регистрацию на бирже труда. Не фиксируются такие формы скрытой безработицы, как вынужденный уход на пенсию досрочно, работа специалистов высокой квалификации на неквалифицированной работе и т. д. С учетом «скрытой» безработицы, как считают многие американские экономисты, ее подлинные масштабы в 1,5—2 раза выше официальных данных.

Развернутую характеристику дискриминации личности в экономической жизни США первой половины 70-х годов представило АФТ—КПП в своей «Платформе предложений и требований» от 1976 г. «В последние семь лет катастрофическая экономическая политика правительства привела к ликвидации миллионов рабочих мест, разрушила надежды миллионов семей на улучшение жилищных условий и образование для их детей. Эта политика привела к снижению жизненного уровня в стране, повернула вспять улучшение условий для трудящихся из числа национальных меньшинств, а также женщин, стремящихся стать равноправными членами общества... Запланированная безработица являлась составной частью экономической политики федеральной администрации»³.

К числу самых обездоленных в США относятся сельскохозяйственные рабочие. На них фактически не распространяются основные законы по социально-трудовым нормам. До недавнего времени их вообще не охватывало фе-

деральное законодательство о минимальном рабочем возрасте, о минимуме заработной платы. Теперь эти рабочие имеют право на минимальную зарплату, но гораздо более низкую, чем в промышленности. Большинство штатов полностью исключает их из сферы социального обеспечения или предусматривает лишь частичное страхование. Американское сельское хозяйство остается ареной нарушения прав человека в одной из наиболее жестоких форм — в отношении детского труда. «Сотни тысяч детей сельскохозяйственных рабочих нашей страны в возрасте до 16 лет вынуждены постоянно трудиться на полях... — возмущался президент Объединенного профсоюза сельскохозяйственных рабочих США Ц. Чавез в 1977 г. — Если кто-то считает, что, мол, «работа на ферме полезна для детей», то наивное представление моментально рухнет, если ознакомиться с трагической статистикой: детская смертность в семьях фермеров выше общенационального уровня на 125%, заболевание туберкулезом выше на 260%».

Огромной сферой нарушений прав человека в трудовых отношениях является дискриминация государственных служащих. Соединенные Штаты — фактически единственная развитая капиталистическая страна, которая, за малыми исключениями, до сих пор лишает своих государственных служащих права на коллективные договоры. «Мы не можем добиться принятия закона, который разрешил бы нашим государственным служащим вести коллективные переговоры. Не можем добиться принятия закона о медицинском обслуживании. Не можем добиться принятия достойных законов по социальному обеспечению. Не можем добиться принятия закона о полной занятости, который гарантировал бы право на труд нашему народу», — отмечал председатель Американской Федерации служащих штатов, графств и муниципалитетов Д. Уэрф.

Профсоюзный еженедельник «Новости АФТ — КПП» как-то назвал федерального служащего «забытым тружеником в политике Соединенных Штатов в области трудовых отношений». Но власти хорошо помнят о бесправии государственных служащих, когда бьют по их интересам. Летом 1981 г. профсоюз авиадиспетчеров объявил забастовку, протестуя против условий трудового контракта. Профсоюз разгромили, лидеров судили, а за пульты приборов в аэропортах по приказу Р. Рейгана сели военнослужащие.

В докладе Комиссии Соединенных Штатов по гражданским правам в 1977 г. дается общая картина нарушения прав человека в США в социально-экономической области,

в первую очередь в отношении черных, других национальных меньшинств, молодежи, женщин. Выделялась группа «отчаявшихся», которые отказались от поисков работы, считая это безнадежным делом. В 1974—1975 гг. таких безработных в США насчитывалось в среднем около 1 млн., причем 85% из них составляли женщины, молодежь и пожилые люди. Самый крупный отряд в армии американских безработных — потерявшие работу из-за массовых увольнений. Доля черных трудящихся достигает здесь 18%, хотя они составляют 11% трудоспособного населения. «Принимать на работу последними, а увольнять первыми» — норма в отношении национальных меньшинств, женщин и молодежи. Так действуют практически все американские предприниматели.

Экономическая дискриминация национальных меньшинств, женщин и молодежи существовала в США всегда. Во время второй мировой войны лишь один черный рабочий из 22 имел квалификацию, а среди белых — один из семи. Положение не улучшалось; к середине 50-х годов доход семьи небелых американцев в среднем составлял 54% от дохода семьи белых. Женщины практически всегда зарабатывали почти в 2 раза меньше мужчин независимо от циклических стадий экономики. Соотношение белых и небелых в американской армии безработных тоже менялось мало. В 1973 г., как и, например, в 1954 г., небелые американцы составляли 8,8—9% безработных, а белые в 2 раза меньше. Что касается заработной платы небелого работающего населения, то она почти в 2 раза отставала от зарплаты белых как в 1954 г., так и в 1973 г. Безработица среди черных превышала безработицу белых в 2,5 раза.

Несмотря на принятые в 60-х годах законодательство, касающееся «равных прав на труд», эти права «остаются нереализованными для очень многих представителей национальных меньшинств и женщин США», — констатировала Комиссия Соединенных Штатов по гражданским правам в одном из своих докладов. В сопроводительном письме президенту США и руководителям конгресса она указывала: «Перспектива сохранения высокой безработицы и экономических кризисов в будущем угрожает не только весьма уязвимым национальным меньшинствам и женщинам с незначительным производственным стажем, но и многим белым рабочим, особенно молодежи. Социальная цена этой безработицы, в том числе для потерявших работу и отчаявшихся ее найти, — настоящая национальная трагедия»⁴.

Можно добавить, что это безнадежная трагедия; полумеры властей не меняют сути. Законодательство о пособиях по безработице никак не соответствует ни масштабам безработицы, ни стоимости жизни. Даже максимальный размер пособия в 37 штатах ниже «уровня бедности»*. Срок выдачи пособия в конце 70-х годов кое-где достигал 36 недель, но в большинстве штатов он составлял 26 недель. Но это предельный срок. Как правило, в действительности речь шла не более чем о 12 неделях. И если безработный отказывался от предложенной работы, не соответствующей, например, его специальности или квалификации, он лишался права на пособие. Средний размер пособия сокращал прежний жизненный уровень человека в 3 раза. Среднестатистическая семья безработного получала немногим более половины суммы, составляющей официальный «уровень бедности».

Буржуазная экономическая мысль ведет поиск средств сокращения безработицы до определенных пределов. Что это за средства? В том же докладе Комиссии Соединенных Штатов по гражданским правам проводился обзор некоторых рецептов. Первое — сокращение рабочего времени, в том числе за счет прекращения работы предприятия или учреждения на определенный промежуток времени, увольнение «по очереди», на временной основе и т. д. Второе — «призывы» к трудящимся «добровольно» соглашаться на отпуска без оплаты содержания или выходить на пенсию раньше установленного срока. Третье — добиваться согласия трудящихся, опять-таки «добровольного», на сокращение заработной платы, отказ от ее повышения и т. д. Четвертая категория средств предполагает «согласие» работающих на сокращение социальных льгот при нетрудоспособности, страховании, сокращение взносов в профсоюзные фонды социального обеспечения и увеличение этих взносов в кассу предпринимателя, отказ от профессионального обучения и т. д.

Ничего добровольного здесь нет. Все средства давно в ходу — и без всякого согласия американцев. Речь идет о том, чтобы «преодолевать» безработицу за счет трудящихся путем ограничения права на труд или же путем искусств-

* В качестве показателя «уровня бедности» в США используется расчет минимальной стоимости рациона питания бедной семьи, который затем увеличивается в 3 раза, исходя из предположения, что затраты бедных семей на питание составляют одну треть их общих расходов. Официальные оценки «уровня бедности», как правило, занижаются, причем значительно.

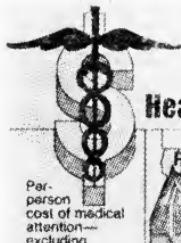
венного сокращения производства. Каждое средство направлено на ущемление личности. И каждое подтверждает мысль К. Маркса о том, что в условиях капитализма право на труд есть «бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание»⁵.

ЖЕСТОКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

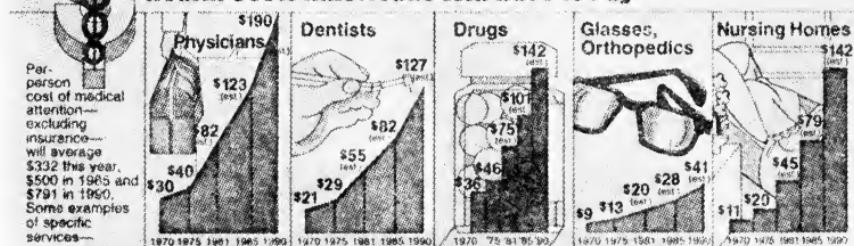
Парадоксальное положение существует в США в области здравоохранения. Америка занимает последнее место в мире среди развитых капиталистических стран по числу больничных коек на 100 тыс. человек населения. Более того, ежедневно остаются незанятыми до 200 тыс. больничных мест. Что же, американцы отличаются завидным здоровьем? Нет. Дело в другом — медицинское обслуживание — не право, а товар, который надо покупать. И за очень высокую цену.

Ссылки на «естественное» удорожание в силу инфляции, которыми в США оправдывают такое положение, совершенно несостоятельны. Стоимость больничного обслуживания в последнее десятилетие росла в 7 раз быстрее инфляционного увеличения цен. В начале 80-х годов курс лечения пациента в американской больнице обходился в среднем выше 500 долл. Но это «в среднем». В конгрессе однажды привели случай, когда за 10 дней пребывания в госпитале пациенту представили счет на 23 тыс. долл. Лекарства обошлись в 3,5 тыс. долл.

В течение одного только 1977 г. американцы заплатили за лечение в больнице 65,6 млрд. долл., за визиты к врачу — 42 млрд. долл. А чего стоит «достижение» фармацевтической промышленности США — самая высокая в стране норма прибыли. Опередила военный бизнес. К середине 80-х годов расходы граждан США на охрану своего здоровья, по американским оценкам, составят примерно 460 млн. долл. «Мы занимаемся коммерцией», — признал М. Барч, администратор медицинского центра университета им. Дж. Вашингтона. «Наша система здравоохранения — это вовсе не система», — обобщал один из руководителей министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения Л. Шеффер. Неправильно! Система есть, она эффективна, но не охрана здоровья является ее высшей целью, а прежде всего нажива. Тот же Шеффер рассказывал: «В 1979 г. мы обнаружили, что, чем меньше больничных коек в районе, тем выше процент их использования —

Health Costs Americans Will Have to Pay

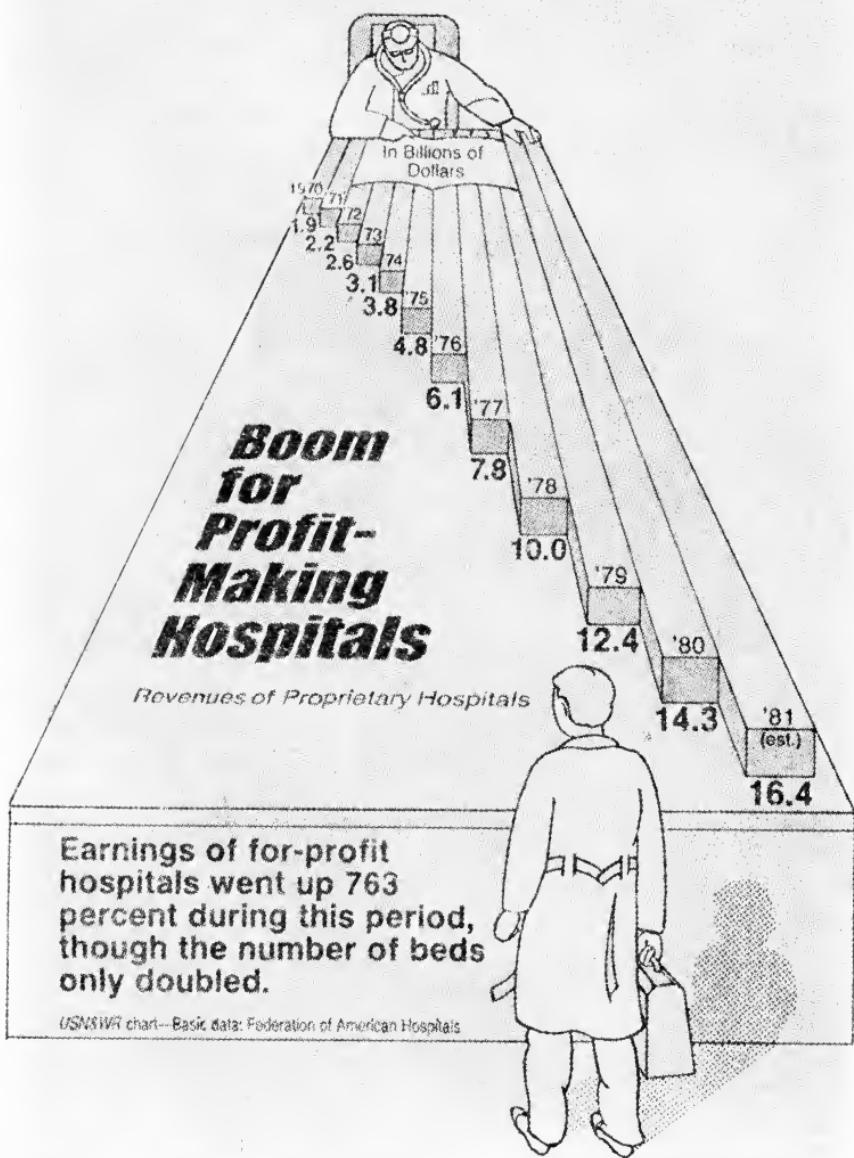
Увеличение стоимости медицинского обслуживания, включая прогноз на 1990 г.

Визит к терапевту; визит к стоматологу; средняя стоимость лекарства; средняя стоимость очков; уход за больным

и тем больше расходы на каждого пациента. Чем меньше врачей в районе, тем выше их гонорар».

Система частного предпринимательства ведет к невероятным делам. Получается, что объективно врачи заинтересованы не в быстрейшем выздоровлении человека, а в том, чтобы лечить подольше и, естественно, подороже. Однажды медики Лос-Анджелеса в знак протеста против махинаций страховых компаний перешли к замедленному темпу работы. Количество плановых операций в хирургических отделениях сократилось в 2 раза. И тогда процент смертности по Лос-Анджелесу снизился, причем значительно. По словам д-ра М. Ромера из Калифорнийского университета, «такие открытия подтверждают растущее число свидетельств того, что люди выиграли бы, если бы в США проводилось меньше ненужных хирургических операций». Возмущение трудящихся вынуждает власти добиваться ограничений на рост цен в области медицинского обслуживания. Профессиональные ассоциации врачей — категорически против. И это при том, что американские медики, получая диплом, дают клятву Гиппократа, обещая помогать людям, не щадя сил.

Если в американских больницах из-за дороговизны не хватает пациентов, то в домах для престарелых свободных мест нет. В 1978 г. около 1 млн. американцев находились в интернатах для престарелых. Есть заведения, обеспечи-

Врачи считают прибыли.

(Рост доходов американских частных больниц с 1970 по 1981 г.)

вающие приличные условия, но там вступительный взнос — 20 тыс. долл. и более, ежемесячная плата — свыше 400 долл. В сферу бизнеса на престарелых проникает американская организованная преступность. Выгодно!

В середине 70-х годов почти 22 млн. человек в США не были охвачены никакими формами государственного материального обеспечения по состоянию здоровья в случае потери трудоспособности на производстве. Между тем ежегодно от травм на производстве умирали 14 тыс. американцев, более 2 млн. получалиувечье. Но это по официальной статистике. Профсоюзная дает более серьезную картину: один из 10 американских рабочих страдает от той или иной производственной травмы или профессионального заболевания. По оценке известного общественного деятеля страны Р. Нейдера, в 1970 г. в США имело место 8—9 млн. случаев производственного травматизма. «Преступность на улице,— по его словам,— не превышает и половины случаев со смертельным исходом на производстве». Удельный вес смертельных случаев в результате травм в строительной промышленности США значительно выше, чем среди полицейских, постоянно сталкивающихся с преступностью.

Что касается черных американцев, то факты говорят сами за себя: средняя продолжительность их жизни в США на шесть лет меньше, чем белых. В частности, в нью-йоркском Гарлеме, где проживает более 300 тыс. черного населения города, число врачей на тысячу человек вдвое ниже, чем в других районах. Крупный деятель американского здравоохранения профессор В. Сайдел обобщил закономерности взаимосвязи социальных и расовых факторов с состоянием здоровья американцев на начало 80-х годов. «Здоровье бедных и расовых меньшинств, равно как и условия здравоохранения для них, намного уступает положению обеспеченных американцев и белых. В целом по США смертность снизилась, но смертность у расовых меньшинств примерно на треть выше, чем у белых почти всех возрастов; среди бедных и менее образованных смертность также выше... Смертность при рождении у расовых меньшинств примерно в 2 раза выше, чем среди белых. Небелые роженицы умирают в 3 раза чаще, чем белые, и за последнюю четверть века пропорция практически не изменилась. В 1950—1975 гг. смертность от рака для белого населения США увеличилась на 4% и на 20% для небелого»⁶.

Впечатляющая статистика? Подсчитано в США и то, что средняя продолжительность жизни представителей беднейших слоев населения обрывается на рубеже пенси-

онного возраста. Вопрос о пенсиях для них просто не возникает. Еще более жестоко капитализм США решил проблему пенсионного обеспечения для американцев индейского происхождения. Коренные жители Америки в среднем не доживают до пенсионного возраста 20 лет.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТОВАР

Это дорогой товар — хорошее образование в США. В лучших вузах страны (Гарвардский, Стэнфордский университеты и др.) ежегодная стоимость обучения к концу 70-х годов превысила 7 тыс. долл. А если добавить оплату общежития — более 10 тыс. долл. Стоимость образования в таких вузах равна стоимости трех-четырех легковых автомобилей. В 1970—1977 гг. плата за обучение в американских колледжах увеличилась более чем в 1,5 раза. Практически это означает, что американской семье из четырех человек, находящейся на «уровне бедности», необходимо отдать все деньги до последнего цента для содержания сына или дочери в частном вузе. Но и этого может не хватить.

Зависимость качества и объема образования от имущественного положения личности — почва, на которой цветут всевозможные формы дискриминации, регулирующей доступ к тем или иным профессиям. Взять профессию юриста. Дж. Ауэрбах в 1976 г. опубликовал исследование о формировании в США профессиональных юридических кадров с конца XIX в. по настоящее время под названием «Первое правосудие». Для «посторонних», для выходцев из фермерских, иммиграントских семей, для представителей национальных меньшинств «карьера в фирме Уолл-стрита... представляет собой безуспешное карабканье по отвесной стене». Как пишет автор, вплоть до 70-х годов черные и другие национальные меньшинства, а также женщины в юридической профессии «фактически оставались аутсайдерами»⁷. Доля черных студентов в юридических вузах США в 1976 г. составила чуть больше 4% общего количества учащихся.

Особенно тщательно в США следят за преподавательскими кадрами высшей школы. Калифорнийский университет в Беркли — один из лучших вузов страны. И в то же время это один из самых расистских университетов. Здесь особенно много случаев увольнений профессуры по расовым и политическим мотивам. Под разными предлогами из

Беркли изгнались Уильям Дюбуа, Анджела Дэвис, лауреат Национальной премии по литературе 1973 г. И. Рид и другие. Профессор социологии Г. Эдвардс, уволенный из Калифорнийского университета за прогрессивные убеждения, свидетельствует: «За семь лет работы в Беркли я постоянно сталкивался с расовой дискриминацией негров и представителей других национальных меньшинств. Достаточно сказать, что среди 4 тыс. 600 преподавателей нашего университета всего 24 черных».

Когда образование получено или куплено — что дальше? Нет гарантий того, что человек получит работу по специальности. На этот счет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд репорт» в марте 1977 г. писал: «Молодых специалистов с дипломами в области криминалистики, биологии, искусствоведения можно встретить среди складских грузчиков, механиков торговых автоматов, продавцов. Например, К. Андерсон, окончивший университет штата Флорида, имеет учченую степень в области английского языка, но сейчас работает продавцом в магазине вин. Векс-барах Вашингтона выступает выпускница Джорджатаунского университета Р. Рейд — кандидат наук в области международных отношений... Примеров масса». По данным Международной организации труда, 950 тыс. выпускников американских вузов не будут обеспечены рабочими местами для специалистов с высшим образованием в период 1974—1985 гг. Безработица среди молодых женщин — инженеров и научных работников в 4 раза выше, чем среди мужчин этих профессий. Высшее образование в США — зачастую «билет в никуда».

Любая начальная школа учит читать и писать. Но до сих пор, на третьем веку существования США, неграмотность — реальный факт. В книге «Оборотная сторона США» немецкий социолог Л. Маттиас пишет: «Даже если исключить негритянское население, все равно процент неграмотных в Соединенных Штатах окажется выше, чем в какой-либо другой цивилизованной стране».

Впервые о массовой неграмотности в США всерьез заговорили во время первой мировой войны. Это обнаружилось при освидетельствовании призывников. Тогдашний министр внутренних дел в тревоге воскликнул: «Что можно сказать о демократии, посылающей армию в Европу, чтобы проповедовать там демократию, если в этой армии из первых 2 миллионов новобранцев около 200 тысяч не могли прочитать письменные приказания?.. Что можно сказать о демократии, призывающей своих граждан соз-

дать Лигу наций... если в то же время 18% будущих граждан этой демократии не ходят в школу?.. Что можно сказать о демократии, ежегодно тратящей на производство жевательной резинки в два раза больше средств, чем на издание учебников для школ?..»⁸ В следующую мировую войну неграмотных рекрутов стало еще больше. Не ребята были бездарными — просто до 8% населения США оставалось малограмотным.

Как отмечается в докладе «Неграмотность взрослых в Соединенных Штатах», подготовленном в 1979 г. для Фонда Форда, каждый пятый американец при ведении своих повседневных дел испытывает затруднения, связанные с недостаточным уровнем школьного образования. Это если оно есть. В середине 70-х годов примерно 38% взрослого населения США в возрасте 16 лет и старше не имели среднего образования. Что касается мер, принимаемых властями для обучения взрослого населения, прежде всего устранения неграмотности, то они смехотворны в сравнении с масштабом проблемы. Лишь 2—4% американцев в возрасте 16 лет и старше из числа не закончивших среднюю школу обучаются по федеральным программам⁹.

Удивительные результаты дали опросы, проведенные в середине 60-х годов газетой «Нью-Йорк таймс» и нью-йоркским колледжем Куинс. Молодые люди, окончившие среднюю школу, не могли высчитать проценты от определенной суммы. Только 16% назвали исторические заслуги Томаса Джефферсона. Чуть ли не половина не знали ничего о великом американском поэте Уолте Уитмене. Лишь 2,8% выпускников имели представление о населении соседней Канады. Спустя несколько лет министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения выяснило: около миллиона подростков в возрасте от 12 до 17 лет не умели читать и писать на уровне 4-го класса. В 1970 г. институт опросов общественного мнения Л. Харриса сообщил, что не менее 12,5 млн. американцев старше 16 лет не могут выполнить элементарные операции, требующие минимального уровня грамотности. А в печати много писали о предпринятом по линии ЮНЕСКО исследовании — насколько учащиеся ряда иностранных государств осведомлены о зарубежной культуре. В конце списка были школьники США.

Может быть, сведения слишком старые, сейчас все иначе? Если бы! В университете Майами (штат Флорида) рискнули провести тест. Д. Хэлгрэм, преподаватель географии, повесил на стену карту мира и обратился к студен-

там: «Где что находится?» Сначала вопросы по родной стране. Покажите, например, Чикаго. Более половины присутствующих не могли отыскать один из главных городов США. Лучше обстояло дело с Лос-Анджелесом — его не нашли лишь 40%. Примерно столько же, впрочем, не знали, где Лондон. Были и «потерявшие» Атлантический океан. Некоторые не имели понятия о Майами, где, собственно, они жили. «Просто невероятно, безобразие», — возмущался Д. Хэлгрэм перед журналистами, узнавшими об итогах теста. А между тем проверяли знания не только студентов-первокурсников, попавших в вуз со школьной скамьи, но и выпускников. И невежество не ограничивалось Флоридой — в университет съезжались учиться со всех концов страны. Все это было в феврале 1983 года.

Справедливости ради надо заметить, что университет Флориды не держит первенство в США по части невежества. Картина типичная. В ней не только профессиональные недостатки вузов, но и явление социально-мировоззренческого характера. Система представления о мире за пределами Америки, которая издавна насаждается буржуазной идеологией США, замкнута на идее «американской исключительности»: Америка, мол, средоточие всего лучшего, «земля обетованная» и т. д. Все остальное — «пропинция», которая не заслуживает большого внимания. Пусть, дескать, другие интересуются Америкой, американцы же проживут, не зная, где там этот Лондон. Невежество, подтвердившееся в Майами, — это в немалой мере итог системы усилий, отучающих молодого американца от интереса к другим народам.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: СЛИШКОМ ПОЗДНО И СЛИШКОМ МАЛО

«Мы отвергаем как бессовестную мысль о том, будто бы все граждане имеют право на поддержку государства независимо от их способности или желания обеспечить самих себя и свои семьи», — заявила республиканская партия США в своей избирательной платформе 1977 г. Эта поразительная декларация была не случайной, а принципиальной позицией республиканцев. Примерно то же самое твердили демократы, называя это «самообеспечением».

Какая бы партия ни находилась у власти, социальное обеспечение трудящихся в Соединенных Штатах всегда пробивало себе дорогу с огромным трудом. Даже в кали-

талистической Европе социальное страхование существовало еще до того, как в США начали думать над этой проблемой. К временам «нового курса» Ф. Рузвельта США отставали от других капиталистических стран, впервые принявших соответствующие законы, в сфере пенсионного обеспечения по старости на 46 лет, в страховании на случай потери кормильца — на 28 лет, в страховании по безработице — на 26 лет. В середине 30-х годов суммы пенсий были мизерными — в штате Северная Дакота, например, пенсионер получал 69 центов в месяц. Первый закон о пенсионном обеспечении рабочих и служащих частного сектора, составляющих подавляющее большинство американских трудящихся, был принят в США в 1934 г.

Социальное обеспечение в США далеко отставало от нужд населения и в 60-х годах, когда в стране были предприняты наиболее крупные после 30-х годов усилия в области социального реформизма. Л. Маттиас писал: «Если исключить страхование, которым пользуются сравнительно небольшие группы людей (вдовы и вдовцы, престарелые), то ограниченное страхование по безработице и старости — вот те два вида всеобщего страхования, которые распространяются в США на значительные категории трудящихся. Однако суммы, выплачиваемые по страхованию, слишком низки...»¹⁰ Государственное социальное страхование в 70-х годах, несмотря на перемены к лучшему под воздействием требований трудящихся, тем не менее не соответствует современному экономическому уровню развития США.

Что считается в США, например, «достаточным» пенсионным уровнем? Официальное разъяснение на этот счет было еще в 1965 г.: «Минимальная пенсия должна быть достаточной для удовлетворения пенсионерами своих жизненных потребностей без обращения в органы государственного вспомоществования». На деле средний размер пенсий в 70-е годы опускался ниже прожиточного минимума. Согласно официальной статистике, более 3 млн. американцев в возрасте 65 лет и старше имели доходы ниже «уровня бедности». Среди черного населения США доля бедняков — более 30%. Хуже всех в Америке живут одинокие престарелые негритянки. «Система социального обеспечения в США была неудовлетворительной с самого начала», — указывал американский коммунист Г. Грин. «Однако хроническая инфляция в послевоенный период нанесла ей ни с чем не сравнимый ущерб. Выплаты в области социального обеспечения основываются на средней заработ-

**Государственное социальное обеспечение
в США в середине 70-х годов¹¹**

Виды страхования и выпомоществования	Характеристика
По временной нетрудоспособности	Отсутствует
По беременности и родам	Почти полностью отсутствует
Медицинское страхование	Не охвачено почти 22 млн. человек
По старости	Не обеспечивает прожиточного минимума («уровень бедности»)
При потере кормильца	Не обеспечивает прожиточного минимума
По инвалидности (в результате заболевания или несчастного случая, не связанного с производством)	Не охвачено две трети постоянных и полных инвалидов; пенсия получателей не обеспечивает прожиточного минимума
В случае производственного травматизма или профессионального заболевания	Не имеют права более 15 млн. человек
По безработице	Не имеют права более 12 млн. человек; в 37 штатах максимальный размер пособия не обеспечивает прожиточного минимума
Пособие престарелым, полным и постоянным инвалидам, слепым	Более чем в 2 раза ниже прожиточного минимума

ной плате пятнадцатилетней давности... Подсчитано, что в 1971 г. пенсия рабочего составляла менее 25% его максимальной заработной платы или его зарплаты непосредственно перед выходом на пенсию»¹².

Социальное обеспечение при капитализме — во многом самообеспечение трудящихся. Факт известный. Оно осуществляется или путем прямых отчислений в фонды социального обеспечения, или через налоговый механизм. Это значит, что американцы отдают государству значительно больше, чем получают от него в форме различных социальных выплат. Есть расчеты: превышение удержаний из заработной платы трудящихся над расходами государства в области социального обеспечения составляет примерно 25—50%¹³. За четыре десятилетия действия закона о социальном обеспечении взносы трудящихся увеличились в

процентном отношении к заработку почти в 7 раз, а в абсолютной сумме возросли в 156 раз¹⁴.

Об одной стороне дела нельзя не сказать особо. В социалистических странах, как известно, создана наиболее развитая за всю историю человечества правовая, материальная и моральная поддержка материнства. А в США до сих пор действует юридическая доктрина: беременность не имеет никакого отношения к социальному обеспечению. В 70-е годы американский Верховный суд подтвердил «законность» этой поразительной практики.

БЕДНОСТЬ «КЛАССИЧЕСКАЯ» И НОВЕЙШАЯ

Американский писатель В. Ченпинг писал об Америке середины прошлого века: «Фабрики превращаются в публичные дома; много квартирные доходные дома являются свидетелями пужды; железные дороги мощными оковами охватывают промышленность, запутавшуюся в тенетах феодализма; из-под пышных нарядов успеха свисают блеклые лохмотья безудержно растущей нищеты; из-за роскошных жилищ отовсюду выглядывают мрачные очертания безысходной пужды».

«Нищета живуча, словно кошка», — вывел уже в наше время автор исследования «Бедность: неискоренимый парадокс Америки» С. Ленс, составивший длинный перечень различных форм бедности за всю историю страны. Чего тут только не было! Бедность фермера; бедность тех, кто полностью или частично нуждается в посторонней помощи; бедность порабощенных — краснокожих, белых или чернокожих; бедность, вызванная экономическими причинами; бедность неимущих, например бедность низкооплачиваемого рабочего; бедность, постигшая людей вследствие безработицы, вызванной депрессией или техническим прогрессом; бедность оставшихся вне сферы общественно-го признания, например белых бедняков с Юга, американских индейцев и т. д.¹⁵

О бедности в США профессор Л. Маттиас писал: «У каждого, кто прибывает в Соединенные Штаты Америки, создается впечатление, что нищеты там нет и быть не может... Понапачалу действительно кажется бессмысленным предполагать, что в американских городах есть нищета: никто не ходит в лохмотьях и не просит милостыню; огромные рынки и магазины завалены товарами; каждый, даже мойщик окон, кажется, имеет свой автомобиль... Где ни-

щета? Конечно, в негритянских кварталах, в Гарлеме, где даже белые ютятся в дощатых лачугах. Но ведь это «феномены городских окраин», которые есть в любой стране. Так, или примерно так, говорят обычно иностранцы, да и американцы тоже, о нищете в Соединенных Штатах...

Нищеты и впрямь не видно,— продолжает Л. Маттиас.— Но она не видна только потому, что многие не научились ее видеть. Некоторые просто не способны освободиться от старого представления о нищете, когда бедняк ходил оборванным, просил милостыню, собирая окурки... Но нищета XX века уже не та, какой она была сто лет назад.

Нищета в Соединенных Штатах огромна. Она больше, чем во Франции или Великобритании, ФРГ или Бельгии... В США она не видна потому, что там люди стыдятся своей бедности. В отличие от большинства европейских стран нищета в Соединенных Штатах воспринимается как позор, даже больше чем позор: она рассматривается как свидетельство полнейшей неспособности человека выстоять в борьбе за существование...»¹⁶

В США, впрочем, хватает и «классической нищеты», и нищенства, и попрошайничества. В начале 1977 г. washingtonский журнал «Пэрэйд» опубликовал очерк, который сочли курьезом: в Нью-Йорке работали курсы по подготовке нищих. Слушателями были молодые американцы, отчаявшиеся найти работу и вынужденные попрошайничать. Среди них было немало выпускников колледжей. Проводились лекции, семинары и зачеты. Выпрашивать милостыню обучали по-разному: с протянутой рукой, прикидываясь жертвой бандитов, замотав руку бинтом, обмазавшись томатной пастой (« пятна крови ») — всего около 50 приемов ремесла. Курсы пропускали за год несколько тысяч человек.

Школы нищенства — крайность. Серьезнее дело с миллионами людей, оказавшимися ниже «уровня бедности». По данным Бюро переписи, в 1977 г. в условиях бедности жили более 24 млн. человек. Из них 13% были в возрасте 65 лет или старше; 41% составляли американцы моложе 18 лет. Почти 40% бедняков жили в семьях, где основной кормилица — незамужняя женщина. Многие американские экономисты убеждены, что официальная статистика скрывает масштабы проблемы бедности. В книге «Миф о среднем классе» социолог Р. Паркер доказывает, что в условиях бедности в США живут до трети населения¹⁷. Помимо постоянной «армии бедняков» еще не менее 50 млн.

человек периодически пополняют эту категорию населения на какое-то время в течение года.

Непосредственной причиной бедности чаще всего является отсутствие работы у главы семьи. Среди беднейшего населения неизменно оказываются престарелые граждане Америки, люди, не получившие полноценного образования, и т. д. Бедность остро ощущается среди работников сферы обслуживания, сельскохозяйственных рабочих, рабочих, не объединенных в профсоюзы. Сплошь и рядом бедность передается по наследству. Острее, чем где бы то ни было в США, проблема бедности стоит на американском Юге. Ниже официального «уровня бедности» там живет 10 млн. человек.

В конце 70-х годов почти 20% бедных фактически не получали никаких социальных выплат. Как и раньше, основными жертвами бедности оставались национальные меньшинства и молодежь. «В целом за последние 20 лет,— обобщает исследователь проблемы бедности в США англичанин Дж. Паттерсон,— уровень нищеты в Америке не имел никакой тенденции к снижению, несмотря на всевозможные обещания государственной власти с корнем вырвать эту проблему... Решающее значение,— подтверждает он,— имеет не столько несовершенство системы социального вспомоществования, сколько неизменно неблагополучное, даже кризисное состояние экономики»¹⁸. А если взглянуть шире, то бедность по-американски не одна проблема, а совокупность многих социально-экономических проблем страны, спроецированных на личность. Это наиболее осязаемый показатель неравенства, колоссальных диспропорций в распределении материальных благ.

ФИКЦИЯ ПАРОДОВЛАСТИЯ

Американская политическая идеология не знает границ в апологии политического процесса в США. Изречение А. Линкольна об американской демократии как «последней и лучшей надежде на земле» — это штамп, который внушают уже в начальной школе США. А идеал демократии есть «американский образ жизни». И никакой иной! Правящие круги страны выдают за аксиому, что граждане с радостью подчиняются власти. Что залогом демократичности американского общества является доступ для любого и каждого американца в сферу политической активности. Что личности в условиях США, наконец, полностью га-

рантированы все права на политическое самовыражение и на участие в управлении государством. Чем все это доказывают?

Исходным рубежом здесь издавна служит идея народного суверенитета: «правительство получает свои права с согласия тех, кем оно управляет». Впервые провозглашенная в Декларации независимости, эта идея входит в конституцию каждого американского штата. Концепция народного суверенитета считается основополагающей многими поколениями специалистов по государственному праву США. Например, Р. Даль в книге «Демократия в Соединенных Штатах: обещания и реальность» пишет, что, если люди вынуждены подчиняться нормам, не получившим их согласия, они уже не могут считаться свободными. «Управление без согласия народа есть оскорбление для человеческого достоинства»¹⁹. Что ж, верно. Пойдем дальше.

Конституция США начинается со слов: «Мы, народ Соединенных Штатов... учреждаем и вводим эту конституцию для Соединенных Штатов Америки». Но американские историки выяснили: подавляющее большинство населения 13 колоний, образовавших США, не имело никакого отношения к этим словам. Не имело уже потому, что члены Конституционного конвента, принявшие конституцию от имени всего американского народа, представляли не более 10% населения²⁰. Во всех английских колониях Северной Америки право голоса было обусловлено высоким имущественным цензом. Еще дороже стоило получение права на занятие выборных должностей. 300 долл.— огромную по тем временам сумму — требовалось иметь для участия в голосовании в штате Массачусетс, до 3 тыс. долл.— для баллотировок в сенат США. В 1790 г. лишь один взрослый мужчина в Нью-Йорке из 10 мог избирать губернатора. Избирательных прав не имело подавляющее большинство мужского населения страны. Не имели этого права женщины, не говоря уже о рабах-неграх.

Творцы конституции понятно разъясняли смысл, который они вкладывали в слово «народ». Дж. Мэдисон, четвертый президент США, рассуждал: «Вряд ли можно отрицать, что каждый мужчина имеет равные права; но предоставьте им... равные избирательные права, и неизбежным следствием будет революция...» Дж. Монро, пятый президент США, писал: «Если избирательное право распространить на все население без какого бы то ни было имущественного ценза, то возникает опасность, что масса бедняков — самая многочисленная категория населения —

изберет людей, которые в свою очередь окажутся инструментом в руках тех, кто будет стремиться свергнуть правительство...» Председатель Конституционного конвента, первый президент США Джордж Вашингтон никогда не включал в понятие «парод» рабов. Тем более собственных.

Идеологический штамп, будто главным преимуществом политической системы США является якобы максимально широкое участие народа в политическом процессе, никак не вяжется хотя бы со следующим фактом. Из 200 с лишним лет истории США, как показывает подсчет, 53 года страной руководили администрации во главе с президентом, не собравшим на выборах большинства голосов. Пятнадцать президентов США не были избраны большинством населения страны. Из них три президента — Дж. Адамс, Р. Хейс, Б. Гаррисон — оказались избранными даже при том, что их основного соперника поддерживало больше избирателей.

Некоторые американские «президенты меньшинства»

Год	Избран	Голоса избирателей (в %)	Соперник, набравший наибольшее число голосов (в %)
1824	Дж. Адамс	30,54	Э. Джексон
1856	Дж. Бьюкенен	45,63	Дж. Фремонт
1876	Р. Хейс	48,04	С. Тилден
1888	Б. Гаррисон	47,86	Г. Кливленд
1892	Г. Кливленд	46,04	Б. Гаррисон
1912	В. Вильсон	41,85	Т. Рузвельт
1948	Г. Трумэн	49,51	Т. Дьюи
1960	Дж. Кеннеди	49,71	Р. Никсон
1968	Р. Никсон	43,16	Г. Хэмфри

В 1973 г. в США появилась четырехтомная «История американских президентских выборов. 1789—1968 гг.» под общей редакцией А. Шлезингера. Во введении он напомнил: в XX в. ни в одной из избирательных кампаний не участвовало более 65 % избирателей²¹. После второй мировой войны в президентских выборах не участвовало от 37 % избирателей (1964 г.) до 48,9 % (1948 г.). На выборах в конгресс в 1978 г. 96 млн. американцев не пришли на избирательные участки, установив рекорд «самовыражения» в политическом процессе США. Что касается тех,

кто голосовал, то их подход к выборам раскрывали результаты опроса, проведенного компанией «Нэшил Бродкастинг» и агентством Ассошиэйтед Пресс. Почти половину опрошенных не интересовало, кто именно будет избран! Эти выборы вообще могут служить примером истинного содержания американского «народовластия», «решающей воли большинства». Сенатор Тауэр от Техаса был переизбран голосами примерно 8% техасцев, мэр Нью-Йорка Коч — 12% избирателей. «Невозможно отрицать, — подчеркивал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл, — что большинство деятелей, одержавших победу на этих выборах, получили голоса 15—25% зарегистрированных избирателей... Число людей, которые не связывают себя ни с одной из двух старых партий и не поддерживают ни одну из них, сейчас велико, как никогда в истории»²².

Политолог Дж. Помпер изучил 1399 предвыборных обещаний каждой партии — лишь 10% представляли собой альтернативные предложения²³. Республианская и демократическая партии, утверждают американские исследователи У. Кротти и Г. Джекобсон, не сумели приспособиться к новому внутриполитическому климату, установившемуся в США после позорного поражения во Вьетнаме, волнений молодежи, «Уотергейта», разоблачений деятельности разведки. Они не смогли подняться до уровня политических и социальных требований последней четверти ХХ в. В перспективе, продолжают авторы, вклад обеих основных партий США в государственное управление и политическую жизнь никогда не будет таким же весомым, как в прошлом²⁴.

Американские социологи Дж. Браун и Ф. Сейб в работе «Искусство политики. Избирательная стратегия и управление предвыборными кампаниями» обстоятельно разобрали внутренний механизм проведения выборов в США. На протяжении всей истории страны, подчеркивают авторы, состав американских избирателей подвергался ограничениям в возрастном, половом, расовом и имущественном отношениях. Лишь к середине 60-х годов ряд ограничений формально был снят. Но формальная отмена некоторых прежних цензов не отменяет ограничений фактических. Между тем именно фактические ограничения или же создание условий, при которых право участия в политическом процессе реально ограничивается, имеют теперь решающее значение в США²⁵.

Социолог Л. Саламон насчитал до 60 вариантов объяс-

нения политической апатии американцев. Среди них главное — понимание гражданами бессмысленности участия в политическом процессе страны. Но есть скрытые причины, особенно в отношении политической пассивности расовых и национальных меньшинств. Саламон исследовал мотивы отказа граждан от голосования в штате Миссисипи после принятия в 1965 г. закона об избирательных правах черных, который выдавался за «беспрецедентный расцвет» демократии на Юге США. Вот что там произошло после 1965 г. Через пять лет в выборах участвовало в среднем не более 50% избирателей-черных. Из 85 избирательных районов, где черные составляли большинство населения, лишь в четырех они вошли в состав местных органов власти. А в Миссисипи вообще ни один черный никуда не был избран. «Что-то другое, помимо юридических барьеров, установленных новым законодательством о правах черных, мешает их подлинному участию в политическом процессе»²⁶, — предполагал Л. Саламон.

«Другое» — это страх. Боятся репрессий и, главное, ущерба для имущественного положения. От предпринимателя, чаще всего белого, зависит рабочее место. Комиссия Соединенных Штатов по гражданским правам еще в 1965 г. установила, что страх потерять работу и есть та главная причина, по которой, в частности, учителя-негры в штате Миссисипи отказывались регистрироваться для голосования. «Экономическая зависимость негров на Юге отнимает у них возможность свободного участия в политической деятельности и голосовании за кандидатов по их выбору»²⁷, — подтверждала комиссия в другом своем докладе. В банках Миссисипи черным обычно говорят: «Если у тебя есть возможность голосовать — обойдешься без кредита».

Может быть, сейчас на американском Юге все иначе? «В Южной Каролине больше нет никакой дискриминации», — заверял, например, сенатор Тэрмонд, отдавший многие годы делу защиты расизма. Тэрмонд так Тэрмонд. Вот как обстояли дела в графстве Эджфильд, где сенатор родился и откуда начал политическую карьеру. К 1980 г. ни один черный американец никогда не был избран в органы местной власти — при отсутствии каких-либо формальных препятствий. «Черные полностью исключены здесь из политического процесса... причем положение в графстве достаточно типично для всего Юга страны». На основании обширных конкретно-социологических данных тот же Л. Саламон рассчитал: если «традиционная» поли-

тическая апатия понижает участие черного населения в политическом процессе примерно на 25%, то опасения возможных экономических и политических репрессий объясняют до 70% их абсентеизма на выборах. По данным, приведенным в докладе Национальной городской лиги «Положение черной Америки в 1979 г.», в промежуточных выборах 1978 г. приняли участие всего 34% всех черных, имеющих право голосовать²⁸.

Даже в трудах тех американских историков и политологов, которые навязчиво твердят о «совершенстве» политической системы США, указывается на главное, что реально обеспечивает политические права личности в условиях США. В заключительной главе четырехтомника «История американских президентских выборов» Г. Александр подчеркивает: «Президентская кампания в настоящее время представляет собой обширную и многообразную работу, стоящую многие миллионы долларов». Что касается конгресса, то почти каждый четвертый американский сенатор — миллионер. Избирательная кампания по выборам в конгресс в 1978 г. показала, что примерно в 80% случаев победу одерживает кандидат, имеющий более мощную финансовую поддержку. Вопрос о том, «кто оплачивает счета», является ключевым для политического процесса США²⁹.

Насколько же прав В. И. Ленин, который писал: «Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, «свобода» и «равенство» не могли быть и никогда не были ничем иным, как выражением равенства и свободы товаровладельцев, равенства и свободы капитала»³⁰. Американская большая политика — это во многом междоусобица товаровладельцев, объединенных единой классовой задачей — сохранить и упрочить свободу для капитала, фикцию народовластия.

ТОТАЛЬНЫЙ НАДЗОР И ДИКТАТУРА ДОСЬЕ

Подслушивание телефонных разговоров началось в США еще в XIX в., едва ли не на следующий день после появления телефона. Все американские администрации последние полвека давали «добро» на незаконные вторжения полиции в жилища людей, в поместья политических организаций, на тайную слежку и т. д. И очень в этом преуспели. Только в центральном аппарате ФБР к 1975 г. на-

копилось более 500 тыс. дел сугубо политического характера, не считая доносов местных отделений. А в целом в 70-е годы количество людей, охваченных картотекой ФБР, достигло 7,5 млн. человек. Против них были заведены уголовные или «административные» дела. Любопытно, что против 1,3 млн. человек обвинение вообще не выдвигалось³¹. Профилактика... Что касается ЦРУ, то ведомство атаковало американских граждан с момента своего создания в 1947 г. Лишь в ходе так называемой программы «Хаос» (дезорганизация прогрессивных движений) разведка подготовила досье на 300 тыс. американцев и около 1 тыс. досье на отдельные организации. Систематически перехватывалась корреспонденция граждан. Но что там досье, слежка на расстоянии! ЦРУ вело до 150 «проектов контроля над мыслями», включая использование наркотиков, гипноза, электрошоков и т. п. Жертвами были душевнобольные, заключенные, а зачастую просто люди, взятые наугад с улицы. О целях «опытов» они не подозревали.

Для советского читателя не секрет, что в капиталистическом мире, а в США особенно, па диво отлажено все, что касается карательных функций, репрессий, сыска, да и вообще контроля над гражданами. Но вот для американцев это оставалось тайной за семью печатями вплоть до середины 70-х годов. А когда кое-что приоткрылось, они ахнули. «Разведывательные ведомства собирали огромные массы информации об интимных подробностях жизни граждан, об их участии в законной и ненасильственной политической деятельности...— констатировала специальная комиссия конгресса.— Расследования нацеливались на активных участников движений, связанных с расовой проблемой и правами женщин, на ведущих сторонников ненасильственных действий и расовой гармонии, на лояльных политических деятелей, на религиозные организации, на сторонников новых жизненных норм»³².

Наиболее известная антидемократическая программа ФБР «Коинтелпро» достигла расцвета в 1956—1971 гг. Это было мощное, массированное наступление против Коммунистической партии США, левых организаций, антивоенного, негритянского, студенческого и других демократических движений. Почти 2,4 тыс. отдельных операций — слежка, засылка осведомителей и провокаторов, самые различные меры с целью подрыва и разобщения демократических организаций. Суть была в том, чтобы скомпрометировать общественную репутацию людей, всячески дискредитировать их. От слежки за коммунистами, как водится, по-

лицейский аппарат переходил к слежке за теми, кто находился «под влиянием коммунистов», далее — за теми, кто «придерживается взглядов, которые поддерживают коммунисты». Во второй половине 60-х годов в «Коинтелпро» включили много новых программ, в том числе «поощрение черного национализма и расовой ненависти», а также использование гангстеров против Коммунистической партии США.

В 1970 г. начали систематическую работу по выявлению «целей, задач и активистов каждой негритянской студенческой организации». Инструкции полиции предупреждали: «Любой обитатель гетто может быть опасным». Поэтому надо вести надзор за предприятиями питания, зреющимими предприятиями, учебными заведениями, книжными магазинами, где могут обслуживаться или собираться «цветные»³³.

К началу 70-х годов усилий ФБР и ЦРУ стало не хватать. Выход нашли. На внутренние дела страны бросили военную разведку. Осенью 1968 г. во внутренних операциях разведорганов сухопутных сил участвовало больше агентуры, чем в любой контрразведывательной операции армии США за рубежом,— 1500 кадровых военных разведчиков. Военной разведке поручался сбор сведений обо всех активных участниках демократических движений, прежде всего антивоенного характера, о лидерах и планах, целях и источниках финансирования антивоенных организаций. Поработали на славу — создали «досьевое хозяйство» на 100 тыс. американцев.

Шпиономания доходила до абсурда. Подсыпали агентов в начальную школу в Вашингтоне на религиозный праздник — там ждали «инакомыслящего». Записывали в досье слова женщин-матерей в г. Милуоки, получавших пособия по социальному обеспечению. Разведслужбы нашли «корень зла» в штате Колорадо — «проникли» в местную ассоциацию молодежных религиозных организаций. Вот где крамола! Специальные агенты посетили (инкогнито) конференцию священников в Вашингтоне, обсуждавших вопрос контроля рождаемости. Логично по-своему — абсолютная точка отсчета выявления вредных мыслей.

В первой половине 70-х годов к операциям по «внутреннему шпионажу» часто подключалось Управление налоговой службы. Оружие мощное, служба могла проверить любого. Искали, например, повод для компрометации лиц из окружения кандидата в президенты США от демократической партии Дж. Макговерна, руководителей Нацио-

нального комитета демократов и т. д. Как сообщает в книге «Американское полицейское государство» публицист Д. Уайз, в управлении создали специальный отдел, накопивший политическую информацию на 2,6 тыс. организаций, считавшихся неблагонадежными³⁴. В Белом доме регулярно обновляли «список политических врагов» республиканцев.

Несмотря на огромный размах «скрытых операций» против американцев, их формальное основание — «выявлять подрывное иностранное влияние на американских граждан» — было совершенно беспочвенным. В итоге проведенных расследований в 1975 г. в сенате США нашли: «Нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что инакомыслящие в США пользовались иностранной поддержкой или находились под иностранным контролем»³⁵. Впрочем, это и так было известно на вершине власти всем, кто поощрял насилие над демократией. Нужны были предлоги.

Тотальный надзор над гражданами США конечно же не ограничивался стараниями полиции. Журналисты А. Лемонд и Р. Фрай в книге «Нигде не скрыться», изданной в 1976 г., легко доказали, что американцы «давным-давно предоставили всю информацию, в которой каким-то образом может нуждаться сыщик». Теперь на очереди — «фиксация мыслей»³⁶. То же самое установил политолог Б. Сэверн: «Американцев осмотрели, измерили, обследовали, исчислили, опросили и разнесли по таблицам, как никого ранее в истории человечества»³⁷. В США получили огласку поразительные цифры — в середине 70-х годов государственные органы накопили 6723 системы досье на американских граждан, насчитывающие в сумме 3,9 млрд. индивидуальных досье самого различного характера. В пересчете на душу населения выходило по 18 досье на каждого, включая новорожденных. Обнаружилось еще одно — досье пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (так называемые «архивы Маккарти») не уничтожены. Их сберегли, передав частной детективной компании.

Грандиозный масштаб «внутреннего шпионажа» отражает целую тенденцию в современной политической системе американского общества. В прошлом в США не стеснялись в выборе средств подавления всего прогрессивного. Демократию атаковали открыто: аресты и налеты, всевозможная травля, избиение бастующих, откровенно реакционное законодательство и т. д. Все это ни в коей мере не снимается с повестки дня и сейчас. Но времена уже иные,

репрессивный аппарат буржуазного государства не всегда рискует действовать в лоб. На передний план выдвигаются «бесшумные» ведомства разведывательного профиля. Здесь работают профессионалы — мастера дискредитации, владеющие новейшей техникой, методами электронной слежки, специально обученные осуществлять подрыв прогрессивных движений изнутри. Они подготовлены работать скрытно. В этом их главное достоинство для правящих кругов. Вот таким образом приемы и практика «холодной войны», которая никогда не кончалась для ЦРУ и ФБР, приходят в дом к американцу. Разведывательные ведомства США все активнее используют свой международный опыт в борьбе против демократических завоеваний американского народа. Мотивация незаконных действий в обоих случаях — соображения «национальной безопасности».

А насчет законности так: «Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, включая меня самого, задавался вопросом: не противоречат ли законности в целом, конкретному законодательству, этике или морали те действия, которые мы решили предпринять? Мы никогда, ни в каких случаях не интересовались этим», — заявил на слушании в конгрессе один из руководителей ФБР, возглавлявший в течение ряда лет отдел «скрытых методов».

Если же не срабатывают «скрытые методы», к услугам властей всегда есть другие пути. Политические судилища, инсценированные как уголовные судебные процессы, — давняя форма нарушения прав человека в США, хотя политическая подоплека таких процессов категорически отрицается. В последние годы «уголовно-политический» процесс в США развивается чаще всего по такой схеме. В среде борцов за гражданские права, молодежных или антивсенародных организаций власти выделяют одну или несколько деятельных фигур, предпочтительно из молодых. Сначала охоту ведут «скрытыми методами»: попытки лишения работы, поток угрожающих писем, звонков, грязные слухи в печати и т. д. Не помогает? На очереди поиск легальных предлогов для ущемления или прекращения общественно-политической деятельности человека. И вот принимается решение — связать объект травли с каким-либо посторонним уголовным делом. Подбирается подходящий случай (ограбление, поджог, убийство), обыгрывается факт физической близости обвиняемого к месту происшествия. Подбираются лжесвидетели, часто из уголовников. Наконец, предъявляется судебное обвинение, которое формально не

имеет никакого отношения к политической деятельности и взглядам жертвы.

Механизм использования судебной системы в целях политической травли наглядно проявил себя, например, при «разбирательстве» дела известной «уилмингтонской десятки». Ее члены во главе со священником Бенджамином Чейвисом много работали в области защиты гражданских прав. За самим Б. Чейвисом охотились давно. Еще со школьных лет он участвовал в общественной деятельности, направленной против расизма и войны во Вьетнаме, был первым черным юношеским окончившим факультет естественных наук университета штата Северная Каролина. Б. Чейвис играл заметную роль в профсоюзной работе, в забастовочной борьбе на Юге США. Его пытались отправить за решетку много раз. Только в 1969—1972 гг. власти предъявили ему около 80 различных обвинений.

Наконец судебная инсценировка удалась. Однажды в г. Уилмингтоне (штат Северная Каролина) толпа расистов атаковала мирную демонстрацию черных студентов. Спасаясь от погрома, несколько участников демонстрации пытались укрыться в церкви. Рядом находился Б. Чейвис, требовавший остановить насилие. Началась осада церкви, которая длилась несколько суток. В результате было арестовано 10 человек. Затем власти нашли лжесвидетеля, который согласился дать показания о том, что Б. Чейвис, восемь негритянских студентов и белая женщина подожгли бакалейную лавку около церкви. Но первые у лжеца не выдержали и впоследствии он сознался, как было дело: «Мне пригрозили, что приговорят к 50 годам за поджог... Потом сказали, что и как я должен говорить на суде. Вместо этого я попросил пистолет, чтобы просто убить Чейвиса. Но шериф сказал: «Нет, лучше покончить с ним с помощью закона». Я согласился...» На основании лжесвидетельства суд приговорил Б. Чейвиса к 34 годам тюремного заключения, троих студентов — к 31 году заключения каждого, пятерых студентов — к 29 годам заключения каждого, женщину — к 10 годам тюрьмы. А лжесвидетель впоследствии сознался, что бакалейную лавку поджег он. Честные американцы, прогрессивная общественность мира не закрыли глаза на судилище в Уилмингтоне. Освобождение Бена Чейвиса и его соратников, последовавшее в 1979 г., стало большим успехом демократических сил США и мировой общественности.

В США очень следят за тем, чтобы массовые нарушения политических и гражданских прав никоим образом не

вышли на поверхность. Показательна в этом отношении история с Э. Янгом, бывшим американским представителем в ООН в ранге члена кабинета, который в июле 1978 г. как-то обронил, что в США имеются «сотни... тысячи политических заключенных». Э. Янг не сказал ничего нового, ошибаясь лишь в цифрах. В тюрьмах Соединенных Штатов гораздо больше людей, изолированных за свои политические убеждения и взгляды, хотя юридически их тюремное заключение оправдывается статьями уголовного законодательства.

Констатация заурядного факта вызвала сенсацию: масса гневных статей, негодовали политические деятели. В конгрессе заговорили о том, чтобы судить Янга путем «импичмента». Все это уже само по себе показывало уязвимость правящих кругов перед лицом правды. «Нью-Йорк таймс» обобщала: «Янг поставил президента и страну в смешное положение в глазах всего мира, привел в замешательство наших друзей... Его недавнее заявление в интервью французской газете о том, что «сотни, быть может, даже тысячи политических заключенных» томятся в американских тюрьмах, было сделано как раз в тот момент, когда Картер пытался максимально нажать на Москву... Во время интервью Янг, очевидно, думал... скорее всего о самом себе и о своем прошлом личном опыте участия в движении за гражданские права». О чем здесь речь?

В 60-х годах молодой Эндрю Янг участвовал в движении за гражданские права на Юге США. Он не мог не знать, какой травле власти подвергали борцов за равноправие. Однажды агентура ФБР подбросила лидеру движения Мартину Л. Кингу сфабрикованную магнитофонную запись с целью его дискредитации. В руководстве движения диверсию расценили правильно — как попытку довести Кинга до самоубийства. Именно Э. Янг рассказал об этом эпизоде на слушаниях в сенате. Личный опыт Э. Янга начисто обесценивал попытки администрации демократов диктовать мораль народам мира, но дело ведь заключалось не только в нем.

Постоянного представителя США в ООН в суд не отправили. Позорное было бы дело. Всем было ясно и так, что он коснулся больного места. «Я бросаю вызов любому члену палаты — пусть он выйдет и скажет, что мистер Янг не прав», — заявил конгрессмен У. Клей. Его коллега Л. Стоукс подчеркивал: «...никто, будучи в здравом рассудке, не осмелится отрицать... что в Америке тюрьмы полны бедняками, большинство из которых — негры». А кон-

грессмен Дж. Коньеc попал в точку: «Люди, живущие в стеклянном доме, должны воздерживаться от искушения швырять в других камни. Слишком часто, как это случается с кампанией картеровской администрации за права человека... камни, брошенные ею, бьют в нас самих, обнажая вопиющее лицемерие».

Что касается самого Янга, то он не раз говорил правду по тем или иным проблемам страны. И каждый раз ему припоминали слова о политических заключенных в США. В конце концов терпение Белого дома иссякло, Э. Янга отправили в отставку.

* * *

Кое-что следует добавить о Мартине Л. Кинге. Расправа над Кингом остается «вершиной» деятельности репрессивно-полицейского аппарата США. И одновременно — «вершиной» лицемерия правящих кругов Америки. Как в зеркале отразились все «скрытые», открытые и прочие методы подрыва демократии и в борьбе этого аппарата против движения за гражданские права во главе с Кингом. «С конца 1963 г. и до убийства в 1968 г., — констатируется в докладе конгресса «Разведывательная деятельность и права американцев», — объектом интенсивной кампании со стороны ФБР был Мартин Лютер Кинг...» ФБР привлекало к травле ведущих деятелей правящих администраций и лидеров конгресса, представителей научных кругов и церкви. Даже послов США за рубежом.

Но самое поразительное даже не это. День похорон Мартина Л. Кинга, погибшего от руки убийцы в обстановке травли, был объявлен в США днем национального траура. На правительственные учреждениях Вашингтона приспустили государственные флаги. Они были приспущены, естественно, и на зданиях ФБР. Впоследствии в США узаконили лицемерие: день рождения Кинга объявили национальным праздником. И теперь торжествующее ФБР, салютует флагом затравленной жертве.

Глава III

ДИСКРИМИНАЦИЯ ДВОЙНАЯ И ТРОЙНАЯ

Лучшей речью в год 200-летия США Ассоциация американских адвокатов назвала выступление Л. Вудкока, одного из руководителей профсоюзов страны. Речь действительно была выразительной. «Среди тех, кто 200 лет не пользовался правами свободы,— черные американцы, помнившие столетия рабства, американские индейцы с их разбитыми надеждами... испаноговорящие американцы, которые живут и работают в позорных условиях». Говорилось главным образом о расовых и национальных меньшинствах США. «Меньшинства» ли это? По данным переписи 1980 г., в США насчитывалось 26,5 млн. черных, около 12 млн. испаноговорящих жителей, свыше 2 млн. пуэрто-риканцев, примерно 800 тыс. индейцев. Более половины населения страны — женщины. Национальные меньшинства и женщины, взятые в совокупности, составляют значительное большинство населения США.

«ВТОРОЕ ОБЩЕСТВО» — ЧЕРНЫЕ

В конце 70-х годов службы социологических исследований поразили США одним фактом. Выяснилось, что лишь треть черных и белых детей в возрасте 6—12 лет соглашаются играть или учиться со своими ровесниками, принадлежащими к другой расе. Детское сознание, изуродованное расизмом,— показатель глубины и масштабов этой социальной патологии. «В Соединенных Штатах расизм, направленный против черных американцев, имеет самые глубокие корни, и его последствия являются самыми очевидными, вопиющими и разрушительными. Другие уродливые формы и системы расизма и шовинизма, например проявления шовинизма и дискриминации против американцев мексиканского происхождения, питаются из того же источника, который, подобно сточной канаве, разносит эту болезнь по всей нашей стране»¹, — говорил Гэс Холл.

Правящие круги США в ответе за одно из самых крупных преступлений капитализма против человека во всемирной истории — насилие в отношении расовых и нацио-

пальных меньшинств. Сначала о тех, кто встретил первых белых поселенцев в Новом Свете,— американских индейцах. Вот как увидели суть проблемы в 1980 г. наши современники, отнюдь не пристрастные к США журналисты Западной Германии из журнала «Шпигель». «Около 10 млн. краснокожих обитали некогда в прериях и в долинах рек, в лесах северо-запада и в пустынях юго-запада страны. Сейчас в США осталось всего около миллиона индейцев. Целый народ вымер от завезенных белыми людьми болезней, сопротивляясь которым он не мог: оспа и тиф унесли жизни целых племен. С остальными покончили посредством монополических манипуляций и жестоких военных захватов, путем угона людей по официальному распоряжениюластей и — после почти полного истребления белыми буйволов — с помощью убийственного голода... В своих резервациях они жили за счет подачек Вашингтона, постепенно опускались. Нет ни одного народа в мире, среди которого было бы так много алкоголиков, людей, охваченных депрессией, смирившихся со своей судьбой; ни одно другое меньшинство не проигрывало так безнадежно борьбу с европейской индустриализацией и ранним американским империализмом»².

Что касается представителей черной расы, то они оказались на территории Америки вопреки своей воле. В истории мировой цивилизации — до преступлений нацизма во второй мировой войне — нет ничего подобного этому насилию над огромными массами людей. С 1686 по 1786 г. из Африки были насильно вывезены около 2 млн. африканцев; примерно 250 тыс. привезли в Северную Америку. Межплеменные войны, разжигаемые работоторговцами, мятежи рабов, варварская «транспортировка» через океан — все это вело к тому, что в живых оставался только один африканец из трех. Очень тяжелым был для них переход к новому климату, к новому укладу жизни вообще, тем более к условиям тяжелейшей эксплуатации. Почти половина выживших черных погибала в последующие несколько лет. Оставшиеся в живых поднимали бунты, бежали, решались на самоубийства, иногда целыми семьями.

И было от чего. По мере дискриминации против черных, отмечает историк К. Уильямс в специальном исследовании «Союз белых и черных. Расовая борьба в США», северо-американские колонии Англии намного превзошли колонии других стран Европы. Если в колониальных владениях Испании или Португалии у черных сохранялись какие-то остатки прав, то в английских колониях Северной

Америки их бесправие было фактически абсолютным. В том-то и состоит, подчеркивал исследователь, парадокс американской революции, провозгласившей равенство и неотчуждаемость прав всех людей. Около 0,5 млн. черных оказались лишенными этих прав³.

Потребовалась гражданская война, затем период «реконструкции» (1865—1877 гг.), чтобы черные американцы хотя бы формально получили возможность участвовать в выборах или быть избранными. В 1865 г. конгресс торжественно провозгласил «освобождение» рабов — 13-я поправка к конституции США. 14-я поправка предоставила черным право голоса. Провозглашалось и право всех граждан на равную защиту законом. Все это во многом оказалось фикцией. Не успели федеральные войска покинуть южные штаты, как сегрегация черных была там восстановлена и закреплена юридически.

В США принято утверждать, что в 60-х годах страна вступила в период «второй реконструкции», приравнивая к ней социально-реформистскую деятельность администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона в рамках программ «новые рубежи» и «великое общество». Но вот началась вторая половина десятилетия. Грянули невиданные мятежи черных — сначала в гетто Лос-Анджелеса, потом по всей стране. В апреле 1968 г. расовые беспорядки охватили 168 городов.

Власти боялись худшего, на ступенях Капитолия стояли пулеметы. По приказу президента приводились в готовность контингенты вооруженных сил для занятия десятков городов. Вот так заканчивалась «вторая реконструкция». В исследовании «Права человека по-американски» известный американский коммунист К. Лайтфут пишет: «Во времена «холодной войны» правящий класс, преследуя свои внешнеполитические цели и в ответ на борьбу, которую вели народные массы, попал на уступки чернокожим главным образом в области некоторых социальных аспектов дискриминации. Однако никаких уступок черным не было сделано в области экономической. Более того, экономическое положение масс черного населения в последнее время ухудшилось»⁴.

Путь к равноправной интеграции черных в жизни американского обществаочно перекрыли экономические и социальные барьеры. По данным, опубликованным в 1964 г. Национальной городской лигой, до 84% черных трудящихся заняты неквалифицированным трудом. В 1970 г. черные составляли лишь 5,4% всех средних тех-

нических работников, 2,2% управляющих. В крупных юридических фирмах США работали только 13 черных юристов. В вооруженных силах черные составили меньше 1% высшего офицерского состава. Даже на таком фоне особняком стояло ФБР. До середины 60-х годов среди оперативных сотрудников центрального аппарата ведомства черных вообще не было.

Что касается позиций черных в законодательных органах власти, то в 1973 г. они составляли 1% состава американского сената, 2,3% сенаторов в законодательных собраниях штатов, 3,5% членов палаты представителей США⁵. После 1978 г. в американском сенате нет ни одного черного. А вот где без них не обходятся, так это в некоторых видах спорта: баскетболе, легкой атлетике, боксе. Равноправие здесь ни при чем, эксплуатируются физические данные черных спортсменов.

Американский экономист В. Перло пишет: «Нет ни одной отрасли, ни одной крупной компании, где бы не принималось жестоких дискриминационных мер в отношении национальных меньшинств, даже в тех немногих местах, где им позволено работать. Дискриминация проявляется и в заработной плате рабочих и служащих, и в предоставлении возможностей продвижения по службе, и в сохранении за трудящимися их рабочих мест». Самая минимальная сумма сверхприбылей, полученных за счет расизма в экономической системе капитализма США, т. е., по сути, минимальная экономическая выгода расизма, по расчетам В. Перло, составляла 20,2 млрд. долл. в 1970 г.⁶

Важнейший компонент экономической дискриминации черных — дискриминация в отношении характера и оплаты труда. Формально дискриминации нет, но заработка черных за ту же или сравнимую работу в среднем намного ниже, чем белых. В 1969 г. доходы черных в процентном отношении от дохода белых в Детройте и прилегающих районах составляли: у водопроводчиков — 63%, у маляров — 67, у работников сферы обслуживания — 72, у шоферов — 84%. За одну и ту же работу в строительстве, в общем машиностроении, на транспорте черным платили примерно на треть меньше, чем белым. В 1976 г. в целом по США заработка черных американцев, имеющих профессиональную подготовку, составила 82% соответствующего показателя для белых⁷.

В 1977 г. в состав рабочей силы США входили более 9 млн. черных трудящихся. Они составляли до половины

численности работающих в таких отраслях, как металлургия, розничная торговля, мясоконсервная промышленность, железнодорожный транспорт, предприятия связи. Историк рабочего движения США Ф. Фонер подсчитал, что среди черных, работающих в промышленности, всего 2 млн. являются полукалифицированными рабочими. Остальные — неквалифицированные или чернорабочие. В американской металлургии, например, в составе рабочей силы 1,8% черных. А в трех наименее оплачиваемых категориях этой отрасли сосредоточено 12% черных⁸.

Но все это — так или иначе — работающие люди, имеющие хоть какое-то дело. «Их причисляют к тем, кому живется сравнительно неплохо. Они еще не утратили контакта с американским обществом, у них есть источник дохода, они поддерживают кое-какие связи с живущими рядом, их дети посещают школу», — пишут в этой связи западногерманские журналисты. А есть другие, гораздо более жестокие стороны жизни черных в Соединенных Штатах. «На расстоянии одного-двух кварталов в том же Нью-Йорке или Чикаго, в Атланте или Детройте проживает черный люмпен-пролетариат. Здесь люди торгуют и колются паркотиками, грабят, дрожат от страха, сплюются без дела. Здесь добывают деньги куплей-продажей или проституцией, а если удается, получают их от государственной благотворительной организации. Молодежь здесь не умеет ни читать, ни писать, не говоря уж о том, чтобы уметь работать. Социальный хаос внутри этого люмпен-пролетариата неуклонно растет, равно как и изоляция от остальной части общества»⁹.

Упомянуто было образование. Его отсутствие или недостаток мешают черному до конца жизни, закрепляют его дискриминацию, ведут к неуспеху во многих делах. Но поколения черных оказались в педоучках отнюдь не по своей воле. Долгое время, еще с конца прошлого века, в США открыто придерживались расистского принципа «равного, но раздельного» образования. В 1954 г. Верховный суд США принял решение по делу «Браун против Совета просвещения», которое до сих пор выдается в США за исторический рубеж в содействии «расовой гармонии» в образовании. Решение, однако, относилось лишь к уже сегрегированным школам и касалось тех законов, которые допускали открытую сегрегацию. Оно не распространялось на многочисленные косвенные и скрытые проявления расизма, которые представляли собой сферу дискриминации. Расизму открыли путь вглубь. Именно так —

подтверждает современный американский исследователь Ч. Гамильтон. «Одно из самых больших разочарований после многообещающего подъема в 50—60-е годы — широкая распространенная расовая сегрегация, и не формальная, юридическая, а фактическая дискриминация, которая, несмотря ни на что, привела к расовой сегрегации в школах».

В последние годы в США ведут речь об искоренении расизма в школах. Дескать, расовая проблема в образовании почти решена. Если бы! В докладе Комиссии Соединенных Штатов по гражданским правам, опубликованном в начале 1977 г., документально доказано: «Дети национальных меньшинств в городах страны менее всех приблизились к обещанию иметь равную законодательную защиту законами, провозглашенными в конституции и известных решениях Верховного суда». Двое из трех черных детей посещают школы, где основную часть учащихся составляют национальные меньшинства. И вот итоги второсортного образования — более половины черных, которые приходят на призывные пункты армии США, даже не умеют толком читать. Комиссия по гражданским правам заключала: «Дети из городских районов по-прежнему учатся в расово-изолированных школах, они продолжают жить в расово-изолированных районах, поскольку продолжается политика расового сдерживания. Ответственность за это лежит прежде всего на государственной власти»¹⁰.

При всем желании представить дело получше представители власти не могут бесконечно лгать. Факты напоминают о себе. Как-то М. Берри, руководившей программами федерального правительства в области образования, задали прямой вопрос: «Принесла ли политика десегрегации равные возможности для всех учащихся?» Она ответила: «Нет. Большинство черных учащихся остаются в сегрегированных школах. Примерно две трети учащихся до сих пор остаются в школах, где обучаются преимущественно национальные или расовые меньшинства». В 1974 г. сегрегированные школы Чикаго и Детройта почти на две трети состояли из детей представителей национальных меньшинств, Нью-Йорка и Филадельфии — на 60 %. Если в самом городе Балтиморе национальные меньшинства составляют 70 % учащихся, то в его пригородах 92 % школьников составляют дети белых. Все это М. Берри говорила в юбилейный год — прошло как раз 25 лет после принятия решения Верховного суда США по делу «Браун против Совета просвещения».

Что касается высшего образования, то в 1977 г. более половины негритянских студентов довольствовались одногодичными колледжами вместо четырехлетних вузов полного профиля. По данным Б. Уотсона, автора соответствующего раздела в докладе Национальной городской лиги «О положении черной Америки», на технических и инженерных факультетах американских вузов черные составляли менее 2% общего числа учащихся¹¹. На сельскохозяйственных и горнорудных отделениях вузов их вообще не было. В 1977 г., по оценке профессора Нью-Йоркского университета М. Стент, число негров, вынужденных бросить учебу в вузах, превысило число поступивших в колледжи.

Море расовой дискриминации в США неисчерпаемо. Взять проблему жилья. Минимум четверть черного населения США живет в гетто. Первые гетто возникли в начале XX в. по инициативе городских и федеральных властей. В 30—40-х годах правительство поощряло приток населения в пригороды. Имелось в виду создание «однородных расовых районов», в сущности, закрепление сегрегации. В 1946 г. в петиции, адресованной ООН, Национальный конгресс черных сообщал: «В Соединенных Штатах в 1940 г. было 3,3 млн. жилых единиц для негров. Из них более 1 млн. нуждалось в капитальном ремонте, почти 2 млн. жилищ не имело водопровода... На Юге положение хуже. Более 70% всех домов в этом районе, где живут черные, не имеет ни электричества, ни водопровода»¹².

А что Вашингтон? В 50—60-х годах там торжественно оглашали программы «ликвидации трущоб». Потом их сломали, дело недолгое, но жилья нового почти не строили. К 1967 г. лишь 3% разрушенных строений было заменено новыми. В 50 — начале 60-х годов курс на сегрегацию в городах формально не выдвигался. Но Комиссия Соединенных Штатов по гражданским правам констатировала: «Сегрегация в государственном жилищном строительстве продолжалась и усиливалась»¹³. Немногое изменилось и в 70-х годах. Разве что больше стало словесной заботы и декларативных законов о «справедливом решении проблемы жилища».

Удивительным аргументом сторонников «расовой однородности» в городах США является тезис: «черное население сознательно предпочитает жить в гетто». Совсем не предпочитает! Социологические исследования показывают, что не более 20% черных хотели бы остаться в «чер-

пых» районах. В США пытаются доказать, что черное население по экономическим причинам не может позволить себе оставить трущобы, переехать в более подходящие места жительства, особенно в пригороды. И это не так. По подсчетам демографа Р. Фарли, 43% черных семей городской зоны Нью-Йорка не только хотели бы жить за городом, но и готовы платить за жилье гораздо больше, лишь бы выбраться из трущоб. Демографы рассчитали, что экономические причины объясняют не более 25% случаев расовой сегрегации в городах США¹⁴. А полностью объясняет ее только одно — расизм.

После расовых волнений и массовых выступлений черных за гражданские права президент Л. Джонсон в 1967 г. создал Национальную консультативную комиссию по гражданским беспорядкам во главе с О. Кернером. Комиссия подтвердила очевидное. Как и раньше, в США существует сегрегированное «второе общество», сосредоточенное в основном в гетто. «Белые американцы никогда не осознавали этого, но черные американцы никогда не забывали — общество белых создало гетто, общество белых сохраняет гетто, и белые к тому же осуждают гетто»¹⁵. В связи с десятилетием доклада Кернера в 1978 г. «Нью-Йорк таймс» совместно с радиотелевизионной компанией Си-Би-Эс провели исследование положения черных. Ничего нового они не открыли. За исключением появления незначительной прослойки «черного среднего класса», существенных изменений не произошло. А в своем ежегодном докладе «О положении черной Америки» Национальная городская лига в 1978 г. добавила: «Рекомендации комиссии Кернера во многом остались на бумаге. За минувшее десятилетие положение большинства американских черных практически не изменилось, а если изменилось, то в худшую сторону»¹⁶.

Именно в худшую. После обследования доходов черных на середину 70-х годов социологи С. Левитан, У. Джонстон и Р. Тэггерт заключили, что более 40% «второго общества» страны пребывают в бедности или близки к этому уровню. И даже в бедности расизм напоминает о себе — у черных она иная, чем у белых. Треть черных семей, получающих пособия, примерно в 3 раза беднее, чем средняя белая семья, находящаяся в таком же положении¹⁷. После прихода к власти администрации Дж. Картера соотношение уровней безработицы белого и черного населения США существенно изменилось в ущерб черным. Если в начале 70-х годов безработица среди них в

1,5 раза превышала безработицу среди белых, то в 1979 г. соотношение было уже 2,5 : 1. Такого значительного разрыва еще никогда не было.

Американское «второе общество» прописывает безнадежность решения расовой проблемы. Расовое неравенство продолжает оставаться определяющим, ежедневным фактом жизни черных, независимо от того, бросается ли оно в глаза или укрыто многословием формальных запретов на дискриминацию. В социальной гонке за выживание и способное существование черный американец всегда позади белого. И все дальнее отстает от него в распределении материальных благ. Черные не интегрированы в американское общество на основе равноправия, не могут раскрыть все свои возможности. Между белой и черной расами в стране и в помиме нет отношений дружбы. Сам факт существования межрасового общества остается мощным источником социальной напряженности и розни. И временами это рвется на поверхность пламенем расовых стычек.

Конец 70-х годов... Гарвардский университет, один из бастионов американского высшего образования давний оплот идеологии буржуазного либерализма. Сколько поколений выпускников Гарварда в своей политической, общественной деятельности или в научных трудах уверяли в безбрежности демократии в США, сколько сил они тратили на защиту американского образа жизни... Но вот в один из декабрьских дней 1979 г. президент университетской ассоциации студентов-черных Липса Джексон нашла настенный календарь в своей комнате, весь исписанный угрозами: «Тебе осталось жить десять дней», «Ку-клукс-клан — объединяйся!» Л. Джексон много раз обещали расправу, если она «не прекратит мутить воду, поднимать шум в университетском городке». Это не единичный террор, не случайность.

В конце 1978 г. страну всколыхнуло заявление единственного черного члена Верховного суда США Т. Маршалла. Никто из черных не поднимался выше него по лестнице американского правосудия. Более 10 лет Т. Маршалл хранил молчание по расовым проблемам. Но все-таки не удержался. «Не верьте мифу о том, что проблема расового неравенства в США может быть когда-либо решена или что эта проблема уже решена,— настаивал он.— Проблема отнюдь не решена». Т. Маршалл особенно тревожило, что в США набирают силу экстремистские организации расистов, особенно ку-клукс-клан. «Клан никогда

Куклуксклановец

да не умирал. Просто его члены перестали посить колпаки, без них удобнее, дешевле». Какое там умирал, если даже в Нью-Йорке до середины 70-х годов членам ККК не возбранялось работать воспитателями в тюрьмах. Поразительную практику пытались было прекратить, но в 1979 г. суды вновь разрешили членам клана осуществлять

лять «надзор» за заключенными. В большинстве своем — черными.

В мае 1980 г. взорвался расовыми беспорядками город Майами в штате Флорида. В который раз выявилось, что остаются нерешенными острейшие проблемы, вызывавшие мятежи черных в 60-е годы. Свыше трети черных граждан Майами жили ниже официального уровня пищеты, уровень безработицы среди черных достигал 17 %, а среди черной молодежи — в 2 раза выше. «Расизм и инцедента — вот силы вулканического социального извержения в Майами», — разъяснили кандидаты американских коммунистов на выборах 1980 г. Гэс Холл и Линджела Дэвис. Правоту оценки подтвердили наблюдатели со стороны. «Урок Майами показал, что подавляющее большинство негров живет в такой же безысходности на обочине американского общества, как и накануне движения за гражданские права»¹⁸, — констатировали западногерманские журналисты. Полицейский произвол против черного населения, участие ку-клукс-клана в организации вооруженных рейдов против черных, беспаказанность убийц, провокации национальных гвардейцев, отпор со стороны черных — вот картина событий в Майами. Она мало отличалась от привычной картины расовых волнений в других городах.

А там, где в 60-е годы начались знаменитые марши борцов за гражданские права, все чаще топали люди в белых балахонах. В апреле 1980 г. глава ку-клукс-клана У. Уилкинсон провел толпу расистов через городок Сельма в штате Алабама. Расистские лозунги несли па пиках и топорах. Осенью 1982 г. с плакатами «упичтожить негров» ККК прошел по улицам Бостона. Полиция разгоняла всех, кто возмущался и протестовал. В декабре 1982 г. отряд ККК победно вошел в тот же Майами. Здесь только что были подавлены новые волнения черных. Снова жертвы, рапеные, забитые тюрьмы. Взрыв расовой розни. Расовый «мир»...

«ЧИКАНОС» И КОРЕИННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Второе по численности национальное меньшинство в США — американцы мексиканского происхождения, или «чиканос», сосредоточены в основном на юго-западе страны. Все стороны жизни этого национального меньшинства пропитывает дискриминация. Лишь у американских индейцев положение хуже.

До 90% работающих американцев мексиканского происхождения находятся в рядах пролетариата. Большинство из них занято неквалифицированным трудом. В 70-е годы безработица среди «чиканос» была в среднем в 2 раза выше, чем у белых американцев. Им отводили самую тяжелую работу — подземная горнодобыча, разгрузка вручную на железных дорогах и т. д. На многих шахтах Аризоны и Нью-Мексико под землей работали почти исключительно «чиканос». До 50% молодежи этого национального меньшинства работы вообще не имели. Бесправие миллионов американцев мексиканского происхождения опирается на монопольную систему законодательных и административных мер. Власти не стеснялись применять к ним самые грубые методы насилия. Еще в первой половине 50-х годов из США депортировали в Мексику 1,5 млн. «чиканос» и членов их семей. Среди них были тысячи детей, рожденных в Соединенных Штатах и являвшихся американскими гражданами.

Испаноговорящие американцы — объект постоянного административного и полицейского произвола. «В 1977 г. с мексиканскими американцами обращались ничуть не лучше, чем в 1947 г.», — подчеркивал член законодательного собрания Техаса Б. Рейес. В очерке «Бесправие под солицем», посвященном проблеме нарушения прав «чиканос», американский публицист М. Лайон подчеркивал: «Принято считать, что мексиканским американцам всегда достается наихудшее в этом штате, в котором все считается самым большим и самым лучшим. Все, кроме правосудия. В Техасе явно не хватает правосудия и справедливости. Настороженность, недоверие, страх определяют в штате положение с соблюдением законности, причем именно те, кому по должности положено обеспечивать соблюдение этой законности, чаще всего являются ее наименее грубыми нарушителями»¹⁹. На Техас приходится более трети всех случаев жестокости полицейско-репрессивных органов США, зафиксированных в федеральном министерстве юстиции в 1970—1979 гг. Подавляющее большинство этих случаев — насилие над «чиканос».

Добиться равноправного применения федерального законодательства к испаноговорящим американцам, оградить их от полицейского произвола много раз обещал Дж. Картер. Выступая в 1978 г. на конференции юристов в Лос-Анджелесе, президент заверял: «Моя администрация приложит все силы к тому, чтобы прекратилось неоправданное насилие полиции в отношении мексиканских аме-

риканцев». И что же? Через несколько месяцев Дж. Картеру представилась возможность приложить «силы», о которых шла речь. На встрече с представителями испаноговорящих американцев в Хьюстоне ему напомнили об убийстве полицейским 12-летнего Сантоса Родригеса из Далласа. Обстоятельства были таковы. 24 июля 1973 г., после полуночи, двое полицейских подняли мальчика с постели и потребовали у него признания в ограблении торгового автомата у автоколонки. Было известно, когда произошло ограбление — в это время Родригес находился дома, он был совершенно ни при чем. Но его потащили к автоколонке, продолжая допрос по пути. Один из полицейских приставил к голове мальчика револьвер, потребовал признания и начал считать. При счете «два» спустил курок.

Дж. Картеру показали фотографию ребенка с разнесенным черепом. Президент был потрясен. Представители «чиканос» умоляли его помочь, двинув дело в федеральных судебных инстанциях. В Техасе затягивали расследование, выгораживая убийцу. Президент клятвенно обещал. И «помог»: вскоре министр юстиции США объявил, что не будет никакого федерального разбирательства убийства Сантоса Родригеса.

Разрыв в семейных доходах «чиканос» и белых американцев в среднем составляет до 30%. Примерно четверть семей «чиканос» остается за чертой «уровня бедности». Продолжительность обучения в школах меньше, чем у черных американцев. Более 55% «чиканос» вынуждены бросать школу. Во всех крупных городах юго-запада США в последние годы происходили забастовки американцев мексиканского происхождения, выступавших с требованиями учить их детей испанскому языку. В школах этого района страны учащиеся-«чиканос» составляют до 20%, а учителя — лишь 4%. Детская смертность в этой национальной группе на 220% выше, чем по стране в целом, смертность от туберкулеза и инфекционных заболеваний выше на 300—350%²⁰.

Печальную статистику можно продолжать применительно к каждой стороне социально-экономической жизни американцев мексиканского происхождения. Все это, однако, бледнеет по сравнению с положением индейского населения США. Жизнь коренных жителей США несопоставима с привычными стандартами бесправия американского общества. В июле 1978 г. в Белый дом от делегатов многих организаций американских индейцев был

передал «Манифест американских индейцев», а также «Заявление народам Соединенных Штатов и всего мира». Идея документов была проста. «Если существующая сейчас практика в отношении нас будет продолжаться и в дальнейшем,— говорилось в «Манифесте»,— то через 30—50 лет наше население и наши общины исчезнут»²¹.

Индейцы обоснованно утверждали, что основу подхода государственной власти к коренным жителям Северной Америки составляет политика геноцида. Они прямо ссылались на определение геноцида в международной Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Все категории понятия «геноцид», доказывалось в документах, всецело соответствовали многолетней практике Вашингтона в отношении индейцев. В частности, «американские политические и разведывательные ведомства руководили незаконными операциями против нашего народа, такими, как «Коинтеллпро» — программа контрразведывательной деятельности ФБР, направленная на подрыв различных организаций в США. В результате таких акций ряд наших руководителей умерли насильственной смертью. Подобная практика продолжается... 24% наших женщин были насильно стерилизованы в период с 1971 по 1975 год... Что касается детей, то почти ежедневно каждый третий из них передается различными окружными службами, ведомствами штата и федеральными органами на воспитание в неиндейские семьи»²².

В США насчитывается более 100 резерваций, где живут около 500 тыс. индейцев. Остальные — в городах. Постоянное недоедание ведет к физическому истощению людей, особенно детей и подростков. Средний доход индейской семьи в резервации в 4 раза меньше общегосударственного.

пального. Официальные обследования выявили: 90% жилищ в резервациях не отвечают понятию «жилье». Люди «живут» в разрушенных зданиях, под открытым небом. Даже в брошенных старых автомобилях. В некоторых резервациях безработица в 8—10 раз выше общенациональной. В области образования, здравоохранения — практически везде положение индейцев несопоставимо с положением любого другого национального меньшинства в США. 43% индейских женщин рожают без врачебной помощи, обычно в антисанитарных условиях. В резервациях детская смертность при рождении примерно в 3 раза выше, чем в целом по стране. Кишечные инфекционные заболевания в резервациях встречаются в 8 раз чаще. Индейцы в 5 раз чаще болеют туберкулезом.

**Безработица среди индейцев,
черных и белых американцев
1950—1975 гг. (в %)²³**
(по данным официальной статистики)

Год	Индейцы			Черные	Белые
	все индейцы	индейцы в городах	индейцы в резервациях		
1950		15,1		9,6	5,9
1960	38,2	12,1	51,3	10,7	4,8
1970	28,6	9,4	41,0	8,2	4,0
1975			39,8	13,7	7,2

Коренное население США давно требует создать в резервациях школы с преподаванием на национальных языках. Правительство, конгресс, власти отдельных штатов отказываются даже рассматривать это требование. Таким же неизменным отказом встречаются просьбы индейцев предусмотреть изучение в школах истории своего народа, его богатого культурного наследия. Образование индейских детей в резервациях ограничено пятью классами.

Когда-то штат Калифорния занимал одно из первых мест в США по плотности индейского населения. В конце 70-х годов продолжительность жизни индейцев стала на 16 лет меньше, чем по штату в среднем. Около 70% индейских семей в Калифорнии — весьма преуспевающем штате — жили за «чертой бедности». 57 тыс. алеутов и эскимосов, или одна пятая населения штата Аляски, фак-

тически выключены из экономической жизни штата. Средняя продолжительность их жизни ниже, чем у юдейцев, — 35 лет. Как в средневековье! Освоение нефтяных месторождений Аляски в 70-х годах повело к разрушению многих алеутских поселений, уничтожению настбищ и рыбных промыслов. Коренные жители лишились основных средств существования. «Казалось, доля Аляски в нефтяном буме, доходы от аренды и отчислений послужат процветанию штата. Многие мечтали о школах, больницах, дорогах и аэропортах, о лучшей жизни... Ничего этого не случилось»²⁴, — писал журнал «Нэшил джиграфик». Строительство аляскинского нефтепровода длилось почти десятилетие, на его сооружение было истрачено 8 млрд. долл. Коренные жители надеялись, что колossalное строительство даст работу, откроет доступ к новым профессиям. Но обучать эскимосов и индейцев никто не захотел.

В последние годы в конгрессе США появилось немало законодательных предложений, направленных на «интеграцию» индейцев с населением городов. В основе этого — интересы бизнеса. На территориях резерваций сосредоточены большие запасы урана и угля. Однако независимо от всяких юридических оснований для выселения индейцев такая политика давно проводится фактически. Помимо изгнания индейцев с привычных для них мест путем сложной юридической казуистики есть одно средство, применяемое столь широко, пожалуй, только к индейцам. Это их принудительная физическая изоляция. В некоторых штатах США число индейцев в тюрьмах от 10 до 350 раз превышает относительную долю индейцев в численности населения. В штате Монтана, например, численность коренных жителей не дотягивала до 4% населения, а в тюрьмах штата они составляли более 33% заключенных. В Миннесоте соотношение было соответственно 0,4 и 12,5%, в Южной Дакоте — 7 и 32%, в Северной Дакоте — 0,05 и 17,5%²⁵. Поразительные вещи!

Репрессивно-полицейский аппарат США в союзе с ультраправыми организациями всячески пытается вывести из строя лидеров индейских организаций. Многие из них оказались в тюрьмах именно потому, что активно боролись за права своего народа. В 1973 г. индейцы племени сиу из резервации Вундед-Ни в Южной Дакоте, доведенные до отчаяния, перекрыли доступ в резервацию представителям власти. Полиции потребовалось больше двух месяцев, чтобы прорвать осаду Вундед-Ни. Десятки

индейцев бросили за решетку. Например, Л. Пельтьер осужден на два срока пожизненного заключения. Его признали виновным в гибели двух агентов ФБР, хотя было документально доказано, что обвинение — фальсификация, составленная на ложных показаниях.

В «Манифесте американских индейцев» и в «Заявлении пародам Соединенных Штатов и всего мира» индейцы подчеркивали, что весь их народ, в сущности, находится в положении политических заключенных. «...Нас лишили возможности определять нашу политику и законодательство, и мы, коренное население, являемся политическими заключенными в истинном смысле этих слов... За нами не признаются даже самые основные права, необходимые для нашего дальнейшего существования».

«СЧАСТЛИВОЕ СУЩЕСТВО»

В США с упоением культивируют стереотип женщины. Счастливое существо! «Любимая, избалованная, отгороженная от жестокости внешнего мира, конечно, она имеет обязанности, но все они приятные, отвечающие самой природе женщины. Ей незачем делать карьеру, бороться с конкурентами, стараться выжить в условиях постоянно го напряжения и непреодолимых проблем. Ей нужно просто оставаться собой — женщиной, принося радость и счастье мужчине...» — пишет политолог Калифорнийского университета в Сакраменто К. Амундсен. И с возмущением заключает: «Все это не так, это ложь». Десятки миллионов американок, по словам К. Амундсен, в своем подавляющем большинстве «страдают от феномена, очень родственного расизму»²⁶.

Слов нет, американское законодательство изобилует запретами на дискриминацию по признаку пола. Закон о гражданских правах 1964 г. запретил такую дискриминацию в области найма, увольнения и других аспектов занятости. Раздел IX поправки к закону об образовании запрещает дискриминацию по признаку пола в какой-либо учебной программе, получающей помощь со стороны федерального правительства. Еще в 1963 г. вступил в силу закон о равной оплате труда. Дискриминация по признаку пола в оплате труда запрещалась законом о гражданских правах 1964 г. Таковы основные законоположения, хотя список можно продолжать. Только в этом нет необходимости. Чуть ли не на каждый запрет, закрывающий

дискриминации путь прямой, есть контрположения, открывающие ей путь в обход. В конце 70-х годов в США действовало более 800 законов (главным образом в штатах), имеющих дискриминационный характер в отношении женщин. Вот это и есть настоящий перечень законов, регулирующих положение женщин.

Участие женщин в политической деятельности и в работе органов государственной власти разительно не соответствует численности женского населения, равно как и доля женщин — численности трудящихся. За полвека, прошедшие со времени предоставления женщинам избирательного права в 1920 г., в палате представителей США было 65 женщин. Это при том, что состав палаты переизбирался свыше 30 раз. В среднем в каждом новом составе палаты представителей женщины составляли менее 1% членов. За этот же срок 10 женщин занимали пост сенатора. Членом Верховного суда страны американская женщина впервые стала совсем недавно, в начале 80-х годов, т. е. спустя 200 с лишним лет после создания США. Что касается верховных судов штатов, то женщины в 1978 г. составили здесь не более 3% судей.

Столь ничтожную роль женщин в общественно-политической жизни в Америке любят объяснять тем, что американцы, мол, не видят смысла участия женщин в политике. Неверно это. По данным ряда социологических исследований, большинство в США считают иначе. Они вполне допускают избрание женщины на пост вице-президента, на пост главы государства. Но что там большая политика и руководство страной. Уж где-где, а в школьных советах, казалось бы, женщины должно быть много — родительские собрания, жизнь детей в школе и т. д. В конце 60-х годов дело обстояло так: в школьных советах женщины составляли менее 10% членов. В обзоре положения женщин в США профсоюзный журнал «Федерейшионист» в феврале 1977 г. указывал, что женщины, работающие в органах штатов, городов и местного управления, «сосредоточены на бесперспективных и на самых низкооплачиваемых должностях, дискриминируются в служебном отношении»²⁷. В государственных учреждениях США в 1978 г. женщины занимали три четверти самых низкооплачиваемых должностей.

И все-таки главная область дискриминации женщин — экономическая жизнь, трудовые отношения. Для женщин резко ограничены возможности повышения квалификации и продвижения по службе. Систематически нарушаются

меры по охране труда, особенно в связи с беременностью и родами. Хуже всего складывается дело с оплатой труда. Различные ставки заработной платы для мужчин и женщин одной квалификации, снижение ставок в «женских» отраслях и профессиях, дифференцированный подход к выплате премиальных и т. д. Все это для США норма. По официальным данным, заработная плата женщин в США в среднем на 40% ниже заработной платы мужчин. Экономисты Л. Туруо и Р. Лукаш рассчитали, что в 1941—1971 гг. в соотношении заработной платы мужчин и женщин не произошло никаких изменений²⁸.

Ладно там 40-е годы, логичнее вести отсчет с года принятия закона о равной оплате труда. Но итог получится тот же. Разрыв в заработке между мужчинами и женщинами в лучшем случае не сократился. Средний уровень дохода женщин — дипломированных специалистов составляет лишь 65% от дохода мужчин. И в этой категории разрыв не сокращается²⁹. Как считает В. Перло, к середине 70-х годов в США соотношение средней заработной платы мужчин и женщин даже ухудшилось по сравнению с серединой 50-х и 60-х годов. В 1955 г. это соотношение составляло 64%, а в 1974 г. — 57%³⁰. За сухостью статистики стоят люди, миллионы и миллионы судеб. Не получается у них «счастья» в труде...

Женщинам в США закрывают доступ к хорошо оплачиваемой работе. Есть одиночки, конечно, которые прорываются вверх по социальной лестнице, участвуют в управлении корпорациями, становятся даже министрами. Но они, однако, определяют социальную тенденцию. В начале 70-х годов в США насчитывалось 100 массовых профессий, где число занятых превышало 100 тыс. человек. Только в 46 из них работало значительное число представителей обоего пола. Огромное большинство женщин в США сконцентрировано в категории так называемых «розовых воротничков», или «женских» профессиях (секретари, продавщицы, официантки и т. д.).

При обследовании ведущих университетов США в 1969 г. выяснилось — женщины составляют не более 7% членов правлений. В правлениях Гарварда, Йеля, университетов штатов Канзас, Иллинойс, Колорадо женщин вообще не обнаружили. Что касается преподавания юриспруденции, то до 1972 г. большинство американских университетов напрочь отказывалось принимать на работу преподавателей-женщин, хотя к этому времени накопилась гора законодательных актов, обязывающих прини-

мать на работу без различия пола. Первая женщина среди преподавателей Гарварда появилась только в 1972 г. Всего на долю женщин в университетах США приходится 2,5% преподавателей юридических наук³¹. Маловато «счастливых существ» в вузах.

Мерилом сложности борьбы с дискриминацией женщин в условиях США служит то, что при подготовке закона о гражданских правах 1964 г. самым тяжелым делом оказалось именно распространение действия закона на женщин. Более полувека в США не могут даже формально решить вопрос о поправке к конституции, обеспечивающей равные права женщинам. Текст поправки гласит, что «равенство прав по закону не должно быть ограничено Соединенными Штатами или каким-либо штатом по причине пола». Казалось бы, все ясно. В чем трудность хотя бы формального закрепления элементарного положения? И почему это приходится делать на третьем столетии существования США? Но здесь не все просто. Поправка была настороженно встречена прогрессивной общественностью США, в частности, по той причине, что ее принятие чревато угрозой ликвидации законов об охране труда женщин. Например, в 1964 г. в 40 штатах и округе Колумбия действовали законы, устанавливающие максимальную продолжительность рабочего времени в день и за неделю для женщин, занятых в тех или иных отраслях. А к 1973 г. все штаты, кроме одного, отменили этот закон или изменили его применение. Известное для США дело. Ликвидация защитного законодательства для той или иной группы населения нередко проходит в США под предлогом утверждения их равноправия. Равноправия в эксплуатации, конечно.

Если американский трудящийся мужчина в той или иной мере становится объектом всех традиционных форм дискриминации, то трудящаяся женщина в США испытывает еще и дискриминацию по признаку пола. Если женщина — черная или пуэрториканка, гнет становится тройным. Если женщина — индианка, то аналогии вообще не найдется. Равно как не найдется аналогии всей лживости культа американской женщины. «Счастливого существа».

* * *

«Многие современные писатели и ученые считают, что расизм определяет историю США. Расизм, направленный против черных, индейцев, американцев мексиканского

происхождения, пуэрториканцев, филиппинцев, китайцев, японцев и некоторых народов Европы...» Это признает даже один из идеологических лидеров американских правых сил Н. Глэзер, который немало занимался исследованием расового и национального вопроса в Америке. Рабство негров, истребление американских индейцев, грубая дискриминация негров после окончания гражданской войны, линчевание китайцев, преследование иммигрантов из стран Востока, меры по ограничению иммиграции из стран Южной и Восточной Европы, сопротивление совместному обучению черных и белых в школах, обобщает Н. Глэзер, можно считать центральной тенденцией американской истории³². Список далеко не полный, к нему можно добавить многое. Но суть будет та же.

Глава IV

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ: США В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ КОНЦА 70-Х ГОДОВ

Обострение социальных и экономических проблем американского общества, «кризис доверия» к государственной власти, метания Вашингтона в поисках выхода из вереницы трудностей, усиливающаяся тяга правящих кругов к реакционным решениям, с тем чтобы сбить кризисный шквал,— все это во многом раскрывает причины появления у власти в США реакционного крыла империалистических верхов во главе с Р. Рейганом. Но это одна сторона дела, относящаяся к области внутренней. Которая, как известно, является делом самих американцев.

Этого не скажешь, однако, про военно-политический курс США. Нынешние военные программы Вашингтона закладывают основу потенциала уничтожения, с которым американский империализм собирается шагнуть в XXI век. Создается качественно новая база для войн с применением массовых средств поражения — и так называемых обычных войн, всех мыслимых видов военного конфликта — лавина вооружений для использования на суше, в мировом океане, в воздухе, в космосе. Поистине могильный холод несет человечеству империалистическая политика США в том виде, как она сложилась на рубеже 70—80-х годов, получила дальнейшее развитие в годы президентства Р. Рейгана. Эта политика стала небывалой угрозой миру. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких, корыстных целей,— подчеркивалось на XXVI съезде КПСС,— вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма... Они поистине задались целью достичь недостижимого, поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»¹.

Громадные материальные ресурсы брошены на то, чтобы превратить США в доминирующую военную державу, способную к «победе» в катастрофе планетарных масштабов. В действиях Вашингтона сквозит надменное велико-

державие, ослепление классовой ненавистью к социализму, пренебрежение к воле других стран и народов. Политику пропитывает культ силы. На обочине политики сплошь и рядом остается элементарный здравый смысл. В Обращении ко всем ученым мира в апреле 1983 г. ведущие деятели советской науки подчеркнули: «...никогда еще так остро не стояла задача сохранения жизни и мира на земле... Администрация США демонстрирует крайнюю безответственность в вопросе самого существования человечества».

Цель этой и последующей глав — рассказать об истоках, формировании и существе современной агрессивной тенденции в действиях Вашингтона. Как получилось, что американская политика, в которой еще недавно, особенно в первой половине 70-х годов, проглядывал некоторый реализм, которая иногда приближалась к пониманию истинных интересов страны, — как получилось, что эта политика столь круто свернула вправо, а нынешнее десятилетие началось для Америки под стягом «холодной войны»? Как это происходило практически? Для ответа на поставленные вопросы обязательно нужно выстроить, реконструировать мотивы, решения и действия США в мировых делах последней трети 70-х годов. Только таким образом можно шаг за шагом проследить сознательные усилия правящих кругов США по обострению международных отношений, увидеть истоки нынешнего милитаризма Вашингтона. Такой подход позволит воочию убедиться в невиданных масштабах лжи, которая пущена в ход в империалистическом мире с целью отвести от США историческую ответственность за рост военной угрозы, взвалить эту ответственность на СССР.

ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ ПОЛИТИКИ ДЖ. КАРТЕРА

Снова январский Вашингтон 1977 г. Начало президентства Дж. Картера. В Вашингтоне решают проблему преемственности, намечают собственные ориентиры, разбираются в наследии предшественников. Каким было это наследие и от чего отталкивались в Белом доме, решая вопрос вопросов — куда и как вести внешние дела? Еще далеко впереди время, когда администрация окончательно свернет к конфронтации, еще в политике США не взяла верх агрессивная милитаристская тенденция.

В годы, предшествующие президентству Картера, эта тенденция была относительно слабее. Но только относи-

тельно. Природа империалистической политики с ее извечной тягой к силе постоянно напоминала о себе во времена Р. Никсона и Дж. Форда. Лишь в 1972 г. Вашингтон прекратил воздушные бомбардировки социалистического Вьетнама. В 1969—1973 гг. на вьетнамскую территорию обрушилось в полтора с лишним раза больше тоннажа американских бомб, чем в 1961—1969 гг. Только в 1973 г. закончились крупномасштабные боевые действия США против борющихся народов Юго-Восточной Азии. Республиканские администрации последовательно, методично вели модернизацию стратегического потенциала США. Именно они закладывали основы нового поколения вооружений, определивших содержание военно-стратегического строительства в начале 80-х годов. Удерживая основные плацдармы американской глобальной политики, республиканцы так или иначе пытались использовать силовые методы по всем азимутам своей международной деятельности. Они не уставали твердить о значении силы как основы политики США. Из мемуаров Р. Никсона, Дж. Форда, Г. Киссинджера ясно видно: во многих ситуациях, особенно применительно к Юго-Восточной Азии, Ближнему Востоку, а также к отношениям с СССР, Белый дом иной раз едва удерживался от соблазна погромче ударить кулаком силы.

И, вероятно, ударил бы, если бы вся система внешнеполитических действий Вашингтона в 1969—1976 гг. не определялась тремя фундаментальными фактами. Возможности для политики силы стали меньше. Отдача от такой политики стала ниже. А ее риск для самих США — гораздо выше... Республиканцы это поняли.

Понимание давалось им трудно, оно противоречило всему укладу послевоенной политики США, всей направленности политического мышления и карьеры, характеру политической среды тех же Р. Никсона, Г. Киссинджера, Дж. Форда. Не понять, однако, было невозможно. В первой половине 70-х годов руководство США столкнулось с редким сочетанием внутренних и внешних реальностей, связавших руки Вашингтону в такой мере, как этого никогда не было после окончания второй мировой войны.

С одной стороны, отчетливо выявилась бесперспективность продолжения политики «холодной войны». Ее главные установки не имели будущего с самого начала, по к 70-м годам они оказались иоистные в кризисном состоянии. Это проявлялось прежде всего на центральном па-

правлении. Вместо успехов в «сдерживании» СССР путем силовой конфронтации на основе американского военного превосходства, как было спланировано еще при Г. Трумэне, Вашингтон сталкивался с возросшей оборонной мощью СССР. Советский народ под руководством КПСС восстановил примерное военное равновесие между ведущими державами противоположных общественных систем. Утрата стратегического превосходства прошла настоящим землетрясением по всей послевоенной внешней политике США. Была выбита ее прежняя основа. А следовательно, и основа попыток Вашингтона оказывать давление на Советский Союз. Достигнутый военно-стратегический паритет лишил Соединенные Штаты возможности маневрировать ядерной угрозой СССР, социалистический мир в целом, указывало советское руководство².

Военно-стратегический паритетставил новые, непривычные пределы агрессивным тенденциям по широкому диапазону международной деятельности США, ограничивал возможности использовать силу в качестве главного средства империалистической политики. Новое соотношение военных сил в мире наиболее весомо воздействовало на подход США к отношениям с СССР. Вместе с тем оно все больше давало о себе знать в европейской политике Вашингтона, особенно в отношениях США с союзниками по НАТО, в целом американском подходе к политике в рамках капиталистического мира. Все это в прежние времена во многом строилось вокруг фактора военного превосходства США. Только покинув государственные посты, руководители внешней политики республиканцев смогли в полной мере раскрыть существование проблемы, которую они явно старались приглушить, находясь у власти. «К концу 60-х годов стратегический ядерный баланс клонился к паритету. И это должно было трансформировать все исходные посылки нашей послевоенной стратегии», — признавал в мемуарах Г. Киссинджер. Возвращаясь к мысли о паритете, он подчеркивал: «...советско-американское равенство в стратегических вооружениях означало радикальное изменение исходных установок, определивших военные усилия Запада в течение всего послевоенного периода... Возникла необходимость пересмотра всей нашей стратегии, опиравшейся на угрозу ядерной войны»³.

Что касается силовой политики в регионах, в отношении развивающихся стран и освободительных движений Азии, Африки и Латинской Америки, то здесь амбиции

Вашингтона скованы крахом его многолетней авантюры в Юго-Восточной Азии. Это было не только первое крупное военное поражение США за всю империалистическую историю страны. Проигранная война бросала тень на все направления политики США, помогала понять пределы американской мощи. Г. Киссинджер пояснял: «Наши трудности в международной области часто рассматриваются как наследие Вьетнама. Но мучительное испытание Вьетнамом представляло собой не причину, а симптом. К концу 60-х годов, совпадая по времени с вьетнамской проблемой, обозначился конец целой эпохи, когда Америка была гораздо мощнее других государств, когда мы могли браться за те или иные проблемы в одиночку, добиваться их решения собственными ресурсами... Когда мы были убеждены, что можем незамедлительно, раз и навсегда решить любую проблему... Вьетнам учил нас, что американская мощь, оставаясь громадной, все-таки далеко не безгранична...»⁴

Потерпев тяжелое поражение в Юго-Восточной Азии, правящие круги США терпели не менее крупное поражение у себя дома. Провал вьетнамской авантюры, ход которой почти 10 лет изо дня в день американцы видели на своих телевизорах, служил самым предметным подтверждением бесперспективности попыток расправиться вооруженной рукой с силами национального и социального освобождения. Это сочеталось с растущим в стране пониманием радикальных перемен в мировом балансе военных сил, прежде всего в стратегическом соотношении СССР и США. Теперь широкие политические круги, в том числе центристские, большинство американского населения ставили под вопрос необходимость прежней ставки на силу для решения международных задач США. В стране увидели и многие другие факты, подтверждающие ограниченность возможностей Вашингтона в мире, убеждались в прямой взаимосвязи между гонкой вооружений, зарубежными авантюрами и растущим неблагополучием дома.

Президентство Р. Никсона и Дж. Форда стало временем, когда американские верхи — практически впервые с конца 40-х годов — не могли убедить страну в необходимости агрессивной политики за рубежом. Белый дом столкнулся с нарастанием антивоенных и антиимпериалистических тенденций, с попытками законодательной власти ограничить его прежнюю свободу рук во внешних делах, особенно в области применения военной силы. «Огромное изменение, которое произошло в Америке, вызвано отнюдь не

той политикой, которая проводится сейчас в отношении СССР и коммунистического Китая,— с тревогой отмечал Киссинджер в 1975 г.— Это едва ли не абсолютное отвращение ко всяkim действиям за рубежом, связанным с риском...»⁵ Во внутренней обстановке в США администрации Р. Никсона и Дж. Форда видели важнейший ограничитель своих внешних возможностей.

Принципиальное значение имело следующее — все факторы, тормозящие агрессивную тенденцию политики Вашингтона, в первой половине 70-х годов действовали одновременно. Они буквально наваливались на руководство страны. Причем разом, на коротком историческом отрезке. Итогом стал глубокий всеобъемлющий кризис американского гегемонизма, прежде всего его наиболее агрессивных проявлений. Для администраций Р. Никсона и Дж. Форда это было точкой отсчета основных внешнеполитических решений.

Правящие круги США напряженно ждали, надеясь, что республиканский Белый дом выведет политику страны из беспрецедентного кризиса, причем выведет таким образом, чтобы сохранить в целости глобальные позиции США. Потому и сдерживались до поры американские правые силы, позволяя эксперименты в мировых делах. Отсюда и вынужденный реализм самих республиканцев — понимание того, что в сложившихся обстоятельствах они не могут вести борьбу за гегемонию США прежними средствами, в прежнем объеме и, главное, на всех без исключения плацдармах.

Такие мотивы определили практические выводы руководства США, отмеченные печатью реализма. Это и готовность к известному приспособлению к некоторым мировым реальностям, и преимущественное внимание к певоенным формам борьбы за свои интересы, и настрой на сопротивление прогрессивным процессам в мире не привычной атакой в лоб, а скорее, последовательными усилиями сообразно целям и средствам. Более умеренными стали цели, менее агрессивными — средства. Никому, ни в чем, ни на один миг руководство США не делало никакого одолжения. Республиканцы поняли главное: им не вывести США из глубокого внешнеполитического кризиса, если и впредь вести дело к усилению напряженности в мире. Администрация Р. Никсона — не без долгих колебаний и сомнений — исходила из того, что в сложившихся исторических условиях интересам США отвечает определенная стабилизация международных отношений, сниже-

ние остроты противоборства с СССР. Отсюда и готовность республиканцев в международно-правовом порядке признать отсутствие разумной альтернативы мирному сосуществованию.

Итог известен. В начале 70-х годов Вашингтон отчасти присоединился к усилиям СССР и социалистического содружества по оздоровлению международного климата. Внешнеполитический реализм республиканцев помогал материализовать те фундаментальные возможности для улучшения советско-американских отношений, которые создавала внешняя политика СССР. Хоть и в ограниченной мере, США все же принимали участие в процессе разрядки. При всем своеокорыстии исходных расчетов Вашингтона, по сути, впервые со времен антигитлеровской коалиции в известной степени объективно содействовал конструктивным процессам в мировых делах. Причем к громадной пользе для самих США: международное положение становилось спокойнее, страна не вовлекалась во внешние авантюры, а главное, снижалась угроза ядерной катастрофы. Укрепление безопасности страны политическим путем в ходе результативных переговоров с СССР всецело отвечало истинным интересам США, всего американского народа. Это составляло главное в позитивной части внешнеполитического наследия республиканцев в 1969—1976 гг.

Администрация Дж. Картера начинала свою деятельность в условиях, когда небо мировой политики было далеко не безоблачным. Гонка вооружений и притязания империалистических держав, прежде всего тех же США, продолжали отравлять международную обстановку. Но была и другая сторона — в середине 70-х годов появлялись предпосылки для глубокой перестройки международных отношений на конструктивной основе. Сохранялся и закреплялся примерный военно-стратегический паритет между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО. Количественный паритет сторон дополнялся качественным⁶. Развивался процесс разрядки, который помогал в решении таких ключевых проблем, как ослабление опасности ядерного противостояния между СССР и США, взаимное ограничение их стратегических вооружений, обеспечение безопасности и сотрудничества в Европе. Между государствами с различным социальным строем продолжался широкий политический диалог; продвигались вперед и двусторонние отношения.

При всем обилии острых и перешенных проблем к на-

чалу президентства Дж. Картера в мировых делах открывались возможности для продвижения вперед по таким направлениям, которые еще совсем недавно казались маловероятными. Речь шла о развитии военной и углублении политической разрядки, обеспечении поворота к сокращению вооружений и снижению уровня военного противостояния СССР и США, двух общественно-экономических систем в целом, осуществлении принятой в Хельсинки программы сотрудничества и укрепления безопасности в Европе на многие годы вперед, перестройке международно-экономических отношений на справедливой и равноправной основе. Большие потенциальные возможности для прогресса существовали в советско-американских отношениях. Шаги к решению всех этих задач позволяли закрепить и продвинуть дальше отношения мирного сосуществования в качестве восходящей и главной тенденции в международных отношениях.

В такой обстановке и предстояло вести внешние дела США администрации Дж. Картера. В глаза бросалось одно — смятение Вашингтона перед лицом невиданных перемен, драматизм в оценках положения дел в мире. «Это новый мир! — воскликнул Дж. Картер. — Весь мир переживает сейчас процесс глубочайшего и быстрого преобразования»⁷. Помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский твердил то о «самой динамичной эре в истории человечества», то о какой-то «технотронной эпохе», которая-де полностью вытесняет «старый порядок». Во всяком случае, с переменами приходилось считаться, по крайней мере на словах. Дж. Картер не жалел деклараций в пользу разрядки, обещал добиваться сокращения ядерных потенциалов СССР и США, определенного сокращения американских военных расходов, ограничения экспорта вооружений, укрепления режима нераспространения ядерного оружия. В области международных проблем обещалось, например, вести дело к «признанию палестинцев как реально существующего сообщества с правом иметь собственное государство», к признанию принципа «правления черного большинства» на юге Африки и т. д.

В самих США обстановка не очень-то располагала к агрессивной политике. Господствовал так называемый «вьетнамский синдром». Свыше 70% населения считали недавнюю войну «более чем ошибкой — аморальным, неправым делом»⁸. Подавляющее большинство американцев отказывались поддерживать использование военной силы

за рубежом почти во всех гипотетических ситуациях. Большинство населения страны не считало необходимым паразитировать военные расходы. В год президентских выборов 1976 г. сторонники опоры на силу провели первое в 70-е годы мощное наступление на политику разрядки. Они все активнее стремились сдвинуть политическую ось страны вправо. Но тогда не преуспели: американцы были готовы и впредь поддерживать политику, направленную на ослабление военной опасности. В 1976—1978 гг. идею разрядки одобряли до трех четвертей американского населения. По-прежнему преобладал настрой на то, чтобы СССР и США продолжали поиски возможностей для сотрудничества, достигли договоренности по ОСВ-2. К развитию отношений с СССР проявлял немалый интерес крупный бизнес. В американо-советском торговско-экономическом совете 1977—1978 гг. участвовали корпорации и фирмы, производящие примерно 25% валового национального продукта США.

В широком плане к началу президентства Дж. Картера американские верхи стояли перед историческим выбором. Решиться ли на углубление политической разрядки и ее дополнение разрядкой военной, идти ли дальше в конструктивной перестройке мировой политики, добиваться укрепления безопасности США политическим путем? Это был первый путь. Идти по этому пути настойчиво призывал СССР. С советской стороны подчеркивалось: «...за на-ми дело не станет. Мы готовы к тому, чтобы совместно с новой администрацией Соединенных Штатов осуществить новый крупный сдвиг в отношениях между нашими странами»⁹. Второй путь для Вашингтона вел к отказу от возобладавших ранее более умеренных представлений о мировых возможностях и целях США, к активизации открытой силовой борьбы за гегемонистские интересы — к линии на срыв разрядки.

И в Белом доме не то чтобы стояли на распутье. Новое руководство уже имело довольно четкие ориентиры для политики на перспективу. Двинуться по первому пути ему мешало не только отсутствие политического мужества, податливость к најиму правых сил. Главное заключалось в том, что в правящих кругах США набирал силу агрессивный настрой. Во многом это вызывалось их растущей тревогой в связи с провалами американского империализма в Юго-Восточной Азии, на южном фланге НАТО, в Африке, в отношениях с развивающимися странами, в особенности в связи с обострением проблемы им-

порта энергоресурсов. Объективные изменения в мире, дальнейшее развитие позитивных социально-экономических тенденций все больше воспринимались как следствие того, что в первой половине 70-х годов США, мол, недостаточно рьяно «сдерживали» мировой революционный процесс, не опирались на «достаточную силу». В американской верхушке усиливалось стремление преодолеть ограничения на политику агрессии и диктата, которые объективно устанавливали процесс разрядки с его принципами равенства, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества на основе взаимной выгоды.

Была и другая важная тенденция. В США нарастали представления, что «худшие» для Америки времена остаются позади. Многим казалось, что подходит к концу затяжная полоса внутренних и внешних потрясений. В самом деле, уходили в прошлое война во Вьетнаме, массовое антивоенное движение, антиимпериалистский настрой в целом. Достоянием истории становился длительный кризис президентской власти — «Уотергейт», беспрецедентные разоблачения разведывательных и репрессивных органов, злоупотреблений в конгрессе. Американский капитализм вроде бы выходил из экономического кризиса середины десятилетия. Все это настраивало на оптимистический лад. Главное в международных позициях Америки сохранялось. США по-прежнему возглавляли капиталистический мир, удерживали основные плацдармы глобальной политики. Другие империалистические центры — Западная Европа и Япония остались связанными с Вашингтоном системой военно-политических обязательств. США не втянулись в затяжные конфликты, войны.

И коль скоро, рассуждали в американских верхах, за спиной остается многое, что вынуждало к реализму попеволе, то можно, мол, возвращаться «на круги своя» — к привычной для всего уклада империалистической политики, тем более американской, агрессивной линии во внешних делах. Настрой правящих кругов определяло необычное сочетание глубокого внутреннего беспокойства в связи с перспективой дальнейшего ограничения гегемонистских притязаний США в условиях разрядки и вместе с тем растущей самоуверенности, убежденности в том, что дела можно «поправить», стремление быстрее взяться за укрепление мировых позиций США. Этот настрой разделяли и умеренно-либеральные и тем более консервативно-империалистические круги. В американских верхах усиливалась тяга к политике, нацеленной на пересмотр мировых

реальностей в пользу США и Запада в целом. Первая мощная волна таких настроений прошла через внешнюю и особенно военную политику администрации Дж. Форда в конце его президентства.

В документах Пентагона в начале 1976 г. отчетливо прозвучала тема: «Военная сила и ее восприятие в мире являются главными арбитрами международных споров». Тема становилась доминирующей и в выступлениях Дж. Форда. В конце срока пребывания у власти он предложил, по сути, программу перехода к новому этапу гонки вооружений. Речь шла о разовом увеличении бюджетных ассигнований на военные нужды на 1977/78 гг. в размере 6% (в постоянных ценах) и ежегодном увеличении расходов на 3% (в постоянных ценах) на последующий период до 1982 финансового года. Не отказываясь от политики разрядки в целом, администрация затормозила и еще более ограничила участие США в этом процессе, прежде всего в области отношений с СССР. Вашингтон колебался, отказываясь идти на заключение договора ОСВ-2, несмотря на то что основа для договоренности уже была согласована в ноябре 1974 г. на советско-американской встрече на высшем уровне во Владивостоке. Администрация Дж. Форда все больше подыгрывала реакционным силам, уходила от использования немалых возможностей для дальнейшего развития процесса политической разрядки и дополнения ее разрядкой военной. Отношения между СССР и США сохраняли позитивную направленность главным образом благодаря конструктивным усилиям советской стороны.

Многое говорило за то, что Белый дом испытывает растущие сомнения в отношении целесообразности продолжать курс, учитывающий — пусть в ограниченной мере — те или иные международные реальности. К концу правления республиканских администраций 1969—1976 гг. внешнеполитические приоритеты США явно смещались — дело шло к активизации борьбы за американскую гегемонию¹⁰.

Для преемников республиканцев такой пастрой был уже исходным рубежом. При всем обилии деклараций в пользу разрядки демократы во главе с Картером не скрывали — им не подходит политика, которая содействует стабилизации международных отношений, опирается на «равновесие сил», прежде всего между СССР и США, ставит во главу угла советско-американские отношения. Дж. Картер уверял, что «США стали бояться вести соперничес-

ство с СССР и поэтому-де проигрывают в разрядке». Республиканцев особенно критиковали за подход к союзникам: «позиции США в НАТО ослаблены». Агрессивные попытки звучали в некоторых речах Дж. Картера, связанных с отношениями с развивающимися странами. «Если какая-либо страна еще раз объявит нефтяное эмбарго против США, я буду рассматривать это как экономическую декларацию войны и буду немедленно действовать соответствующим образом. Я ничего не пошлю этой стране. Ни оружия, ни запасных частей к вооружениям, ни буровых вышек, ни оборудования для нефтепроводов — ничего»¹¹.

Но как идти против течения? Как материализовать тягу к наращиванию борьбы за гегемонию в условиях разрядки, в прямой коллизии с небывало мощными позитивными тенденциями в мире? Как обосновать такой курс? Как преодолеть, наконец, «неестественное», по выражению Г. Киссинджера, положение внутри самих США, когда большинство американцев отказываются поддерживать агрессивные акции за рубежом? В этом с самого начала заключалось коренное противоречие внешней политики администрации Дж. Картера, которое она разрешила лишь на рубеже 70—80-х годов, окончательно повернув к международной конфронтации.

С Дж. Картером к руководству внешней политикой США пришли представители относительно умеренного крыла так называемого «трилатералистского» направления*, тесно связанного с внешней экспансией американского капитала, в особенности с интересами транснациональных корпораций, в целом с интересами той части правящих кругов, которая была наиболее вовлечена в политические и экономические отношения мировой капиталистической системы. Один из лидеров «трилатералистов», государственный секретарь С. Вэнс, напоминал, что экспорт товаров и услуг вносит вклад в американский валовой национальный продукт в размере почти 200 млрд. долл. Один из каждого трех долларов прибыли корпораций США поступает из сферы международных операций. А в целом в 1959—1977 гг. доля доходов от заграниценных ка-

* Дж. Картер, З. Бижепский, государственный секретарь С. Вэнс, министр обороны Г. Браун, министр финансов М. Блюментол, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке и др. участвовали в работе так называемой «трехсторонней», или «трилатеральной», комиссии.

питаловложений в совокупных прибылях 500 ведущих корпораций США возросла более чем в 8 раз¹².

У представителей умеренного «трилатерализма» весьма отчетливо просматривался оптимизм в отношении американских возможностей в мире. Не усматривалось и «кризиса американской безопасности» в той мере, как это пытались впушить правые силы США. На протяжении всего срока пребывания у власти администрация признавала наличие советско-американского стратегического партнерства. У демократов во главе с Дж. Картером, особенно в начале его президентства, отнюдь не были изжиты иллюзии в отношении попыток использовать разрядку в своеокрыстных целях. Им не хотелось расставаться и с большими выгодами, которые несла разрядка самим США, особенно в сфере безопасности. Под воздействием сторонников более осторожной линии (С. Вэйс, П. Уорнике, Э. Янг, советник государственного департамента М. Шульман) президент признавал опасность бесконтрольной гонки вооружений, даже ее беспersпективность для укрепления безопасности США. Он подтверждал наличие «множества совпадающих интересов» с СССР¹³.

Главной силой, препятствующей борьбе за американскую гегемонию, администрация Дж. Картера, безусловно, считала СССР и социалистическое содружество. Вместе с тем до окончательного поворота вправо в Вашингтоне, в том числе в военном руководстве, не раз подчеркивали: «Даже если бы не было глобального соперничества с СССР, нам все равно пришлось бы решать массу проблем...»¹⁴ Демократов очень заботило ослабление мировой экономической роли США и усиление позиций основных империалистических соперников. Американские дела складывались здесь неважно. В 1977 г. доля США в промышленном производстве несоциалистического мира уступала совокупной доле стран Западной Европы и Японии почти на 7%. Американский экспорт в 1957—1977 гг. увеличивался в 2 раза медленнее, чем экспорт других стран Запада. Темпы роста производительности труда были в 4 раза ниже японских, в 3 раза ниже темпов ФРГ. В 1976 г. американскими были 44% крупнейших корпораций мирового капиталистического хозяйства, а 20 лет назад — выше 70% таких корпораций. «Наибольшая непосредственная угроза фундаментальным интересам США исходит от экономических и валютных сил»¹⁵ — обобщал министр обороны Г. Браун.

Вашингтон тревожила и перспектива дальнейшего ро-

ста самостоятельности развивающихся стран, все более осложняющая для Запада любой доступ к сырьевым ресурсам, особенно энергетическим. В 1973—1977 гг. доля импорта нефти во внутреннем потреблении США увеличилась почти в 4 раза. Энергетическая проблема превратилась для Вашингтона в один из важнейших элементов «национальной безопасности». Военное руководство твердило: «Только преодолев энергетический кризис, мы можем восстановить мощь, необходимую для поддержания безопасности США». В более широком плане администрация Дж. Картера исходила из того, что облегчение условий для экспансии американского капитала в развивающиеся страны, вовлечение их в орбиту мирового капитализма относятся к числу главных направлений внешней политики США.

В Вашингтоне подчеркивали, что те или иные международные процессы, которые ограничивают империалистические притязания США, приобретают уже такие масштабы, что их цельня затормозить односторонними усилиями Вашингтона. Но затормозить их обязательно нужно. Можно, дескать, добиться радикального укрепления империалистического мира — под эгидой США, разумеется, — перед лицом растущего влияния противостоящих империализму сил. А для этого требуется именно «трехсторонняя стратегия», объединяющая усилия всех трех центров современного капитализма. «...Без более тесного американо-европейско-японского сотрудничества невозможно решать важные задачи современности; активное развитие такого сотрудничества должно стать центральной задачей американской политики», — подчеркивал З. Бжезинский еще в 1973 г. Этот подход в значительной мере продолжал, хотя и в более активном плане, идею «партнерства» в доктринах предшественников Дж. Картера.

Первоначально администрация Дж. Картера была убеждена, что у США и их союзников хватит сил для того, чтобы изменить сложившиеся мировые реальности эволюционным путем, без немедленного отхода от разрядки. Рвать с разрядкой разом в Белом доме не собирались и потому, что она несла пользу самим США. Но, главное, потому, что это было объективно трудно сделать в конкретно-исторических условиях последней трети 70-х годов. Идея постепенного паразитирования наступательных тенденций во внешней политике — вот смысловое ядро установок Белого дома вплоть до начала 80-х годов, когда ад-

министрация перешла на платформу консервативно-милитаристских сил.

Соответственно выстраивались и первоначальные стратегические приоритеты администрации. На первый план выдвигались задачи по линии «Запад — Запад». Планировалось наладить под эгидой США межимпериалистическое сотрудничество, особенно в области экономики, активизировать военно-политические связи США со странами НАТО и Японией. На второе место выводились задачи по линии «Север — Юг». Речь шла о новом этапе в борьбе за империалистические позиции в развивающихся странах, усиление американского влияния в стратегически и экономически важных регионах, в первую очередь в таких государствах, как Египет, Саудовская Аравия, Нигерия, Бразилия, Иран. Наконец, на основе широкой мобилизации ресурсов империалистической системы, объединяя «Запад» и «Юг» против СССР и социалистического содружества, ставилась задача наращивать напрям по линии «Запад — Восток», в особенности против СССР. По словам З. Бжезинского, «без улучшения отношений внутри трехстороннего общества невозможно развитие отношений по линии «Север — Юг», а без прогресса в обеих этих областях остается под вопросом проблема улучшения отношений по линии «Запад — Запад»¹⁶.

Улучшение отношений с СССР? Не это имелось в виду на деле. В той мере, в которой «трехсторонней стратегии» мешала позитивная база отношений СССР и США с ее принципами равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды, Белый дом рассчитывал «ослаблять зависимость от советско-американских отношений». Иначе говоря, «освобождаться» от тех ограничений, которые накладывал на политику гегемонии процесс международной разрядки. Наиболее активно подобный подход продвигала в администрации группировка З. Бжезинского в Совете национальной безопасности.

Таким и был примерный маршрут движения Вашингтона против конструктивных международных процессов. В широком плане политическое руководство США во главе с Дж. Картером собиралось искать альтернативу деятельности предшественников на пути «перехода к политику поддержания мирового порядка с учетом интересов всех американских союзников». Идея подобного «перехода» определила существо внешнеполитических усилий США в конце 70-х годов. З. Бжезинский пояснял: «Мы должны обратить свои усилия на достижение далекой и

трудной цели — ввести в определенное русло мир, который пробудился и стал тревожным в социальном отношении»¹⁷. То была формула перехода к новому этапу борьбы за американскую гегемонию.

Формула оставляла мало места для того, чтобы хоть в чем-то видеть мир как он есть, хотя бы отчасти приспособливаться к его реальностям, жить по средствам. Сразу напрашивалось — замысел ввести в определенное, устраивающее США русло, мир конца 70-х годов был обречен на провал с самого начала. Задача была просто непосильной. Отсюда вытекали, в сущности, все будущие международные провалы Дж. Картера, его метания и зигзаги, паконец, отчаянные попытки Белого дома исправить положение, свернув на колею конфронтации и силы.

ДРЕЙФ В ПРАВО: НАЧАЛО ПУТИ

Администрация рвалась к осуществлению замыслов по всем политическим азимутам. У Капитолия едва убрали трибуну, где президента привели к присяге, как Вашингтон полыхнул залпами мощной политической кампании. Белый дом обновлял идеологический багаж внешней политики, развертывалась борьба за «моральное лидерство» США на путях так называемой «защиты прав человека». Эти усилия направлялись прежде всего против СССР и социалистического содружества, ставились на долговременную основу, приобретали масштабы «психологической войны». Решительный отпор СССР вынудил Вашингтон сбить взятый тон, но кампания активно продолжалась. В феврале демократы решили фундаментальный вопрос — определились в отношении программы форсированного наращивания вооружений, оставленной наследником республиканцами. В бюджетных предложениях Дж. Картера на 1978 финансовый год, представленных параллельно к бюджету предшественников, изменений по существу не было. Планировалось повысить военные расходы в 1,5 раза в ближайшее пятилетие. Закупки вооружений предполагалось увеличить в 2,4 раза.

Отношения с СССР Белый дом пытался начать как бы с «чистого листа», с тем чтобы разорвать их преемственность. Визит С. Вэнса в Москву в марте 1977 г. выявил далеко идущий замысел демократов — демонтировать базу имеющихся между СССР и США договоренностей на ключевых направлениях ослабления угрозы ядерной войны и

ограничения гонки стратегических наступательных вооружений. Новые предложения США по ОСВ-2 означали ревизию уже достигнутых основ для договоренности. Грубо нарушался основополагающий принцип равенства и одинаковой безопасности. Предложения были немедленно отклонены. В первой же беседе С. Вэлсу было указано со всей определенностью, что СССР может вести дела с США только на основе равенства и никогда не согласится с иным подходом¹⁸. В мае 1977 г. возобновились советско-американские переговоры по ОСВ. Позиция США сводилась к попыткам обеспечить себе крупные односторонние преимущества в ущерб интересам партнера.

Такой подход к проблеме ОСВ был первым крупным авансом Дж. Картера консервативно-милитаристским силам, особенно их группировке в сенате во главе с Г. Джексоном: Американская позиция в значительной мере вытекала из его февральского (1977 г.) меморандума президенту, в котором выдвигалось требование ужесточить линию США на переговорах. Впоследствии было установлено, что основным автором «меморандума Джексона» был помощник сенатора Р. Перл. «Есть основания считать, — указывали исследователи, — что Перл умышленно представил такие несбалансированные предложения, с тем чтобы СССР не мог их принять. В итоге оказалось бы, что переговоры о контроле над вооружениями не имеют перспектив, и США могли бы развернуть массированное военное строительство»¹⁹.

В отношениях с союзниками по НАТО администрация постаралась еще больше вовлечь их в гонку вооружений. По инициативе США в мае 1977 г. сессия Совета НАТО приняла решение о необходимости повышения вклада каждого члена блока в программы военного строительства до 3% ежегодного роста (в постоянных цепах). Принималась «краткосрочная программа повышения боеготовности войск НАТО». Ускорялась подготовка так называемой «долгосрочной программы». На сессии Дж. Картер поставил вопрос о «модернизации» потенциала американских ядерных средств средней дальности в Западной Европе²⁰. Что это означало практически? Был дан ход событиям, которые через несколько лет привели к опаснейшему решению НАТО о развертывании в Западной Европе «Першинг-2» и крылатых ракет. Что касается экономической сферы межсоюзнических отношений, то в мае на встрече руководителей ведущих стран Запада в Лондоне последовала основная инициатива Вашингтона, во-

площеннная в так называемой «идее трех локомотивов». «Сейчас особеню важно, чтобы США, ФРГ и Япония приняли совместные меры к обеспечению быстрого экономического роста и контроля над инфляцией», — пояснял М. Блюментол. От Токио и Бонна требовалось также «добровольно» сокращать актив торгового баланса к односторонней выгоде США.

В отношениях с развивающимися странами на многосторонней основе в рамках диалога «Север — Юг» американский подход во многом выявила конференция по международному экономическому сотрудничеству, проходившая в Париже в мае — июне 1977 г. В политике США не было реалистических сдвигов ни по одному из основных элементов сырьевой проблемы, которая больше всего интересовала развивающиеся страны. Демократы видели в диалоге главным образом способ облегчить США доступ к энергоресурсам этих стран. Вашингтон ограничился обещанием внести определенный вклад в фонд помощи наименее развитым странам. И еще присоединился к другим западным государствам в обещании увеличить экономическую помочь «Югу» до уровня, составляющего 0,7% их валового национального продукта. Для США это предполагало более чем трехкратное увеличение такой «помощи», — обещание было заведомо переальным, Дж. Картер отказался от него в конце 1978 г. Администрация явно стремилась сбить рост активности развивающихся стран в борьбе за перестройку мирового экономического порядка на равноправной основе.

Летом 1977 г. в Вашингтоне была принята серия крупных военных решений. Санкционировалось оснащение основной ударной силы наземного стратегического потенциала США — ракет «Минитмен-3» разделяющимися головными частями индивидуального наведения с боеголовками повышенной точности и мощности. Давался «зеленый свет» производству крылатых ракет большой дальности, оснащенных ядерными боеголовками. Модернизацию стратегической авиации Белый дом счел нецелесообразной, отказавшись от серийного производства бомбардировщика B-1. Крылатые ракеты считались гораздо дешевле. Дж. Картер высказался за производство нейтронного оружия. Между тем в Пентагоне исподволь завели речь о том, что ядерный конфликт-де можно «ограничить». «Задачи стратегических вооружений США, — указывал Г. Браун, — должны предполагать способность... реализовать ряд вариантов действий на выборочной основе, с тем чтобы

контролировать эскалацию (ядерного конфликта.— И. П.), но возможности ограничить ущерб и завершить обмен ударами на максимально выгодных условиях»²¹. В окончательном виде подобные тенденции были закреплены в последний год президентства Дж. Картера в пресловутой директиве № 59. «Очевидно, что все производство американского стратегического оружия... направлено сейчас на совершенствование другой (кроме «гарантированного уничтожения».— И. П.) способности американских стратегических сил атаковать советские военные цели в ограниченной ядерной войне»²²,— заключали американские эксперты анализ военных решений Дж. Картера 1977—1978 гг.

К концу лета 1977 г. появился основополагающий документ международной деятельности администрации—президентский аналитический меморандум № 10 (PRM-10). Установки и решения долговременного действия, вытекающие из меморандума, излагались в президентской директиве № 18. Руководство США конкретизировало свои общие замыслы в подходе к СССР, разрядке, политике «национальной безопасности». Уточнялся маршрут американского похода против основного течения международной жизни.

Прежде всего подтверждалось, что Вашингтон по-прежнему ослепляет завышенная оценка возможностей США и Запада. Задача ставилась так— всемерно использовать эти «преимущества», применяя к отношениям с СССР формулу «соперничества и сотрудничества». Обе части формулы, однако, сводились к ужесточению американской политики. «Соперничество» предполагало активизацию попыток ухудшить международное положение СССР, его союзников и друзей за счет усиления политического пажима и наращивания военной угрозы со стороны США и НАТО, систематических политico-идеологических диверсий. Важнейший резерв империалистической политики видели в том, чтобы рассорить СССР и КНР. Что касается «сотрудничества», то оно мыслилось не на базе равноправия, а прежде всего на условиях Вашингтона. Переговоры с СССР в области мер, относящихся к ослаблению военной опасности, не исключались. Наоборот, они включались в рамки «сотрудничества». «Самая важная проблема американо-советских отношений вытекает из того факта, что вследствие развития военной техники каждая из сторон имеет возможность уничтожить другую как функционирующее общество»,— разъяснял М. Шульман. Предполагалось вести наряду с процессом ОСВ переговоры с

СССР по ряду других направлений, относящихся к ослаблению военной опасности.

Но цель переговоров Вашингтон видел в том, чтобы политическим путем обеспечить крупные односторонние военные выгоды для США и их союзников. А также в том, чтобы развязать руки руководству США для ведения гонки вооружений таким образом и по тем направлениям, как это делала администрация Дж. Картера. В частности, в июне 1978 г. Агентство по контролю над вооружениями и разоружению представило ежегодный доклад «Воздействие военных программ 1979 финансового года на контроль над вооружениями». Речь шла о 33 основных военных программах США, включая «МХ», «Трайдент», крылатые ракеты, пейтронное, биологическое, химическое, лазерное, лучевое оружие и т. д. «...Все то, что необходимо выполнить в предстоящем году, никак не противоречит политике США в области ограничения вооружений или позиции США на протекающих переговорах об ограничении вооружений»²³, — подчеркивалось во введении. А подход к «сотрудничеству» в экономической сфере расшифровал ближайший сотрудник З. Бжезинского С. Хантингтон: «Русским необходимо дать понять, что... экспорт товаров может прекращаться и возобновляться в зависимости от готовности СССР сотрудничать с США...»

Директива № 18 ориентировалась на ежегодное увеличение военных расходов США в объеме 3% (в постоянных ценах) вне зависимости от международных условий, прежде всего процесса разрядки. В стратегической области гонки вооружений предполагалось вести преимущественно на качественной основе. Одна из главных целей — обеспечение военно-технического задела для потенциального резкого рывка. Принимались решения о парашютации военного потенциала США и НАТО в Европе как в количественном, так и в качественном отношении. Вводилась очередность: сначала парашютывать обычные вооружения. Наконец, впервые со временем вьетнамской войны в США брались за создание специального военного потенциала для интервенций в зоне развивающихся стран. Принималась установка на формирование мобильных сил, способных к «быстрому развертыванию» на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива, в Азии.

Взятая в совокупности, военно-политическая практика США убеждала, что основа пути, которым Вашингтон шел к повороту вправо, закладывалась еще в первой половине президентства Дж. Картера. Принципиальный шаг в этом

направлении администрация сделала в июне 1978 г. Выступая в Военно-морской академии в Аннаполисе, Дж. Картер поставил вопрос о возможности перехода США к политике конфронтации²⁴. Об этом впервые сказали прямо.

Тогда же президент поведал об усилиях по созданию «корпуса быстрого развертывания». Четко обозначилось и стремление Вашингтона объявить различные районы мира «сферами жизненных интересов» США. Причем «сфера» явно приближалась к территории СССР. В документах Пентагона подчеркивалось: «Границы безопасности США проходят по гигантской дуге, охватывающей жизненно важные для США районы на всем протяжении от Северной Норвегии до Алеутских островов»²⁵.

В мае 1978 г., когда в Нью-Йорке работала специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, Дж. Картер на сессии Совета НАТО в Вашингтоне наставлял союзникам решение (на этот раз в форме обязательства) о наращивании своих военных расходов на 3% в год (в постоянных цепах). Была припята так называемая «долгосрочная оборонная программа НАТО» на период 1979—1993 гг. В предстоящее пятилетие планировалось передать в войска стран блока около 8 тыс. американских танков и бронемашин. Ускорялась подготовка военно-технической базы для переброски в Западную Европу при «чрезвычайных обстоятельствах» 150 тыс. войск США, трехкратного увеличения в Европе числа американских военных самолетов. Предусматривались меры по усилению боеготовности вооруженных сил НАТО, наращиванию ВМС и BBC, «электронной войны» и т. д. Программа охватывала около 300 рекомендаций по 117 направлениям военного строительства. «Если будут выделены все необходимые средства на предусмотренные НАТО программы, то западный союз должен добиться явного преимущества в военной области к середине 80-х годов», — отмечал впоследствии Г. Браун.

С начала 1978 г. Вашингтон развернул антисоветскую игру в Азии с целью обострить советско-китайские отношения. Китай именовали теперь «стратегическим противовесом СССР». В мае Пекин с официальным визитом посетил З. Бжезинский, раскрывший руководству КНР антисоветские установки меморандума PRM-10. Стороны условились форсировать установление дипломатических отношений. В июле 1978 г. Белый дом направил в Пекин многочисленную делегацию во главе с помощником президента по вопросам науки и техники Ф. Прессом для нала-

живания двусторонних отношений с КНР. Намеченный визит того же Ф. Пресса в Москву демонстративно отменялся. Одновременно в Вашингтоне были припяты меры по осложнению деятельности механизма двустороннего сотрудничества СССР и США, вводились антисоветские ограничения в торгово-экономической области. С 1 января 1979 г. между США и КНР восстанавливались дипломатические отношения. В американо-китайские документы включалось так называемое «антигегемонистское» положение, в которое вкладывалось антисоветское содержание²⁶. А раньше, в августе 1978 г., при содействии США был подписан японо-китайский договор, включавший аналогичное положение. Вашингтон явно вел дело к тому, чтобы установить «стратегический параллелизм» действий Японии и КНР в подходе к обстановке на Дальнем Востоке, столкнув СССР и КНР к своей империалистической выгоде.

Таковы были реальности политики Дж. Картера, если отделить практические дела американской администрации от ее словесной риторики. А слов было море! Президент то уверял, например, в июне 1977 г. в речи в Чарльстоне, что администрация стремится чуть ли не к дружбе с Советским Союзом. То заверял — в конце 1977 г., — что отношения с СССР «постоянно улучшаются, они стали гораздо лучше, чем были вскоре после того, как я стал президентом»²⁷. В ноябре следующего года: «Наши отношения с СССР в общем и целом устойчивы. Им не грозит никакая опасность. В настоящее время угрозы миру не существует. Переговоры ведутся добросовестно. Никаких оснований для тревоги не существует. По-моему, все в общем-то нормально... Я абсолютно спокоен за наши отношения с СССР»²⁸. А между первым и последним заявлениями Дж. Картера как раз происходило все то, о чем говорилось выше.

Чем объяснялся такой разрыв между словом и делом? Только ли фарсестьвом, столь присущим Белому дому при Дж. Картере? Не только. Шла расчетливая политическая игра, когда на передний план попеременно выдвигалось то «сотрудничество», то «соперничество». Принципиально важное значение имело еще одно обстоятельство. Дело заключалось в том, что в конце 70-х годов руководство США активнее, чем когда-либо в послевоенное время, пыталось прикрыть свою гегемонистскую политику завесой конструктивных заявлений, обещаний и клятв. Развертывалась беспрецедентная политко-идеологическая

Нет нейтронной бомбе!

кампания с целью представить США в качестве сдва ли не главной движущей силы позитивных тенденций в мировой политике. Причем именно в тех областях, где Вашингтон стремился в наибольшей мере тормозить такие тенденции! По своим масштабам и целям эта кампания намного превосходила пресловутую «защиту прав человека», которая, собственно, была ее составным элементом.

Нежелание содействовать усилиям по обеспечению военной разрядки в администрации пытались прикрыть показным «радикализмом», всячески подчеркивали «актив-

ность» США на переговорах, относящихся к разоружению. Применительно к отношениям с СССР периодически выдвигался вперед аспект «сотрудничества». Противоречия между декларациями и реальной политикой США усиливали среди американской общественности впечатление о непоследовательности Белого дома. Его зигзаги объяснялись, однако, не только расчетами. В Вашингтоне продолжалась борьба между приверженцами резкого усиления давления на СССР, прежде всего «группой Бжезинского», и сторонниками более умеренного подхода. Разногласия, однако, сводились к тому, как, в какой мере и насколько быстро вести дело к «соперничеству». То были в основном разногласия в тактике. На политику влияли и личные особенности Дж. Картера. Из ряда его заявлений, если брать их буквально, следовало — президент вроде бы не чужд реализму. Он продолжал призывать «сделать все возможное для прекращения безумной гонки вооружений», признавал «неизбежность эквивалентности» в советско-американском военном балансе, «невозможность преодолеть дистанцию, отделяющую декларации от дела, Дж. Картер зачастую не хотел. Или не мог. Сказывались его нерешительность, податливость к наажиму милитаристов.

И все-таки главное заключалось в том, что Вашингтон стремился хотя бы на словах подстроиться к преобладающим настроениям в международной жизни, как можно дольше маскировать свои гегемонистские установки. «Важно не оказаться в положении поджигателей войны, заинтересованных только в военных вариантах решения возникающих проблем, — со всей откровенностью пояснял в мемуарах Дж. Картер. — Подобное положение отбросило бы от нас некоторых европейских союзников, вызвало бы отчуждение неприсоединившихся стран, повело бы к изоляции Соединенных Штатов в мировом сообществе». Всего этого в администрации опасались (особенно сторонники более умеренного подхода), вплоть до поворота к политике конфронтации, а в известной мере и до конца срока правления.

Белый дом продолжал делать ставку на постепенное укрепление своих позиций. «Сочетание усилий по решению региональных проблем путем переговоров и заявлений о безоговорочной приверженности контролю над ядерными вооружениями с неброским, последовательным и хорошо спланированным парализованием нашего военного потенциала — это и служило бы показателем того, что

Америка является миролюбивым и надежным государством», — раскрывал президент особенности линии. Зигзаги администрации Дж. Картера вызывались прежде всего теми трудностями, с которыми сталкивались США в условиях процесса разрядки, развития позитивных процессов международной жизни.

Маневрировать, уверять в «глубокой приверженности» США делу разоружения Вашингтон побуждало еще одно обстоятельство. Американские союзники по НАТО, Япония отнюдь не рвались к форсированной гонке вооружений. Навязывать многие решения в военной области администрации было трудно. Иногда это просто не удавалось, как произошло, например, с нейтронным оружием. «Уже в начале 1978 г., — вспоминал Дж. Картер, — меня тревожила вероятность того, что это оружие никогда не будет размещено, даже если оно будет разработано. Европейские политические лидеры, даже наиболее решительные правительства Великобритании и ФРГ не поддерживали размещения». Президент возмущался: «Что же происходит — теперь США оказались едва ли не в абсурдном положении, когда приходится продолжать все это дело в одиночку. Наши требования к союзникам дать согласие на размещение нейтронного оружия не приносят результата... Мы не добились твердых обязательств ни от одного европейского государства разрешить размещение оружия на их территории, т. е. там, где только и нужно это оружие размещать». В апреле 1978 г. Белому дому пришлось отложить производство нейтронного оружия. Но США продолжали совершенствовать тактическое ядерное оружие, прежде всего в Европе. Последнее Дж. Картер пытался выдавать за часть «общих усилий США ограничить ядерное оружие»²⁹.

Советско-американские отношения принимали все более неровный характер. Настойчивые попытки США добиться от СССР односторонних уступок в различных областях встречали твердый отпор советской дипломатии. Администрации Дж. Картера никак не удавалось вести отношения с СССР в обход принципа равенства и взаимной выгоды. Более того, благодаря последовательной линии СССР удавалось достигать договоренностей по некоторым важным проблемам. В связи с истечением срока действия Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений стороны в октябре 1977 г. сделали идентичные отдельные заявления о намерении

поддерживать статус-кво и не предпринимать каких-либо действий, несогласных с положениями этого соглашения, при условии, что стороны будут проявлять аналогичнуюдержанность. В совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. СССР и США указали на необходимость быстрейшего достижения урегулирования арабо-израильского конфликта в рамках всеобъемлющего решения всех вопросов, включая обеспечение законных прав палестинского народа.

Советская дипломатия наращивала усилия в борьбе за позитивные отношения с США. С апреля 1977 г. по декабрь 1978 г. состоялось шесть встреч А. А. Громыко и С. Вэнса. СССР последовательно стремился продвинуть вперед советско-американские отношения. Между СССР и США были возобновлены некоторые двусторонние соглашения, срок действия которых истекал. В начале 1978 г. с официальным визитом в США находилась делегация Верховного Совета СССР. В сфере, относящейся к уменьшению военной опасности и разоружению, СССР и США продолжали переговоры по ОСВ, где намечались определенные сдвиги к лучшему. Важным делом в области разоружения стало подписание 18 мая 1977 г. в Женеве международной Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

СССР, США и Англия вели переговоры с целью выработки договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. В Комитете ООН по разоружению между делегациями СССР и США продолжались двусторонние переговоры с целью выработки совместной инициативы в отношении запрещения и уничтожения химического оружия. Состоялись советско-американские встречи для обсуждения вопросов, касающихся военной деятельности обеих стран в Индийском океане, консультации о запрещении новых видов и систем оружия массового уничтожения (в том числе радиологического), по проблеме ограничения международной торговли оружием и поставок обычных вооружений. Обсуждались вопросы, связанные с ограничением некоторых видов деятельности, направленной против космических объектов. На всех этих переговорах основной вклад в дело, как правило, вносили не Соединенные Штаты. В тех случаях, когда имело место продвижение вперед, это обеспечивалось главным образом конструктивными усилиями СССР.

Вашингтон отказывался от главного — идти на широ-

кие меры военной разрядки. США последовательно уклонялись от предложений СССР и государств Баршавского Договора, составлявших развернутую программу дополнения политической разрядки военной. В области ядерного разоружения, например, выявились полная неготовность США договариваться, как это было предложено СССР в ноябре 1977 г., об одновременном прекращении всеми государствами производства ядерного оружия, продвигаясь вперед вплоть до полной, «стопроцентной» ликвидации уже накопленных его запасов. Между тем в октябре 1977 г. Дж. Картер декларировал в ООН стремление США «сократить на взаимной основе ядерное оружие на 10, 20, даже 50%»³⁰. В октябре 1978 г. президент санкционировал производство основных компонентов нейтронного оружия, пересмотрев принятое ранее решение. Вашингтон отказался от советских предложений о взаимном отказе СССР и США от производства нейтронного оружия. Американская сторона явно стремилась блокировать возможности военной разрядки в Европе. Подход администрации к общеевропейским делам выявила, в частности, Белградская встреча представителей государств — участников Хельсинкского совещания. По признанию заместителя главы американской делегации А. Шерера, США вели в Белграде «политику конфронтации», сводили свои усилия к раздуванию в антисоветском и антисоциалистическом плане «проблемы прав человека»³¹. Таков был ответ Вашингтона на широкую долговременную программу развития сотрудничества и безопасности в Европе, принятую в Хельсинки в 1975 г. На венских переговорах 19 государств по проблеме взаимного сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе американская сторона в 1977—1979 гг. продолжала добиваться для Запада крупных односторонних преимуществ.

Но и в таких сложных условиях СССР упорно искал возможности договориться. 15—18 июля 1979 г. в Вене состоялась советско-американская встреча на высшем уровне. Будь на то политическая воля со стороны США, итоги встречи могли бы стать важным рубежом на пути оздоровления советско-американских отношений. Доводилась до конца подготовка договора ОСВ-2, затянутая Вашингтоном на несколько лет. Договор был подписан. Договоренности целиком опириались на принцип равенства и одинаковой безопасности, воплощали тщательно взвешенный баланс интересов сторон. Каждая сторона обязыва-

лась ограничить стратегические вооружения суммарным количеством, не превышающим сначала 2400 единиц, а с 1 января 1981 г. — 2250 единиц. Положения договора шли гораздо дальше Временного соглашения от 1972 г. о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Количественные ограничения дополнялись качественными: впервые вводились ограничения на ракеты, оснащенные разделяющимися головными частями индивидуального наведения, на модернизацию существующих и создание новых типов стратегических вооружений. Предусматривалось определенное сокращение стратегических наступательных вооружений. Стороны соглашались вести дело к существенным сокращениям и ограничениям стратегических вооружений в количественном и качественном отношении. Закреплялось сложившееся между СССР и США примерное равновесие в количестве и качестве стратегических ядерных вооружений.

Однако венский диалог по актуальным международным проблемам, включая обстановку в Европе, на Ближнем Востоке, Юге Африки, в Юго-Восточной Азии и некоторых других районах, носил порой острый характер. Дж. Картер всячески пытался оправдать экспансионистские тенденции американской внешней политики, доказывал наличие «жизненно важных интересов» США во многих районах мира.

ПРОВАЛЫ ПО ВСЕМ АЗИМУТАМ

Экспансионистская политика США осложняла обстановку в различных районах мира, в особенности на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива. Еще в конце 1977 г. Вашингтон круто свернул к попыткам провести под своей эгидой арабо-израильское урегулирование на сепаратной основе вопреки советско-американским договоренностям. Эти усилия завершились в сентябре 1978 г. американо-израильско-египетской встречей на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде. Подписанные документы ничем не содействовали подлинному ближневосточному урегулированию. Скорее наоборот. Вне договоренностей оставалась проблема полного освобождения Израилем оккупированных арабских территорий, обеспечения надежной безопасности всех заинтересованных сторон в регионе, особенно законы интересов арабского народа Палестины. Над Синайским полуостровом восстанавливался суверенитет Египта, но на дискриминационных условиях. Сделка вызвала воз-

мущение в мире, прежде всего в арабских странах. Многие из них объявили Египту бойкот, разорвали с ним дипломатические отношения. Попытки США расширить состав участников кэмп-дэвидской сделки полностью провалились. Дж. Картер с большими усилиями довел дело до сепаратного египетско-израильского «договора о мире», заключенного в марте 1979 г.

По мере ухудшения отношений с большинством арабских государств США все больше замыкались на развитии связей с Израилем и Египтом. Их военный потенциал, как подчеркивал теперь Дж. Картер, рассматривался в качестве «главного элемента» политики США в регионе. В 1979 г. Каир и Тель-Авив получили уже свыше 80% общей суммы американской военной помощи иностранным государствам по сравнению с 2,7% 10 лет назад³². В итоге наглел Израиль. Еще в марте 1978 г. была предпринята широкая израильская интервенция в Ливане, завершившаяся оккупацией значительной части его территории*. Кэмп-дэвидские решения резко усиливали напряженность в сложном и взрывоопасном районе мира.

Между тем на Среднем Востоке складывалась обстановка, противоречащая всем американским расчетам. Казалось, недавно, в конце 1977 г., Дж. Картер называл Иран «островом стабильности в одном из наиболее бесспокойных районов мира». Иранская монархия была, в сущности, проамериканским жандармом в районе Персидского залива, продвигавшим интересы США в отношениях со странами ОПЕК. В экономике Ирана обосновалось более 500 американских фирм. В некоторые годы Иран поглощал до 40% всего американского экспорта вооружений, причем режим шаха имел почти неограниченный доступ к американскому цеадерному оружию. Количество американских военных и гражданских советников в этой стране составляло десятки тысяч человек. В Вашингтоне просто не хотели верить, что можно утратить позиции в стране, на которую делали ставку шесть американских администраций. Еще в августе 1978 г. в ЦРУ исходили из того, что в Иране нет ни революционной, ни предреволюционной ситуации. В конце сентября 1978 г., когда борьба против монархии в Иране достигла высокого накала, военная раз-

* Летом 1982 г. Израиль при поддержке Вашингтона предпринял новую крупномасштабную агрессию против Ливана, а в 1983 г. вооруженные силы США приняли прямое участие в расправе над этой многострадальной страной.

ведка США продолжала уверять — «шах останется у власти по крайней мере в течение ближайших 10 лет»³³.

С середины осени 1978 г. по март 1979 г. администрация Дж. Картера была поглощена борьбой за сохранение у власти в Иране проимпериалистических группировок. Вмешательство США имело воинственный характер. Через посла шаха в Вашингтоне З. Бжезинский постоянно требовал подавить напор революционных масс силами иранской армии. В начале января 1979 г. в Тегеран прибыл американский генерал Р. Хайзер с указанием «содействовать поддержанию целостности вооруженных сил Ирана». Антимонархическим силам предлагалось выступить с призывом прекратить забастовки и демонстрации. Тогда США не будут, мол, содействовать военному перевороту. У Вашингтона, однако, все срывалось. Миллионы людей в Иране выходили на демонстрации, не хотели больше пидия терпеть монархию и ее сторонников. В последний момент З. Бжезинский — в который раз! — запросил посольство, нет ли хоть минимальной надежды на успех военно-политического переворота³⁴.

Победа антиимпериалистической революции в Иране в феврале 1979 г. оставила зияющую пробоину во всей системе попыток Вашингтона воздействовать на страны Ближнего и Среднего Востока, на политику стран ОПЕК в целом. Воздействие революции, по словам Дж. Картера, «ощущалось во всем районе Персидского залива». Военно-промышленный комплекс США терял заказы почти на 20 млрд. долл. В марте 1979 г. окончательно распалось СЕНТО. В значительной мере обесценивалось целое направление американской внешней политики в 70-е годы — опора на региональные «центры силы». Подрывался и курс Дж. Картера в области отношений по линии «Север — Юг». Провал попыток Вашингтона спасти режим своих ставленников служил предостережением всем проамериканским реакционным режимам. Самым наглядным образом подтверждалось, что США не в силах сдержать нараставшие перемены в развивающихся странах.

Это подтверждалось и в Африке. В 1977—1979 гг. администрация Дж. Картера пыталась помешать развитию революции в Эфиопии, ослабить крепущие связи этого государства с социалистическим содружеством. Задачу старались решить в основном при помощи Сомали, поощряя экспансионистские настроения Могадишу. События на Африканском Роге демонстративно рассматривались Вашингтоном в контексте «соперничества» с СССР. Но раз-

вязанная Сомали война в Огадене закончилась победой Эфиопии, одержанной при интернациональной поддержке СССР и Кубы. Еще один крупный провал администрации Дж. Картера. Тем временем на юге континента Вашингтон продолжал попытки предотвратить переход власти в Зимбабве и Намибии к силам национального освобождения. Не получалось и это. В апреле 1979 г. была провозглашена независимость Зимбабве. Явно не удавалось подорвать и позиции единственного законного представителя народа Намибии — СВАПО. В целом к концу президентства Дж. Картера все больше выявлялось, что США не в силах нейтрализовать антиимпериалистические тенденции в политике многих государств Африки.

В своей латиноамериканской политике демократы довели до конца давние переговоры с Панамой о статусе Панамского канала. «Для Липовитца (глава делегации США на переговорах. — И. П.) и Вэнса, равно как и ранее для Киссинджера, Панама представляла собой не очень крупное, но весьма важное препятствие, которое требовалось преодолеть на пути к осуществлению задачи обеспечения приемлемых экономических отношений с Латинской Америкой»³⁵. 7 сентября 1977 г. Дж. Картер и президент Панамы О. Торрихос парафировали договор о статусе канала и договор о нейтралитете канала. В ходе ратификации договоров в конгрессе государственный секретарь С. Вэнс подтвердил, что они почти не связывают руки Вашингтону. «...Не будет ограничений на свободу США обеспечивать постоянный нейтралитет канала», — подчеркнул он, добавив: «Наше право на вмешательство — четкое и недвусмысленное». В марте 1978 г. в конгрессе была принята поправка, предложенная сенатором Декончини, которая «позволяла» США «использовать военную силу в Панаме» после 2000 г.³⁶

Интервенционистские откровения обесценивали замысел руководства США показать на примере отношений с Панамой «конструктивность» подхода к своим южным соседям, к развивающимся странам в целом. Той же задаче служила и критика Вашингтона нарушений прав человека авторитарными режимами, которая сопровождалась временным прекращением им американской военной помощи. Итоги оказались неожиданными для Вашингтона — Бразилия, Аргентина, Уругвай, Сальвадор, Гватемала пошли, хотя и в разной степени, на обострение отношений с США. А меру искренности американской «защиты прав человека» выявляла поддержка, оказанная администраци-

ей диктатуре Сомосы в Никарагуа. Победа революционной борьбы в Никарагуа в 1979 г. нанесла серьезный удар по империалистическим позициям США в Центральной и Южной Америке. Что касается социалистической Кубы, то Вашингтон явно не мог добиться ее международной изоляции. Напротив, VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване в октябре 1979 г. избрала Кубу председателем Координационного комитета движения неприсоединения.

Эта конференция как бы подвела предварительный итог усилиям администрации Дж. Картера по линии отношений «Север — Юг». Несмотря на попытки Вашингтона расколоть и ослабить движение неприсоединения, в Гаване были согласованы позиции решительной антиимпериалистической борьбы. Заметно увеличивался политический вес стран, выступающих за прогрессивную ориентацию во внешних и внутренних делах. Существенно расширилось их сотрудничество с СССР, социалистическим содружеством. Объединение Вьетнама в 1976 г., укрепление народной власти в Лаосе, ликвидация режима полпотовских палачей в Камбодже в 1978 г., успешная защита и укрепление форпостов социалистической ориентации в Африке — Эфиопии, Анголы, Мозамбика, победа патриотов Зимбабве, антифеодальная национально-демократическая революция в Афганистане в апреле 1978 г., ликвидация шахской монархии в Иране, свержение антинародной диктатуры в Никарагуа — все это перечеркивало надежды администрации Дж. Картера втянуть развивающиеся государства в империалистическую орбиту.

Вашингтон явно терял интерес к диалогу «Север — Юг». Он не мог вести его на своих условиях. Американское «нет» превращалось в систему. «Возглавляемый США Север продолжал отвергать почти все предложения Юга, не вовлекаясь в серьезные переговоры»³⁷, — пояснял в этой связи заместитель министра финансов США Ф. Бергстейн. Но объем требований Вашингтона возрастил. Администрация настойчиво требовала льготного режима для деятельности транснациональных корпораций, снижения экспортных тарифов и т. д. В широком плане, как отмечает советский исследователь В. Г. Курьевов, американский подход определялся ультимативным принципом «равной ответственности»: или развивающиеся страны будут соблюдать все законы мировых капиталистических отношений, т. е. подчиняться Северу, или же они останутся вне системы этих отношений, утрачивая

право на всякие уступки Севера³⁸. Итог был такой — США расходились с подавляющим большинством развивающихся стран по принципиальным вопросам диалога «Север — Юг».

И уж совсем далеко от успеха Вашингтон оказался в сфере энергетики. Вместо обещанного коренного «сдвига к лучшему» происходило противоположное. К лету 1979 г. импорт нефти достиг пика за 70-е годы — половина всего потребления нефти в США³⁹. После прихода Дж. Картера к власти стоимость ввозимой нефти возросла почти в 2 раза, а по сравнению с началом десятилетия увеличилась в 17 раз⁴⁰. Особенno тяжелый удар по расчетам Вашингтона влиять на ценообразование ОПЕК был нанесен в том же 1979 г. Цены повысились более чем в полтора раза, а стоимость американского импорта нефти увеличилась почти на 70% лишь за год. Военное руководство США было тревогу — «угроза» для «национальной безопасности» резко возрастает. С лета 1979 г. в выступлениях Дж. Картера относительно энергетики появились панические ноты.

А что касается американских нефтяных монополий в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, то им приходилось теперь действовать в совершенно иных условиях, чем в начале 70-х годов. «В совокупности мер, использованных против капитала США, — отмечал А. А. Громыко, — наиболее важными по своим экономическим и политическим последствиям стали пересмотр неравноправных концессионных соглашений, национализация собственности американских нефтяных компаний и повышение цен на нефть. Это главные взаимосвязанные звенья в цепи антиимпериалистических и антиамериканских мер, предпринятых нефтедобывающими государствами в 70-х годах»⁴¹.

Растущая стоимость импорта нефти была очень весомым фактором ухудшения внешнеэкономических позиций США к последнему году президентства Дж. Картера. Но отнюдь не единственным. Администрация проваливалась в своем общем замысле выправить негативные для США тенденции в экономике мирового капитализма. Жертвой межимпериалистических противоречий стала идея «трех локомотивов». Вашингтон отказался от нее еще весной 1978 г. Вопреки «намерениям» координировать темпы экономического роста с США эти темпы у ФРГ в 1978 г. были вдвое выше, чем обещал Г. Шмидт на лондонском совещании в мае 1977 г. Что касается Японии, то в мае

1978 г. Дж. Картеру пришлось выдвинуть в качестве центральной проблемы всей совокупности американо-японских отношений растущий дефицит США во взаимной торговле. Недовольство стран Западной Европы и Японии действиями США еще больше усиливало валютно-финансовая политика администрации, которая почти два года отказывалась от мер по поддержанию стоимости доллара. Расчет был на то, чтобы сократить внешнеторговый дефицит США и одновременно повысить конкурентоспособность американского экспорта в ущерб интересам партнеров. Карта оказалась битой. И дефицит не сократили, и доллар слабел. К началу 1979 г. его стоимость относительно валют главных американских конкурентов упала на 20% по сравнению с началом президентства Дж. Картера.

Вашингтон в целом не мог наладить межимпериалистическое сотрудничество за счет партнеров. Это отчетливо выявлялось на многосторонних встречах руководителей ведущих стран Запада на высшем уровне. Чисто американских решений здесь фактически не было. Американские союзники все увереннее использовали возросшие экономические и политические возможности, блокировались, противостояли США. Как это выглядело на деле, видно из дневниковых записей Дж. Картера, которые он предал гласности в своих мемуарах. Начало встречи на высшем уровне в Токио 28 июня 1979 г., вспоминал президент, «один из худших дней в моей дипломатической жизни... Сначала европейцы выступили против нас единым строем. Дискуссия была очень острой, то и дело мелькали не было резкие слова». В ожесточенных спорах экономика переплеталась с политикой, крупными международными проблемами. «...Капцлер ФРГ Шмидт твердил, что вмешательство США в ближневосточные дела в попытках разработать мирный договор (в развитие договоренностей Кэми-Дэвида.— И. П.) — истиинный источник осложнений с нефтью во всем мире».

Или взять отчет президента о встрече с руководителями Франции, Великобритании и ФРГ в ноябре 1978 г. на острове Гваделупа. «Когда я поднял вопросы обороны, начался нелегкий разговор... Очень упорным оказался Гельмут (Шмидт), который подчеркивал, что пойдет на развертывание дополнительных ракет (новых американских ядерных средств средней дальности.— И. П.) только в том случае, если и другие западноевропейские страны согласятся на подобные решения... Каллагэн говорил, что

системы вооружений среднего радиуса в Европе нужно включать в рамки переговоров относительно будущего ОСВ-3...» Все это, с раздражением вспоминал Дж. Картер, «отражало типичные осложнения, с которыми сталкивались США... Европейские лидеры еще позволяют США создавать, разрабатывать и производить новые вооружения, но никто из них не желает дать согласие на развертывание этих вооружений». Там же, на Гваделупе, Дж. Картер искал помощи союзников в отношении политики США в Иране. Не преуспел президент: «Я почти не нашел поддержки шаху ни у одного из трех лидеров»⁴².

Противоречия между США и другими империалистическими «центрами» усиливались фактически по всем основным экономическим проблемам. Администрации Дж. Картера так и не удалось выравнять дефицит американского торгового баланса. На годы президентства Дж. Картера приходилась основная часть совокупного дефицита за 70-е годы, составившего 136 млрд. долл. К негативному балансу в торговле с развитыми капиталистическими странами в 1978 г. добавился дефицит в торговле с развивающимися странами. Вашингтон впервые столкнулся с крупным дефицитом в торговле промышленной продукцией. В этой части мирового капиталистического экспорта доля США продолжала падать: 16% в 1979 г. против 20,5% в 1976 г. США уступили здесь ФРГ. А Япония обходила США в самой, казалось бы, «американской» отрасли — производстве автомашин. Не удавалось пресечь и давние негативные тенденции для США в мировой капиталистической экономике. Американская доля в прямых частных инвестициях развитых капиталистических стран снизилась до 45% в 1978 г. против 55% в 1965 г. Валютные запасы США сократились до 7% общих запасов мирового капитализма. Характеризуя международные валютно-экономические проблемы в 70-е годы, А. А. Громыко отмечал: «Страны Западной Европы, стремясь оградить этот регион от валютных неурядиц, создать своего рода зону «денежной стабильности», образовали в 1979 г. Европейскую валютную систему, направленную на формирование в перспективе нового центра силы в сфере валютно-финансовых отношений капиталистических стран»⁴³.

Демократы не решили поставленных задач по линии «Запад — Запад». Межимпериалистические противоречия еще дальше развели мосты между основными центрами империалистического мира. «Трехсторонняя стратегия» дала трещину в главном звене.

«ДЕСЯТИЛЕТИЕ РАЗРЯДКИ» — «ПОТЕРЯНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»?

Что определяло международное положение США к концу президентства Дж. Картера? Трудные времена для американского гегемонизма в первой половине 70-х годов сменились еще более трудными временами в конце десятилетия. Проблемы и провалы шли нескончаемой волной по всему фронту международной деятельности США. Их становилось тем больше, чем дальше руководство страны отходило от процесса разрядки, чем быстрее гасило проблески былого реализма. То были провалы от пожелания «жить по средствам» — расплата за отход от реализма. Возрастала дистанция между империалистическими задачами и фактическими возможностями США, т. е. остройшая проблема американской политики после второй мировой войны. Дж. Картер эту проблему обострил еще больше, поставив для Соединенных Штатов ряд новых гегемонистских задач.

И теперь администрация пожинала плоды фундаментальных просчетов, которые сделала в подходе к мировым делам в самом начале, завышенная международные потенции США. Не состоялись ее надежды пресечь центробежные тенденции в империалистическом мире, в целом повернуть к выгоде Вашингтона отношения с союзниками, с развивающимися странами. Подтверждалась несостоительность попыток вести дела с СССР с позиции силы, замыслов обеспечить США крупные односторонние преимущества в ходе переговоров, намерений сместить в пользу Вашингтона сложившийся баланс военных сил в мире. Все то позитивное, что было создано в советско-американских отношениях благодаря усилиям СССР, опиралось на принципы равенства и взаимной выгоды.

Усиление гонки вооружений со стороны США и стран НАТО встречало эффективный ответ СССР и его союзников. В итоге сохранилось примерное военное равновесие между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО — важнейший объективный фактор мира. Вашингтон не мог изменить это равновесие ни в глобальном, ни в европейском масштабе, ни в области стратегических ядерных вооружений, ни в области ядерного оружия средней дальности в Европе, ни в области обычных вооружений. Предупреждая о неизбежности контрмер СССР, председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черч подчеркивал: «С самого начала (гонки вооружений) повтор-

рение наших результатов было для СССР только вопросом времени»⁴⁴. В июле 1979 г. даже министр обороны США Г. Браун выразил сомнения в том, что «действия США в области стратегических вооружений привели бы к появлению более благоприятного для нас баланса, нежели действия, осуществляемые в рамках ОСВ-2...». Полностью проваливались расчеты Вашингтона на использование разрядки для подрыва социализма. «США имеют военное превосходство над СССР или способны быстро такое превосходство восстановить»; «США способны содействовать трансформации советской политической системы в выгодном для Запада направлении»; «СССР не может обойтись без западной технологии» — так обобщал иллюзии, присущие руководству США в 70-е годы в подходе к СССР, профессор Л. Колдуэлл. И заключал: «Подобные фантазии не имеют под собой никаких оснований»⁴⁵. То писал профессор, а спустя некоторое время поделился опытом тот же Г. Браун: «Наше воздействие на внутреннюю политику русских ничтожно мало»⁴⁶.

Гегемонистские притязания США в конце 70-х годов были сорваны дальнейшим ростом мощи, влияния и морального авторитета СССР — оплота мира. Как подчеркивал А. А. Громыко, с этим прямо и непосредственно связывалось внедрение принципа мирного сосуществования в отношениях между социалистическими и капиталистическими государствами. Характеризуя 70-е годы, он писал: «В этот период было найдено решение ряда ранее казавшихся неразрешимыми проблем, которые длительное время отравляли международную атмосферу. В отношениях между странами, принадлежащими к различным социально-экономическим системам, получили развитие политические контакты, в том числе на высшем уровне. Между ними были заключены десятки важных договоров и соглашений, существенно расширились связи в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах. Принцип мирного сосуществования, вошедший тем самым в реальную ткань европейской и мировой политики, получил подтверждение в крупных двусторонних и многосторонних соглашениях»⁴⁷. Все это означало, что американский империализм и его руководство во главе с Дж. Картером не сумели «ввести» международные отношения в выгодное для себя «русло». 70-е годы входили в историю как «десятилетие разрядки».

Именно в таких условиях в праящих кругах США обозначился очень важный процесс — быстрый распад и

кризис тех оптимистических представлений о перспективах укрепления позиций США в мире, которые выдвигались на передний план всего несколько лет назад. Возрастали, приобретая массовый характер, настроения всплеска политического пессимизма. Родили сомнения, что США смогут сместить в свою пользу соотношение сил в мире постепенно, эволюционным путем, как это пыталась делать администрация Дж. Картера. Демократы оказались на острие критики. Упреки за ошибки или провалы по отдельным направлениям, обвинения в непоследовательности, в недостатке активности — все это сливалось в единый хор, который звучал все громче.

Проблема ослабления международных позиций США выходила в центр политической борьбы, становилась главной темой печати. В марте 1979 г. редакция «Бизнес уик» констатировала: «Сила и влияние США идут на убыль так стремительно, что многие творцы политики в других странах сомневаются в способности США определять собственные интересы и выполнять свои обязательства». Еще раньше, в ноябре 1978 г., редакция журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд репорт» подготовила тематический номер «США — слабеющая держава». Диагноз был тот же. «Идет ли речь о долларе, оружии или дипломатии, США, кажется, уступают значительную часть своего былого первенства в мировых делах». Такие оценки становились стереотипами политического мышления в стране.

Г. Киссинджер, который оставался ведущим авторитетом в США по международным делам, только подстраивался к преобладающим взглядам: «Правительство Картера ухитрилось совершить необычайный подвиг: небывало ухудшились отношения США с союзниками, небывало ухудшились отношения с нашими противниками, произошли небывалые потрясения в развивающемся мире, такие потрясения, которым не было подобных со времен второй мировой войны». Он говорил это на съезде республиканской партии в июле 1980 г., начав выступление словами: «Мы пришли сюда, чтобы добиться избрания Рональда Рейгана...»

Перестраивались и те, кто стоял у руля политики администраций Никсона и Форда. «Необходимо ускоренное наращивание контрасиловых возможностей путем создания ракеты «МХ» и подводной лодки «Трайдент» — такие речи вел тот же Г. Киссинджер. Дж. Форд требовал наращивать военные расходы США быстрее, чем это делали демократы. А Р. Никсон не просто подстраивался к плат-

форме правых, он старался перещеголять их, доходил до абсурда. В его книге «Реальная война» то и дело встречалось: СССР ставит цель «полностью захватить США», «у Америки мало шансов уцелеть до конца XX в.» и пр. Будто бы и не он, Никсон, подписывал документы, продвинувшие США к разрядке. Метаморфозы государственных деятелей времен подъема разрядки служили верным показателем нарастающей мощи консервативно-милитаристской волны.

Принципиальное значение имело следующее. Острота недовольства правящих кругов США международным положением страны не ограничивалась лишь политикой Дж. Картера. Да и критика не сводилась лишь к данной администрации. Дело было серьезнее. В американских верхах усиливалось понимание не преходящего, а долговременного и, главное, прогрессирующего характера процесса ослабления гегемонистских позиций США, глубины общего кризиса капиталистической системы. Известный американский международник, профессор Гарвардского университета С. Хоффман уловил суть: «Разочарование в действиях Дж. Картера накапливается именно потому, что его внешняя политика все больше соотносится с тем периодом, когда США доминировали в мире»⁴⁸. На рубеже 70—80-х годов политическое руководство США критиковали не столько за отдельные неудачи, сколько по совокупности несостоявшихся надежд наиболее воинственной, реакционной части правящего класса на воплощение гегемонистских притязаний за все 70-е годы в целом. В этом смысле десятилетиеказалось ему «потерянным».

Настроения озлобленности и раздражения, которые нарастали у правящей элиты страны, в концентрированной форме выражали правые силы. Один из идейных лидеров правых, Н. Подгорец, в книге «Существующая опасность» составлял своего рода каталог того, что в наибольшей мере вызывает недовольство правящей верхушки. На первое место выдвигался провал попыток администрации Картера обеспечить США военное превосходство, затормозить рост авторитета СССР, предотвратить сокращение географической зоны влияния мирового капитализма, рост самостоятельности развивающихся стран. Внешняя политика США в 70-е годы в целом объявлялась «капитуляцией». А последним рубежом в «отступлении американской мощи» представлялась «потеря Ирана». «Если в свое время задача не допустить повторения Вьетнама оказалась синонимом отступления и приспособления,—

подчеркивал Н. Подгорец, — то задача не допустить повторения Ирана должна стать синонимом нашей решимости не оставаться беспомощными и не позволять помыкать собой»⁴⁹.

Правые круги ставили вопрос о немедленном повороте к политике милитаризма. Дж. Картеру особенно доставалось за неверный выбор приоритетов: для борьбы за гегемонию начинать, мол, следовало не с линии «Запад — Запад» или линии «Север — Юг», а прежде всего с борьбы за возврат превосходства в отношениях «Восток — Запад». «Политически значимое стратегическое превосходство может и должно быть достигнуто и сохранено, — уверял один из деятелей Комитета по существующей опасности К. Грэй. В программном документе комитета «Теряет ли Америка статус первой державы?» утверждалось, что усилия демократов по наращиванию военного потенциала НАТО недостаточны, равно как и объем военного строительства США в целом. Выдвигалось требование искать пути к преодолению «сложившихся в годы разрядки ограничений на условия американского реагирования в мировых делах»⁵⁰.

Если в середине 70-х годов сторонники милитаризма не смогли навязать свои взгляды основной части правящих кругов, то теперь политические установки правых все глубже проникали в американские верхи, озабоченные поиском средств выхода из затяжной полосы международных трудностей, приобретали растущую убедительность. Страсть к политике «большой дубинки» звучала и в заявлениях умеренно-либеральных деятелей. «Мы должны дать понять всем, — звенел металлом в голосе сенатор Дж. Джавитс, — что в течение ближайшего десятилетия и позже нефтяные месторождения Саудовской Аравии будут для нас равнозначны Техасу...» А ветераны «холодной войны» вообще не стеснялись в выборе слов. «Если мы будем твердить, что не хотим ни при каких условиях вмешиваться в чью-либо внутреннюю жизнь, то вообще не сможем ничего сделать в отношении Ближнего Востока и других районов мира. Тогда нас ждет провал...» — излагал взгляды сил, противостоящих в США политике разрядки, бывший директор ЦРУ Р. Хелмс. И тут же формулировал существо программы этих сил: «Возвратиться к добрым старым временам «грязной политики», когда у нас был целый арсенал средств, которые мы использовали во всем мире, и когда мы могли мобилизовать своих союзников и заставить их всячески нам помогать».

В 1979 г. ключевой проблемой внутриполитической борьбы в США по вопросам внешней политики стала ратификация договора ОСВ-2. Слушания в сенате по вопросу о ратификации открыл председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черч: «Проблема ОСВ-2 неотделима от более широких усилий, направленных на стабилизацию американо-советских отношений, особенно в моменты кризисов и конфронтаций». Речь действительно шла о принципиальном подходе США к реальностям военного баланса в мире: готово ли в будущем американское руководство укреплять безопасность США посредством договоренностей об ограничении гонки вооружений, или же еще больше усилится тяга к погоне за военным превосходством. «Дебаты оставляют впечатление,— заметил английский международник Х. Булл,— что главное здесь не те или иные детали готовящегося соглашения. Главное — это сама разрядка, вопрос о том, следует ли США по-прежнему стремиться к ослаблению напряженности и расширению масштабов сотрудничества со своим оппонентом, или они вступят в новую фазу конфронтации»⁵¹.

Именно так и рассматривали ОСВ-2 консервативно-милитаристские круги США. Вся эта проблема стала для них политическим рубежом, на котором они постарались дать «генеральное сражение» разрядке международной напряженности. «Оппозиция договору,— отмечал В. Панофски, известный ученый и общественный деятель США,— объединила все силы, неспособные примириться с фактом, что США уже не могут больше управлять миром, как это было десятилетия назад»⁵². Подход милитаристских сил обобщался, в частности, в обращении почти 1700 военных деятелей США, которое огласил на слушаниях в сенате адмирал Т. Мурер. В обращении подчеркивалось, что «ратификация договора почти наверняка обречет США на проведение еще семи лет политики мира на основе доверия к русским...». Всевозможные оговорки, критика тех или иных положений ОСВ-2 вызывались стремлением правых сил в принципе не допустить какого-либо ограничения на ведение США гонки вооружений. И уж по крайней мере обеспечить США крупные стратегические преимущества. «Мир без ОСВ,— внушал один из ведущих сторонников политики силы П. Нитце,— возможно, будет лучше, чем мир с ОСВ, так как это заставит Америку все-таки добиваться того, чтобы она всегда была впереди русских».

Противникам ОСВ-2 противостоял настрой большинства американцев. Опросы показывали, что до 75% опрошенных выступают за ограничения стратегических вооружений совместными усилиями СССР и США. В стране были влиятельные силы, которые активно противостояли напору милитаристов. В поддержку ОСВ-2 высказались многие общественные организации, включая Национальный совет американо-советской дружбы, «Комитет по согласию Восток — Запад», «Американцы за ОСВ», «Американцы — сторонники демократических действий», «Женщины, боритесь за мир», «Национальный центр за сокращение военных расходов», Коалиция за новую внешнюю и военную политику, «Вашингтонский центр мира», «Члены конгресса за мир через право», Национальный совет церквей, Союз обеспокоенных ученых, Федерация американских ученых и т. д. Многое зависело от того, как поедет себя администрация. На демократов ложилась громадная ответственность. И Белый дом не смог подняться до высоты требований исторического момента.

В администрации на словах признавали значимость ОСВ-2 для интересов США. «Альтернативой договору, — отмечал С. Вэнс, — было бы возвращение к неограниченному соревнованию в военной области с вытекающими отсюда подозрениями и страхами прежних времен, но при наличии куда более разрушительного оружия». Отказ от ратификации ОСВ-2, констатировал директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Дж. Сигниес, имел бы «серьезные негативные последствия для безопасности США». Бывший посол США в СССР А. Гарриман напоминал, что правительства европейских союзников США решительно поддерживают договор. «Есть много областей, в которых мы жизненно заинтересованы и на которые благоприятно повлияет ратификация Договора об ОСВ-2». Указывалось, что ратификация ОСВ-2 позволит сократить военные расходы США на сумму от 30 до 75 млрд. долл., даст возможность сократить дефицит федерального бюджета, увеличить ассигнования на внутренние нужды и т. д.⁵³

Но Белый дом защищал ОСВ-2 вяло, явно отдав инициативу консервативно-милитаристским кругам. Агрессивная тенденция в политике Вашингтона усиливалась, набирала ход. Сталкиваясь с безуспешностью попыток укрепить позиции США в мире на путях постепенного наращивания наступательной линии за рубежом, с растущим недоверием правящих кругов к своей внешней поли-

тике, напором правых сил, наконец, с провалами во внутренней политике, администрация Дж. Картера все быстрее скользила к политике конфронтации. Военный бюджет США на 1980 финансовый год предусматривал увеличение расходов на развитие стратегических ядерных сил на 17 %. Анализируя выкладки администрации, Институт Брукингса пришел к выводу: расходы на вооружение, судя по темпам завершения разработок в области модернизации стратегических сил, к середине 80-х годов обещают возрасти в «катастрофическом» объеме⁵⁴.

Но это касалось будущего. А пока в Вашингтоне ломали голову над тем, как протолкнуть план размещения «Першинг-2» и крылатых ракет в Западной Европе. В чем была трудность? Да прежде всего в том, что не было ровным счетом никаких военных оснований усиливать, при этом качественно, ядерную группировку США в этом районе. Происходившая модернизация советских ядерных средств средней дальности, служивших противовесом соответствующему потенциалу НАТО, отнюдь не создавала для западной стороны какой-либо дополнительной угрозы. Количество советских ракет даже сокращалось. И в НАТО прекрасно это понимали. В конце 1983 г. редакция английской газеты «Обсервер» добыла секретные документы, которые готовились к январской (1979 г.) встрече Дж. Картера, В. Жискар Д'Эстена и Дж. Каллагэна на о. Гваделупа. Вот выводы: «...В результате модернизации советских сил в ходе принятия на вооружение ракет СС-20 уровень угрозы для НАТО, видимо, существенно не увеличится»⁵⁵. Имени! Так чем же оправдывать американский замысел сломать ядерный паритет в Европе? Надо белое представить черным, решили в Вашингтоне, завести речь о советской угрозе, особенно со стороны ракет «СС-20». Что и было сделано. Предстоящее «двойное решение» НАТО всецело опиралось на ложь. «Для США решение о ядерных средствах средней дальности превратилось в проверку американского лидерства в блоке,— констатировали в специальном докладе исследовательской службы конгресса.—...Проблема рассматривалась как возможность демонстрации Соединенными Штатами их способности возглавлять НАТО, особенно в ключевой области ядерного оружия...»⁵⁶ В апреле 1979 г. на заседании министров обороны в рамках группы ядерного планирования НАТО США добились принципиального согласия на то, что в начале 1980-х годов в Западной Европе будет развернуто 200—600 «Першинг-2» и крылатых ракет. Вашингтон все

в большей мере вел свою военно-политическую работу с союзниками вокруг подготовки данного решения. Администрация не останавливалась и перед прямым обманом, заверяя союзников в непременной ратификации договоренностей ОСВ-2.

После провала в Иране администрация лихорадочно стремилась хоть отчасти компенсировать ослабление империалистических позиций на Среднем и Ближнем Востоке, в прилегающих районах, в целом в бассейне Индийского океана. В центр американских усилий выдвигалась задача наращивания военного присутствия США. Одно из направлений сводилось к поиску возможностей для воссоздания взамен СЕНТО новой региональной группировки. Попытки успеха не имели. З. Бжезинский не скрывал раздражения: «Мы не можем создать в Персидском заливе организацию, полностью аналогичную НАТО. Это не позволяет сделать существующие там политические и экономические условия. Мы не можем создать там и какую-либо другую структуру безопасности, действуя в одиночку». В конце 1979 г. администрация активизировала усилия с целью обеспечить доступ США к военным объектам в Саудовской Аравии, Омане, Кении и Сомали. Все настойчивее Вашингтон демонстрировал силовую политику в бассейне Индийского океана. Группировка американских ВМС в этих районах была значительно усиlena.

Г. Браун и Дж. Шлесингер угрожающе подчеркивали готовность США использовать вооруженные силы для обеспечения своих «нефтяных интересов». Экстремальная военная «помощь» в 400 млн. долл. была предоставлена Северному Йемену. В Вашингтоне открыто вели речь о создании нового флота в Индийском океане. Что касается «корпуса быстрого развертывания», то принципиальное решение на этот счет от 1977 г. уже близилось к выполнению. В состав корпуса выделялось около 110 тыс. человек. Командование объединенной ударной группировкой «сил быстрого развертывания» было создано 29 ноября 1979 г.

В начале ноября 1979 г. в американо-иранских отношениях начался острый кризис — сотрудники посольства США в Тегеране были взяты в качестве заложников. Иранцы требовали прекратить американский пажим на свою страну. С этого момента и вплоть до последних часов пребывания у власти Дж. Картер неотрывно занимался отношениями с Ираном — наиболее напряженной ближайшей проблемой для администрации в последний год ее

пребывания у власти. Усиливая дипломатический нажим, в Белом доме одновременно склонялись над картами Тегерана; планировались военные операции по возвращению заложников. Предлагалось и прекращение торговли с Ираном, минирование всех портов, установление военно-морской блокады. Не исключалось и прямое военное нападение США. Угрозы со стороны Вашингтона следовали одна за другой. И не только угрозы. У побережья Ирана курсировала крупнейшая военно-морская группировка США со времен второй мировой войны. Иранские фонды в США, насчитывавшие несколько миллиардов долларов, были заморожены. В Иран перебрасывались все новые силы американской разведки.

В преддверии акта интервенции, проведенного 24 апреля 1980 г. группой американских спецвойск «Дельта», агентура США наводнила Тегеран, обзавелась грузовиками, автомашинами, радиостанциями и т. д. Но операция провалилась. Сначала отказали несколько вертолетов группы захвата, затем столкнулись вертолет и военно-транспортный самолет США, возник пожар, более десяти американцев погибли или получили ожоги. Убедившись в провале, Дж. Картер, который вникал в операцию до мельчайших деталей, отдал приказ ее прекратить и спешно уносить ноги. Бросили все вертолеты и снаряжение. Этот день он назвал «одним из худших в своей жизни»⁵⁷. Администрация, однако, продолжала экономический, политический и военный нажим на Иран. Причем Вашингтон все в большей мере использовал кризис в американо-иранских отношениях для наращивания политики силы и угроз в подходе к странам Ближнего Востока и Персидского залива. Сотрудники американского посольства в Тегеране вернулись в США уже после ухода Дж. Картера из Белого дома.

На Среднем Востоке США усиливали подрывную деятельность против Афганистана. В январе 1979 г. по инициативе американских разведслужб была проведена первая координационная встреча главарей афганской контрреволюции. Вашингтон добивался создания на пакистанской территории «правительства Афганистана в изгнании». Одновременно администрация Дж. Картера не жалела усилий для подготовки контрреволюционного переворота в самом Афганистане. На афганскую территорию перебрасывались десятки тысяч мятежников, целые вооруженные формирования⁵⁸.

В сентябре — октябре 1979 г. Вашингтон попытался

спровоцировать международный кризис вокруг Кубы. Присутствие на Кубе советских военных специалистов, помогающих в укреплении безопасности страны с 1962 г., внезапно было представлено как «беспрецедентный факт», как «невиданная угроза со стороны СССР». Мишенью смотрелись второпях — он провалился быстро. Но провокация вовсю использовалась в практических целях. Возобновились попытки Вашингтона создать «региональные силы безопасности» для карибской зоны и «межамериканские вооруженные силы» для Латинской Америки в целом. Намного возросла интенсивность антисоветской и антикубинской кампании. 1 октября 1979 г. в Вашингтоне приняли решение о наращивании военного присутствия США в Карибском бассейне, включая создание «штаба карибского оперативного соединения» США на базе ВМС в Ки-Уэст (штат Флорида).

Провокационная возня администрации вокруг Кубы значительно ухудшила перспективы ратификации ОСВ-2. Вовсю подыгрывая правым силам, Белый дом теперь в открытую торговался с ними в основном о том, сколь круто наращивать военные расходы. Это явно заслоняло главное — проблему ратификации. В августе 1979 г. в письме президенту сенаторы Г. Джексон, Дж. Тауэр, С. Нанн фактически предъявили условия консервативно-милитаристских сил в сенате — ратификация будет блокирована, если администрация не пойдет на увеличение военного бюджета США на 4—5% в год (в постоянных ценах). Бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе А. Хейг, ряд сенаторов предложили отложить рассмотрение договора до тех пор, пока Белый дом не примет новые обязательства по наращиванию военных усилий США. 19 сентября сенат 55 голосами против 42 призвал администрацию обеспечить увеличение военного бюджета в 1981—1982 гг. на 5% ежегодно (в постоянных ценах). Взгляды правых сил становились позицией большинства американского сената.

ПОВОРОТ К ПОЛИТИКЕ КОНФРОНТАЦИИ

Снежный washingtonский декабрь 1979 г. стал месяцем, когда демократы во главе с Дж. Картером окончательно свернули к политике силовой конфронтации. Существо поворота сводилось к тому, что Белый дом одним рывком и, главное, на всех направлениях доводил до завершения те негативные тенденции во внешней политике США, кото-

рые возвращались ранее. Количество переходило в качество.

Под мощным нажимом США сессия Совета НАТО в Брюсселе 12 декабря 1979 г. приняла решение о производстве и размещении в странах Западной Европы 572 новых американских ракет средней дальности. Смысл решения — обеспечить Западу полуторакратный перевес по числу посителей средней дальности и двукратный перевес по числу ядерных боезарядов. Появлялся источник последующего острейшего усиления напряженности в Европе, в международных отношениях в целом. В широком плане НАТО окончательно смещался на путь открытой борьбы за обеспечение военного превосходства как в области ядерных, так и обычных вооружений.

13 декабря Дж. Картер изложил основы пятилетней военной программы США. На следующий финансовый год запрашивалось дополнительно почти 20 млрд. долл. В первой половине 80-х годов предусматривалось ежегодное увеличение военных расходов более чем на 4,5% (в постоянных ценах). Администрация, которая в предшествующие годы готовила научно-техническую базу для рывка в гонке вооружений, не выдвигала принципиально новых предложений по существу военного строительства. Новизна сводилась к ускорению подготовленных программ. «В этих предложениях, — подтверждало бюджетное управление конгресса, — открыто не объявлено ни одной новой стратегической программы». Существующая программа вооружений, осуществляемая администрацией, «уже включает в себя серию инициатив по модернизации стратегических сил, а также значительные средства на модернизацию военного снаряжения армии»⁵⁹. В стратегической области развертывалось перевооружение всех компонентов стратегических наступательных сил США.

Логика поворота к открытой борьбе за гегемонию США подводила Вашингтон к прямому отказу от позитивных основ советско-американских отношений, созданных в 70-е годы. Для этого требовался только предлог. Администрация раздумывала недолго. 27 декабря 1979 г. в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве СССР оказал военную помощь Афганистану для противодействия нарастающей, хотя и необъявленной войне контрреволюционных и империалистических сил против афганской революции. За это и ухватились в Белом доме. Администрация ударила в антисоветскую истерику. Афганские события, и только они, твердили в Вашинг-

тоне,— вот в чем, оказывается, первопричина всех американских усилий в борьбе против разрядки. Дж. Картер именовал события в Афганистане «самой большой угрозой всеобщему миру после второй мировой войны». А если так, то и отвечать «угрозе» надо по-крупному, крушить все и вся. К чему и стремилась теперь администрация.

3 января Дж. Картер потребовал у сената «заморозить» рассмотрение договора ОСВ-2. Под видом санкций предпринимались многочисленные меры по дезорганизации механизма двусторонних отношений между СССР и США: свертывание контактов по 11 межправительственным соглашениям, введение эмбарго на поставку в СССР значительной части сельскохозяйственной продукции, другие меры по подрыву торгово-экономических отношений и т. д. В ряд важнейших приоритетов Вашингтона была поставлена цель сорвать XXII Олимпийские игры в Москве. «Я хотел бы пойти как можно дальше»,— чуть ли не с гордостью подчеркивал бывший президент в мемуарах. В целом задачи антисоветского характера отражались на всех ключевых направлениях внешней политики США и в значительной мере определили содержание политики страны к концу президентства Дж. Картера. Вашингтон снова, как десятилетия назад, пытался заговорить с СССР языком «холодной войны».

Политическое обоснование поворота вправо венчала так называемая «доктрина Картера», выдвинутая в его послании «О положении страны» 23 января 1980 г. В доктрине переплетались гегемонистские идеи двух американских доктрин времен «холодной войны» — Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра. Что касается сферы применения «доктрины Картера», то в своем глобальном аспекте она особенно близко смыкалась с доктринальным наследием Трумэна — обе доктрины содержали универсальную заявку на «защиту жизненно важных для США интересов». Аналогичной была их принципиальная подоплека: претензии на мировое господство и замысел изменить соотношение сил в мире. «Мы должны заплатить любую необходимую цену для того, чтобы оставаться самой могучей страной в мире»,— подчеркивал Дж. Картер. То же самое говорил Г. Трумэн практически в каждом крупном заявлении конца 40-х годов.

Центральное место в обосновании «доктрины Картера» занимали два взаимосвязанных тезиса: во-первых, «невозможность ведения дел с СССР так, как раньше», во-вторых, утверждение о «советском экспансионизме». Что ка-

Американские войска в ФРГ

Американцы в Южной Корее

сается первого, то Г. Трумэн в свое время формулировал этот тезис проще: «...я устал пиячиться с Советами». А пропаганда мифа о «советском экспансиионизме» для администрации Г. Трумэна была занятием постоянным. Например, знакомя руководство конгресса США с основами его доктрины, которая еще не вышла в свет, государственный секретарь Д. Бирис и его заместитель Д. Ачесон внушали: если США не окажут сопротивления «коммунистическому наступлению» в Восточном Средиземноморье, то «советское господство может распространиться на Европу, Средний Восток и Азию»⁶⁰. Общими в доктринах были и цели политики США. У Дж. Картера — «создание противовеса советской военной мощи». У Г. Трумэна — противопоставление СССР «железного кулака и сильных выражений». Общность охватывала пути решения главных задач: вмешательство, вплоть до применения военной силы, в любые события в любых районах мира, как бы далеко они ни отстояли от США.

С другой стороны, многое сближало «доктрину Картера» и «доктрину Эйзенхауэра». И оценка значимости для США и Запада Ближнего и Среднего Востока, и намерение развернуть под предлогом «спасения от международного коммунизма» (Д. Эйзенхауэр) или от «советского экспансиионизма» (Дж. Картер) борьбу против суверенитета государств и народов этих районов, и идея якобы образовавшихся здесь «вакуумов силы» и т. д. Доктрины объединяла принципиальная заявка на интервенционизм. Так, Д. Эйзенхауэр угрожал использованием «вооруженных сил Соединенных Штатов, с тем чтобы обеспечить и защитить территориальную целостность и политическую независимость этих стран, запрашивающих помочь против открытой вооруженной агрессии со стороны любого государства, контролируемого международным коммунизмом». А у Дж. Картера условия возможного вмешательства США ограничивались еще меньше. Речь шла о готовности «использовать все необходимые средства, включая военную силу, в случае попыток какой-то силы извне заполучить контроль над районом Персидского залива».

В целом «доктрина Картера» отразила новый уровень гегемонистского настроя американских правящих кругов на рубеже 70—80-х годов. Провозглашалось стремление США к расширению экспансии в глобальном масштабе, особенно в зоне развивающихся стран, наращиванию военного присутствия и активизации силовой политики в районах, прилегающих к Индийскому океану, в стра-

пах Среднего и Ближнего Востока, Африки. Ставка делалась на подчинение этих стран гегемонии США для беспрепятственной эксплуатации их природных ресурсов и использования их территорий в империалистических замыслах. «Доктрина Картера» означала отказ администрации от ее линии 1977—1979 гг. на постепенное наращивание гегемонистских тенденций, служила концептуальным обоснованием для нового этапа борьбы США за мировое господство. Или, если точнее,— обоснованием для возврата к агрессивной наступательной политике по схемам 40—60-х годов.

Но доктрины доктринами, а главное — дело. 1 марта 1980 г. на базе ВВС Макдилл (штат Флорида) заработал постоянный штаб «корпуса быстрого развертывания». Откровения командующего генерала П. Келли относительно его задач — не позволить развивающимся странам «просочиться сквозь американские пальцы». Ранее, в феврале, Пентагон представил развернутые планы расширения интервенционистских способностей США: увеличить в 2 раза возможности стратегической военно-транспортной авиации, создать флотилии плавучих арсеналов — кораблей с военной техникой, которые дислоцировались бы в районах «потенциальных кризисов», и т. д. В целом политика США в отношении развивающихся стран в 1980 г. определялась стремлением американской военной машины прорваться на Ближний Восток, в Африку, в страны, прилегающие к Индийскому океану. Тем временем непрерывные военно-политические демонстрации США шли в бассейне Карибского моря. В Азии администрация также активизировала свои гегемонистские усилия. Последовали новые требования к Токио увеличить военные расходы. В ходе визита Г. Брауна в Пекин в январе 1980 г. он вел переговоры о «параллельном» наращивании военной помощи Пакистану и Таиланду, включая создание на территории этих стран центров подрывных действий против Вьетнама и Кампучии в Юго-Восточной Азии и Афганистана на Среднем Востоке.

В ночь на новый, 1980 год администрация Дж. Картера, которая ранее прекратила продажу оружия Пакистану ввиду его усилий по созданию ядерного оружия, заявила о готовности возобновить оказание Исламабаду широкомасштабной военной и экономической «помощи». Ради превращения Пакистана в опорный пункт для агрессивных действий против Афганистана Вашингтон отодвигал на второй план задачу содействовать нераспространению

ядерного оружия. Подобный подход охватывал теперь всю структуру переговоров и контактов США по вопросам ослабления военной опасности. В январе 1980 г. Дж. Картер запретил разработку любых новых инициатив в области разоружения. Все более очевидным становился разрушительный характер американских усилий в вопросах, относящихся к укреплению безопасности и сотрудничества в Европе. Решение НАТО относительно «Першинг-2» и крылатых ракет срывало возможность начать попытки решать проблемы военной разрядки в Европе в области ракетно-ядерных систем средней дальности еще в 70-е годы. На венских переговорах в декабре 1979 г. западные участники резко ухудшили возможности достижения договоренности. Их новые предложения срывали целый ряд достигнутых договоренностей. На Мадридской встрече представителей стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе существование усилий США сводилось к попыткам срыва позитивных итогов.

Переговоры в Женеве делегаций СССР, США и Великобритании с целью выработки договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия в конце 1980 г. были прерваны западной стороной в одностороннем порядке. С июля 1980 г. американская сторона прервала переговоры о запрещении и уничтожении химического оружия. В сфере усилий, направленных на запрещение новых видов оружия массового уничтожения, сопротивление США не позволило завершить разработку проекта договора о запрещении разработки, производства, накопления и применения радиологического оружия. Американская сторона сугубо негативно реагировала на ряд инициатив СССР на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1980 г. относительно принятия неотложных мер по уменьшению военной опасности.

Между тем американские союзники все больше ощущали на себе гегемонистский нажим США. Неоспоримо подтверждалось, что поворот Вашингтона к конфронтации наносит ущерб их интересам. Обостряя международные отношения, администрация стремилась подавить возросшую политическую и экономическую самостоятельность союзников, гораздо активнее использовала американское военное превосходство в НАТО. Но союзники явно не хотели маршировать под окрики лидера. Руководители ряда западноевропейских государств отвергли требование США отказывать СССР в кредитах для финансирования импорта в Западной Европе.

Ни одна союзная с США страна полностью не последовала политике введения эмбарго и «экономических санкций» против СССР. Доклад исследовательской службы конгресса обобщал: это служит иллюстрацией расхождений между США и другими западными союзниками, которые, «поддерживая в самых общих выражениях политические аспекты санкций, не выступили в поддержку принципа экономической дискриминации, взятого за основу администрацией Картера». Суть дела — «нежелание многих европейских руководителей возвращаться к периоду «холодной войны», их опасения того, что полная поддержка политики санкций поставит под угрозу достижения конца 60—70-х годов — смягчение напряженности в Европе и рост торговли с Востоком»⁶¹.

Ни к чему не привели усилия Дж. Картера созвать чрезвычайное совещание глав крупнейших капиталистических государств специально для обсуждения «положения в Афганистане». Западная Европа не хотела присоединяться к полному бойкоту Московской Олимпиады. С большей заинтересованностью, чем Вашингтон, западноевропейские страны шли на Мадридскую встречу. Из мемуаров Дж. Картера видно, с каким напряжением Вашингтон стремился подтянуть союзников к своей новой линии. С раздражением, если не со злостью, бывший президент вспоминал, что «в течение всей весны (1980 г.—И. П.) конгресс и Белый дом пытались заставить олимпийский комитет США, а также как можно большее число этих комитетов в других странах не участвовать в Олимпийских играх в Москве... Нам приходилось добиваться этого, не жалея никаких усилий, по результаты оставались сомнительными до самого конца». Приходилось вновь и вновь выслушивать неслыханные слова, иди на стычки. 21 июня 1980 г. у президента США, по его словам, состоялась «совершенно невероятная» встреча с канцлером ФРГ. По словам Дж. Картера, «в своем длинном и остром заявлении Г. Шмидт обвинял меня... в неискренности подхода к переговорам в области контроля над ядерными вооружениями, указывал, что Германия (ФРГ.—И. П.) отнюдь не 51 штат США, утверждал, что Вэнс не выполнил обещания обеспечить поправки к резолюции ООН 242, что его... ввели в заблуждение в отношении Олимпиады» и т. д. Плохо шли дела у Дж. Картера и на встрече лидеров Запада в Венеции в июне 1980 г. «Французы и немцы, — признавал он, — беспокоили нас больше всего». А что касается выполнения решения об увеличении военного бюд-

жета ежегодно на 3% (в постоянных ценах), то союзники, возмущался Дж. Картер, то и дело «соскакивали с крючка...»⁶².

Летом 1980 г. в США приняли принципиально важные решения в военно-стратегической области, прежде всего в отношении доктрины применения ядерного оружия. В августе Дж. Картер в директиве № 59 провозгласил так называемую «новую ядерную стратегию». Это была открытая проповедь «приемлемости» ядерной войны: «регулирование» ее ведения на многовариантной основе, ставка на «упреждающий» ядерный удар по военным объектам в странах социализма, развертывание качественно новых видов стратегических и иных ядерных вооружений. Директива предана гласности в день 35-й годовщины атомного разрушения Хиросимы. Администрация била рекорды кощунства.

О том, какое наследие и рекомендации уходящая администрация оставляла победителям выборов 1980 г., рассказал сам Дж. Картер в своих мемуарах. Он привел выдержки из личных записей заседаний Совета национальной безопасности, где основные проблемы внешней политики США специально рассматривались с точки зрения обеспечения преемственности. Указывалось, в частности, на необходимость подтвердить «доктрину Картера», идти на открытую конфронтацию с СССР по проблемам, относящимся к району Персидского залива. «Мы также должны ясно дать понять своим союзникам в Европе, что им надлежит больше делать в военной области...» Еще советы новому руководству во главе с Р. Рейганом: «Необходимо иметь хорошо продуманную стратегию экономической войны против СССР... Необходимо предпринять и существенное наращивание нашего военного потенциала в Карибском бассейне... Очень важно продолжать кампанию за права человека... Наконец, мы исходим из того, что администрация Рейгана также будет играть агрессивную роль в реализации кэмп-дэвидских договоренностей...»⁶³

* * *

Профессор С. Хоффман, подводя итог президентству Дж. Картера, нашел яркий образ — «реквием». Это одно слово обобщало судьбу международных замыслов руководства США во второй половине 70-х гг.— крах его гегемонистских притязаний. А дальше, обращаясь к победившим республиканцам, профессор проницательно писал: «Вскоре те, кто столь резко критиковал демократов, начнут выда-

вать за свои достижения многое из сделанного предыдущей администрацией. Ведь именно Дж. Картер, министр обороны Браун начали ряд программ в стратегической области, увеличивая в первую очередь контрасиловые возможности США, добились согласия Западной Европы на модернизацию вооруженных сил НАТО, на размещение в Западной Европе новых ядерных средств средней дальности, именно они оказывали, причем не без успеха, нажим на Японию с целью наращивания ее военных усилий; создали силы быстрого развертывания, добились политическим путем доступа к различным базам и т. д.»⁶⁴

Администрация Дж. Картера, особенно на заключительном этапе, действительно выполняла «черновую работу» в интересах воинственного крыла империалистических кругов США — готовила и осуществляла поворот США к политике милитаризма. И тем самым облегчала как приход к власти правых сил во главе с Р. Рейганом, так и их последующую деятельность. В разделении политических ролей правящего класса США группировка Дж. Картера оказалась во многом создателем «пугового цикла» милитаристского курса страны 80-х годов. Его зловещий громадный каркас рос уже на готовом фундаменте. В этом и немалая общность, и существенные различия политики Дж. Картера и его преемников.

Но все-таки вряд ли в среде демократов могли в полной мере предположить, какие милитаристские всходы даст подготовленная ими почва, к какой опаснейшей угрозе миру приведет начатый маршрут. Размах, рискованность, бесперспективность милитаристского курса Р. Рейгана помогли лучше увидеть угрозу миру некоторым деятелям предшествующей администрации в последующие годы. С. Вэнс и Э. Маски, М. Блюментол, П. Уорнке, М. Шульман впоследствии осуждали крайности политики Рейгана, подчеркивали необходимость развития отношений с СССР. Прозрение, впрочем, начиналось уже после поражения на выборах. К числу главных «неудач» администрации государственный секретарь Э. Маски отнес усиление напряженности в отношениях с СССР. «Самой большой неудачей» назвал провал ратификации ОСВ-2 Гарольд Браун. Он же подтвердил, что администрация «сама помогла пустить договор под откос». Признания, конечно, важные, но... И главное, то был минимум негативного в оценке итогов политики США второй половины 70-х годов. Здесь было что сказать.

В широком историческом плане администрация Джимми Картера сорвала объективные возможности для фундаментальной реформы международной деятельности США, которые обозначились ранее. Вместо того чтобы двинуться дальше по пути реализма и трезво приспосабливаться к реальностям, Дж. Картер увел американскую политику в противоположном направлении. Ее давно назревшая реформа не состоялась в 70-е годы главным образом по вине администрации демократов. Белый дом тормозил и развитие реалистических тенденций в правящих кругах других стран капиталистической системы. Осуществление реалистической реформы внешней политики США уходило в неопределенное будущее — к огромному ущербу дела всеобщего мира и интересам самих США. Вашингтон обрекал себя на новые, еще более масштабные провалы за рубежом.

Внешняя политика США конца 70-х годов раскрывала всю меру трудностей, которые испытывали США в отходе от разрядки. Уже то, что отход происходил не разом, растянулся на ряд лет, выявляло огромную мощь сил, противостоящих империализму на современном этапе. Прежде всего политики СССР и социалистического содружества. Ни до, ни после поворота вправо Белый дом на путях силы не добился решения ни одной из главных проблем в отношениях с СССР, с социализмом, с развитыми капиталистическими государствами, с развивающимися странами. Сам же поворот свидетельствовал о бессилии руководства США сместье международные отношения в проимпериалистическое русло.

США вышли из «десятилетия разрядки» в острой коллизии с главными объективными задачами международных отношений. Необходимости закрепления и развития позитивных итогов 70-х годов Вашингтон противопоставлял стратегию новой «холодной войны». «Видимо, без всяких преувеличений можно сказать, — подчеркивал Г. А. Арбатов, — что, во всяком случае, за последние десять лет, самой большой угрозой всеобщему миру был как раз поворот Соединенных Штатов от разрядки к обострению международной обстановки, к политике силы»⁶⁵.

Американская политика стала главным фактором того, что в 70-е годы осталась нереализованной возможность далеко идущей, крупномасштабной перестройки международных отношений, особенно перспектива военной разрядки.

МИЛИТАРИЗМ КАК ПОЛИТИКА

В начале 1981 г. в американском сенате рассматривали кандидатуру профессора Ю. Ростоу на пост руководителя Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. Ему доверялось руководить делегациями США на переговорах, относящихся к проблеме ослабления военной опасности, разрабатывать подход администрации Р. Рейгана к вопросам разоружения. Вот один из диалогов слушаний.

Сенатор К. Пелл. Как вы думаете, профессор Ростоу, смогут ли СССР и США уцелеть, хоть как-то уцелеть, во время всеобщей ядерной войны?

Ю. Ростоу. Видите ли, это зависит от интенсивности ядерного обмена... В конце концов, Япония после ядерного нападения не только уцелела, но и процветала.

К. Пелл. Вас спрашивают о другом — может ли какая-либо из сторон уцелеть во всеобщей ядерной войне?

Ю. Ростоу. Человечество, сенатор, отличается редкой живучестью...

К. Пелл. Да я о другом... Сможет ли кто-нибудь уцелеть в ядерной войне?

Ю. Ростоу. Ну, есть всякая пугающая статистика о количестве жертв... Называются цифра 10 миллионов, с одной стороны, 100 миллионов — с другой... Но ведь это же не все население.

Леденящие кровь идеи повергли в смятение законодателей. Выручать Ростоу взялся неуемный милитарист сенатор Г. Джексон. И сказал о претенденте самое важное: «Юджин Ростоу оказал нашей стране неоценимую услугу на посту председателя исполнительного совета Комитета по существующей опасности — он призывал к затяжной конфронтации с Москвой»¹. Аттестация решила дело в пользу избранника администрации. Такие заслуги по пынешним временам поощрялись в Америке по высшему разряду. Урок слушаний по кандидатуре Ю. Ростоу по-своему учили другие руководители администрации. Ока-

завились па поверке сената, все они, за малым исключением, воздерживались от людоедских откровений. Терпения, впрочем, хватало непадолго. Желание поделиться сокровенным брало верх. Не выдержал, например, Дж. Леман, новый министр военно-морского флота, который в журнале «Стрэтиджик ревью» провозгласил «громадную разрушительную и психологическую пользу ядерного оружия». Именно такими словами.

Суть дела, конечно, не лично в Дж. Лемане и не в Ю. Ростоу, покинувшем администрацию спустя два года. И не в его преемнике К. Эделмане, который прославился отрицанием смысла переговоров в области ослабления военной опасности. Возникает вопрос более общего порядка. Кому, какой части правящего класса передала империалистическая Америка штурвал государственного управления в 1980 г.? В своем отзыве на книгу «Правящий класс Рейгана» профессор политических наук Д. Барбер хлестко заметил: «Если нам повезет, то материал книги... к 2000 г. станет основой для сочинения сатирической оперетты... В персоналии книги сведены вместе новоявленные наполеоны от коммерции, идеологические крестоносцы, интриганы традиций Макиавелли...» Отзыв останется на совести профессора, время покажет обоснованность суждения. Но он прав в одном — «если повезет»... Ведь факт, что люди с такими взглядами, как упомянутые, рвутся решать за Америку вопросы войны и мира.

Есть верный ключ к пониманию политического облика победителей президентских выборов 1980 г. Это мысль Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова о том, что «на Западе активизировались наиболее воинственные группировки, чья классовая ненависть к социализму берет верх над чувством реальности, а подчас и просто над здравым смыслом»².

ПОБЕДИТЕЛИ ВЫБОРОВ 1980 ГОДА: ЛЮДИ, ВЗГЛЯДЫ, ЦЕЛИ

В 1980 г. республиканскую партию США привела к власти ее правая группировка во главе с Р. Рейганом, объединенная глубоким убеждением, что для Америки якобы нет иной внешнеполитической альтернативы, кроме агрессивной борьбы за гегемонию. Это был авангард тех политических кругов, которые развернули борьбу против

позитивных международных тенденций еще в середине 70-х годов. Группировку Р. Рейгана сплотили сражения против разрядки напряженности, улучшения советско-американских отношений, ОСВ-2 и прогресса в области разоружения, последовательная борьба за поворот Вашингтона к политике конфронтации. У нее за плечами была неудачная, но весьма энергичная попытка пробиться к власти в 1976 г. И вот теперь — успех спустя четыре года³. Люди, оказавшиеся на ключевых постах в Вашингтоне, возглавляли консервативно-милитаристские силы США. То были не просто делегаты военно-промышленного комплекса, а его политическая плоть, его политическое ядро.

Утрата Америкой былого военного превосходства, твердили они, является чуть ли не единственной и во всяком случае главной причиной сокращения мировых возможностей США. Но есть панацея от всех проблем. Это возврат военного превосходства, массированное наращивание вооружений и всемерное использование этого для глобального политического нажима, активизация интервенционистской практики США. Требуется, иначе говоря, ввести в дело весь арсенал американского гегемонизма времен «холодной войны». «В 70-е годы имел место существенный отход от того, что иногда называют «имперским» подходом... — возмущался один из идеологов правых сил — П. Конкуэст. Обязательно надо исправить «аномалию», внушал он, вернуть политику США «на круги своя»⁴. То же самое звучало теперь в американских «коридорах власти». «Единственная страна, чьи усилия были ограничены разрядкой, — это Соединенные Штаты. А теперь мы должны перевооружаться»⁵, — уверял, например, министр обороны К. Уайнбергер. Этот тезис, впрочем, склоняли все руководители администрации.

Чтобы обосновать переход к такому курсу, консервативно-милитаристские силы изошлись в попытках создать впечатление о «кризисе американской безопасности», безостановочно твердили о «советской военной угрозе». Драматизировалась каждая трудность, каждый провал во внешней политике Вашингтона. Едва ли не любые попытки решать те или иные международные проблемы США методом переговоров и компромиссов безоговорочно приравнивались к «поражениям». Идейно-политическим центром реакционных сил стал Комитет по существующей опасности. Созданный в ноябре 1976 г., он объединил ряд

политических деятелей (П. Нитце, Ю. Ростоу, У. Банди, Ч. Уолкер, Д. Паккард, Д. Фаулер и др.), представителей военной верхушки (Т. Мурер, Э. Зумвольт, Д. Грэхэм, Л. Лемнитцер и др.), финансовых и промышленных группировок («Ситибанк», «Хьюлет-Паккард», «Пруденшиал Иншуренс»), научно-политических организаций (Атлантического совета США, Корпорации Рэнд, «Национальной ассоциации планирования»), издательского объединения «Тайм» и т. д. От других организаций сторонников милитаризма Комитет по существующей опасности отличало важное обстоятельство. Здесь, как нигде, сошлись на единой политической платформе основные течения американских консервативно-милитаристских сил. Здесь формировался альянс из двух главных группировок — ветеранов «холодной войны», в целом наиболее агрессивных деятелей из политической элиты Восточного побережья США и политического авангарда военно-промышленного комплекса Запада и Юга, выдвигавшего вперед Р. Рейгана еще с конца 60-х годов. Кроме того, комитет объединял руководителей и ведущих деятелей основных организаций консервативно-милитаристского толка. Раньше, чем многие другие группировки правых, комитет выдвинул четкую альтернативу политике приспособления к мировым реальностям — на путях наращивания силы⁶.

Теперь комитет шагнул к вершине власти. Отнюдь не преувеличение. Список его членов, оказавшихся на высших постах, открывал лично президент. Далее шли государственный секретарь (с июня 1982 г.) Дж. Шульц, директор ЦРУ У. Кейси, упоминавшийся Ю. Ростоу, помощник президента по национальной безопасности (до начала 1982 г.) Р. Аллен, советник президента М. Андерсон, ведущий «советолог» Совета национальной безопасности Р. Пайпс, заместитель государственного секретаря Дж. Бакли, заместитель министра обороны Ф. Икле, министр военно-морского флота Дж. Леман, представитель США в ООН Дж. Киркпатрик, глава делегации США на советско-американских переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе П. Нитце, глава делегации США на Мадридской встрече государств — участников общеевропейского совещания М. Кампельман. В консультативном совете при Белом доме по делам разведки заседали У. Кэмпбелл, Дж. Коннэлли, Дж. Фостер, К. Люс, П. О'Доннелл, П. Сиберри, Э. Уильямс. На различных высоких постах оказались К. Эделман, А. Хэбер, Дж. Кэмп, Э. Ноубл, М. Новак, Р. Стилуэл, Р. Страус-Хюпе, Ч. Ти-

ролер, У. Ван-Клив, Ч. Уолкер и др. Всего в высшем эшелоне власти оказалось 32 ведущих деятеля Комитета по существующей опасности.

Несбыточная мечта о гегемонии, столь далекая от реальностей 80-х годов, непреодолимое желание вернуться к политике прошлого, сделать то, что не удалось сделать в годы «холодной войны», — с этим устремлялись к рычагам власти представители разнородных политических кругов. Ключевые позиции в администрации заняла так называемая «калифорнийская группировка», наиболее близкая к военному бизнесу Запада страны⁷. Ее представляли помимо Р. Рейгана К. Уайнбергер, советник президента Э. Миз, первый заместитель государственного секретаря и впоследствии помощник президента по национальной безопасности У. Кларк, тот же У. Кейси.

Проверенных деятелей послали в Вашингтон творцы американской политики 40—60-х годов. Чего стоил, к примеру, послужной список П. Нитце: разработка фундаментального плана СНБ-68 от 1950 г., в котором ставилась задача более чем трехкратного роста военного бюджета; репутация яростного сторонника создания термоядерного оружия, причастность к вовлечению США во вьетнамскую авантюру; руководство министерством ВМС, пост заместителя министра обороны в 60-е годы и т. д. А Ф. Карлуччи, ставший первым заместителем министра обороны США? Тот сам признавал, что за годы внешнеполитической службы его обвиняли в причастности к подготовке убийства П. Лумумбы, контрреволюционного переворота против правительства С. Альенде в Чили, переворотов против прогрессивных правительств в Запицабаре, в Бразилии. Карлуччи все это отрицал, но исследователи констатировали: «Имя Карлуччи всплывает в связи с самыми скользкими операциями ЦРУ». Генералу Э. Рауни и скрывать было нечего — сотрудничество с одним из лидеров американской реакции в 50-е годы генералом Дж. Макартуром, активное участие в корейской войне, личный вклад в планирование военных операций США во Вьетнаме, подрывная работа против ОСВ-2. Теперь Э. Рауни представлял администрацию на переговорах с СССР об ограничении и сокращении стратегических вооружений.

В ряды правящих республиканцев встали деятели времен Р. Никсона — Дж. Форда, которые и в те годы выступали главным образом за жесткий, силовой подход к мировым делам. Помимо вице-президента Дж. Буша здесь

были министр ВМС Дж. Леман, министр сухопутных сил Дж. Марш, заместитель госсекретаря Л. Иглбергер и др. Выделялся, однако, А. Хейг, государственный секретарь администрации до июля 1982 г. Люди, работавшие бок о бок с Хейгом в аппарате Совета национальной безопасности в начале 70-х годов, напоминали в печати, что тогда он выступал за неограниченные воздушные налеты на ДРВ, блокаду вьетнамских портов. И еще — за применение ядерного оружия против Вьетнама. В 1981 г. А. Хейг прямо заявил: «Это была величайшая ошибка в истории Америки — не сама война во Вьетнаме, конечно, а то, как ее вели»⁸. Хейг не кривил душой, сказав в открытую то, что говорил раньше в узком кругу.

В администрации обосновались и те, кто последовательно вел борьбу против улучшения советско-американских отношений в 70-е годы с трибуны конгресса. Особен-но выделялся ближайший сотрудник одного из лидеров антисоветских сил сената Г. Джексона, нынешний заместитель министра обороны Р. Перл. Ему поручалось обеспечивать интересы Пентагона на переговорах, относящихся к разоружению. Подход к этому делу со стороны Г. Джексона и Р. Перла характеризовали так: «...они считают, что контроль над вооружениями должен быть абсолютно односторонним. Хорошо все, что ограничивает другую сторону, плохо все, что мешает действиям США». Заместителем государственного секретаря стал бывший сенатор Дж. Бакли, который еще в 1972 г. доказывал «возможность и желательность нанесения выборочных ядерных ударов по Советскому Союзу»⁹.

Внешнеполитическая программа республиканцев в 1980 г. была трактатом на тему милитаризма, как и у их соперников-демократов. Но республиканцы шли дальше. Выдвигались, например, требования о разработке системы широкой противоракетной обороны в нарушение ОСВ-2, о создании нового стратегического бомбардировщика. Договор ОСВ-2 отвергался. О переговорах с СССР говорилось глухо. Их не исключали, но мыслили всецело с позиции силы и только после накопления «достаточной» силы. Под сомнение вообще ставился метод политических решений внешних задач США. Программа всецело ориентировалась на достижение американского военного превосходства. Республиканцы твердили о «недостаточности» военной программы администрации Дж. Картера, выдвинутой в конце 1979 г., именовали «слабым и нерешительным» ее поворот к политике конфронтации. «Сейчас

Дж. Картер выступает с доктриной, которая предусматривает расширение обязательств Америки при отсутствии силы, способной их подкрепить», — подчеркивал Р. Рейган в августе 1980 г. И это о колоссальной военной машине США, о выдвинутой Дж. Картером программе ее наращивания объемом в 1,2 трлн. долл.! Платформа Р. Рейгана обобщала подход к внешним делам США, который отстаивали консервативно-милитаристские силы страны во второй половине 70-х годов.

На ближних подступах к власти деятели будущей администрации отчетливо формулировали свои взгляды. «...Мы считаем себя вправе останавливать международное беззаконие (выступления против империализма.— *И. П.*), и если это означает вторжение на Кубу, в Ливию или в любую страну, то мы это сделаем», — грозил Ю. Ростоу. Будущий министр ВВС В. Орр тоже выдвигал интервенционизм на передний план. Он-де «не исключает повторения новых Кореи и Вьетнамов». Делился соображениями Э. Рауни, ранее представлявший Пентагон на переговорах по ОСВ: «Участие в течение шести с половиной лет в процессе ОСВ привело меня к заключению, что мы слишком увлекаемся контролем над вооружениями, вместо того чтобы создавать эти вооружения». Дж. Киркпатрик уверяла, что развивающиеся страны «просто не доросли до демократии» и что вообще, мол, незачем заниматься их проблемами: «Бедствия традиционного образа жизни хорошо известны, они вполне переносимы для простых людей, которые умеют приспосабливаться к этим бедствиям...»

В сборнике Гуверовского института войны и мира «Соединенные Штаты в 1980-е годы» кredo будущей администрации раскрывали десятки ближайших консультантов Р. Рейгана. Международные разделы сборника открывал Ф. Иkle. Центральной задачей США на 80-е годы называлось многократное увеличение военных усилий. Автор не доумевал и возмущался — союзники США по НАТО опасаются ядерной угрозы. «...Разрушения Хиросимы и Нагасаки до сих пор живы в памяти Запада». Ни в коем случае нельзя допускать, твердил Иkle, чтобы «парламенты, пресса... оказывали воздействие на государственных лидеров (Запада.— *И. П.*), побуждая их избегать риска всеобщей ядерной войны». Сплошь и рядом подчеркивалось, что «без стратегического превосходства США теряют огромное преимущество». Выдвигалась задача подготовки условий для массового производства вооружений в чрезвычайных

обстоятельствах, массированного обновления запасов стратегических сырьевых материалов и т. д. Непонятным было одно: почему в названии своего труда автор упомянул «контроль над вооружениями». Ничего относящегося к разоружению там не было и в помине, само слово «разоружение» отсутствовало. На каждой странице бушевал милитарист.

Руководитель программы внешнеполитических исследований Гуверовского института Р. Стар в своем разделе рассуждал об отношениях с СССР: шла сплошная вереница рекомендаций о том, как осуществлять вмешательство во внутренние дела СССР. Другие идеи Стара сводились к использованию КНР в империалистических целях США.

Автору нашли достойное применение, послали его бороться против военной разрядки в Европе во главе делегации США на переговорах в Вене о взаимном сокращении войск и вооружений в Центральной Европе.

В другом разделе сборника сразу начинали с главного: «...против СССР необходимо вести политico-экономическую войну». Подход к развивающимся странам обозрел Р. Бауэр. «США могли бы содействовать решению проблемы голода... Но пусть «третий мир» сначала ограничит рост населения и научится управлять своими странами». Р. Клайн, один из ведущих консультантов нового президента, увлекся риторикой: «Можно ли морально оправдать незаконную деятельность ЦРУ, в особенности тайное политическое вмешательство в дела иностранных государств?» Еще бы! Конечно, можно, заверял Клайн. Во введении к сборнику всерьез писали, что СССР осуществляет «великий замысел захвата мира», «готовится начать ядерную войну» и т. д.¹⁰

Эта проповедь гегемонизма, узкого антисоветизма и политической слепоты объединялась одним — решительным отказом от приспособления к международным реальностям и настроем на фронтальную борьбу против всего, что мешает США добиваться превосходства. Сквозила откровенная тяга свести к минимуму учет интересов других стран, включая американских союзников, не говоря уж об интересах СССР и социалистического содружества. А в конечном счете вообще свести на нет метод политического компромисса в решении внешнеполитических задач Вашингтона. По всему чувствовалось, что в администрации Рейгана не видят или не хотят видеть никаких иных решений международных проблем, кроме американских. В системе взглядов руководства США оставалось мало ме-

ста для равноправных результативных переговоров. Если оставалось вообще. Не оставалось и места для искренних усилий по ослаблению военной опасности. Как бы то ни было, однако, установки консервативно-милитаристских сил переходили теперь в практику внешней, равно как и внутренней политики США.

В эту практику вошли и худшие образцы антисоветизма. В ходе избирательной кампании 1980 г. получил, например, известность доклад «Новая межамериканская политика на 80-е годы», подготовленный для республиканцев во главе с Р. Рейганом правоконсервативной организацией «Комитет Санта-Фе». О сути рекомендаций доклада говорили его основные идеи. «Нормой в международных делах следует считать войну, а не мир... Лишь сдерживать СССР недостаточно... Разрядка напряженности мертвa... Соединенные Штаты должны овладеть инициативой, иначе — гибель... Либо мир на советских условиях, либо установление американской власти над планетой. Такова альтернатива. Пора принимать решения, медлить нельзя». Было трудно представить, что подобный разнужданный гегемонизм определит основу политики Соединенных Штатов. Но вскоре речи президента Р. Рейгана пестрели идеями доклада «Комитета Санта-Фе». В своем зловещем афоризме А. Хейг подвел черту под философией нового руководства: «Есть вещи поважнее, чем мир».

Вообще политика нового руководства США оказалась весьма последовательной. Известный американский международник, один из лидеров «советологии» профессор С. Бялер вместе со своим коллегой Ю. Афферика с основанием констатировал: «В течение последних двух лет администрация Рейгана пыталась перевести на язык политического курса основополагающие идеи, с которыми члены администрации пришли на свои посты. В беспрецедентной степени эти основополагающие идеи остались неизменными, несмотря на действие сил, которые неизбежно толкают любого президента, встречающегося с реальностями внутренней и внешней политики, к прагматическому центризму. Несмотря на различные корректировки и изменения, как внутреннюю, так и внешнюю политику администрации Рейгана по-прежнему отличают качества идеологического крестового похода»¹¹.

Администрация еще не приступила к делам, президента не привели к присяге, но уже были наготове те, кто самым активным образом продвигал к власти победителей выборов 1980 г. Военно-промышленный комплекс США

ожидал немедленных политических решений о форсированном перевооружении американского империализма. Его научная, технологическая и промышленная база располагала всеми возможностями для быстрого и резкого увеличения производства вооружений. Выпуск боевых самолетов тактической авиации, новейших тяжелых танков или ракетных кораблей? Все это можно было немедленно увеличить в полтора раза. Производство средств массового уничтожения? И здесь все было наготове — производственные мощности ядерной промышленности США расширялись также в полтора раза. Стратегические крылатые ракеты? Налаживание их серийного производства подходило к концу, оставалось запустить конвейер. Новых заказов Пентагона ожидали 25 тыс. его основных подрядчиков и более 50 тыс. субподрядчиков. Воинствующая реакция США дождалась своего часа.

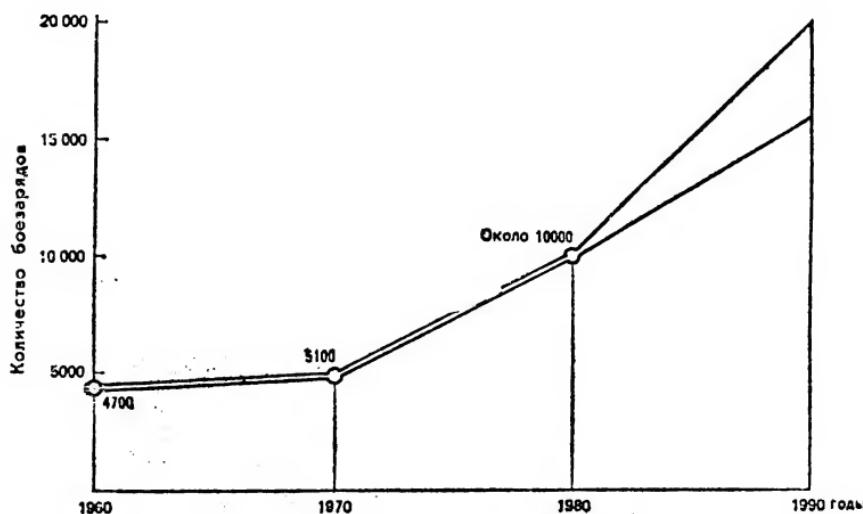
ФУНДАМЕНТ ПОЛИТИКИ: ВОЕННАЯ СИЛА

Главное, что заботило администрацию Р. Рейгана после прихода к власти, — это закрепить и быстрее продвинуть дальние военные программы, оставленные предшественниками. Дополнительно к выкладкам Дж. Картера Белый дом требовал у конгресса около 20 млрд. долл. на 1982 финансовый год, свыше 30 млрд. долл. на 1983 г., свыше 36 млрд. долл. на 1984 г., свыше 42 млрд. долл. на 1985 г., около 50 млрд. на 1986 финансовый год¹². Эти десятки и сотни миллиардов долларов несли новую лавину смертоносных вооружений. Укрепляя фундамент политики силы, республиканцы оплачивали и политические счета тех, кто привел их к вершине власти.

Особенно важными были военно-экономические решения в первые два года президентства Р. Рейгана. Выполнение военных бюджетов этих лет позволило республиканцам пройти немалую часть намеченного пути по наращиванию военного потенциала США. Создавался бы и необходимый «задел». Бюджеты предусматривали рост военных ассигнований США более чем на 46%, а расходов — почти на 40% по сравнению с выкладками администрации Дж. Картера¹³. Буквально взлетали расходы на целевые программы стратегических вооружений. Пятикратно увеличивалось финансирование программы подводных атомных ракетоносцев «Трайдент». Более чем в 2 раза возрастали расходы на программы межконтинентальных

баллистических ракет «МХ», бомбардировщик Б-1, противоракетной обороны, создание ракеты средней дальности «Першинг-2»¹⁴.

Ядро усилий США в стратегической области составила «всеобъемлющая программа» наращивания стратегических наступательных вооружений, объявленная в октябре 1981 г. «Это является нашей задачей № 1», — заявил У. Кларк 21 мая 1981 г., излагая основы военно-полити-

Ядерный потенциал стратегических наступательных сил США

ческой линии Белого дома. В течение 1982—1987 гг. на стратегические вооружения отводилось свыше 220 млрд. долл. Замысел состоял в том, чтобы форсировать текущий этап военного строительства США и заложить основы для его следующего этапа. Выполнение принятых решений формировало бы тот стратегический потенциал, который определял бы военные возможности США до конца текущего и в начале XXI в. Что конкретно имелось в виду?

Доводилось до конца начатое при Дж. Картере переоснащение основной ударной силы американских стратегических средств наземного базирования — межконтинентальных баллистических ракет «Минитмэн-3» на боеголовки с повышенной точностью наведения. С 1981 г. ВМС США получали на вооружение атомные ракетные подводные лодки класса «Огайо». Всего в текущем десятилетии Пентагон рассчитывал получить 13 новых лодок и около

1 тыс. ракет «Трайдент-1». В состав стратегической авиации США возвращались бомбардировщики B-52, переоборудованные под стратегические крылатые ракеты воздушного базирования. В первой половине 80-х годов намечалось вооружить такими ракетами до половины всех стратегических бомбардировщиков США. Это примерно на 50% превосходило наметки предыдущей администрации. Далее, принималось решение принять на вооружение с 1986 г. межконтинентальную баллистическую ракету «MX», находившуюся в завершающей стадии разработки. В ноябре 1982 г. Р. Рейган объявил о решении администрации развернуть 100 «MX». Речь шла о дополнении стратегического потенциала США 1 тыс. высокоточных боеголовок индивидуального наведения, каждая из которых в 30 раз превышала мощность американской атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Закреплялась программа создания и развертывания баллистических ракет подводных лодок «Трайдент-2» взамен «Трайдент-1». В 80-е годы предполагалось принять на вооружение около 3,8 тыс. стратегических крылатых ракет воздушного базирования. Военно-морские силы США оснащались крылатыми ракетами морского базирования «Томагавк». Цель администрации — развернуть примерно 4 тыс. таких ракет в текущем десятилетии. Планировалось широкое производство крылатых ракет наземного базирования, прежде всего для размещения в Западной Европе. Начиналось и качественное переоснащение стратегической авиации США. Возрождались — уже на новом техническом уровне — планы создания стратегического бомбардировщика B-1, отложенные Дж. Картером. Предусматривалась разработка и принятие на вооружение новых стратегических бомбардировщиков «Стелт».

В директивах Белого дома определялась программа милитаризации космоса. Ставилась задача обеспечить условия для достижения американского господства в космосе с помощью средств, предназначенных для нанесения ударов по наземным, морским, воздушным и космическим целям. Ускорялась разработка космических видов вооружений, в частности ядерных, для уничтожения спутников потенциального противника и межконтинентальных баллистических ракет после запуска. Резко возрастало внимание к военным возможностям космических кораблей многоразового использования по программе «Шаттл». Намечалось вести дело к созданию военных баз на околоземной орбите, оснащенных ракетами и лазерным противоспут-

никовым оружием, к установке противоспутниковых мин и систем противоракетной обороны космического базирования. Околоземное космическое пространство превращалось в объект оперативного планирования вооруженных сил США и поэтому выделялось в отдельный «театр военных действий». 1 сентября 1981 г. в штате Колорадо приступило к работе командование, специально нацеленное на подготовку войны в космосе.

В марте 1983 г. Р. Рейган объявил о начале разработки широкомасштабной и высокоэффективной противоракетной обороны. На первый взгляд казалось, что президент говорит о мероприятиях оборонительного характера. Но только на первый взгляд. В действительности речь шла о намерении США разорвать органическую связь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, поставить под вопрос взаимную сдержанность СССР и США в области противоракетной обороны, установленную в процессе ОСВ в 70-е годы. В итоге — открыть шлюзы для безудержной гонки всех видов вооружений — и наступательных, и оборонительных.

Ядерный потенциал американских сил общего назначения в Европе, прежде всего ядерных средств средней дальности, планировалось наращивать в рамках декабрьского (1979 г.) решения НАТО о размещении в Западной Европе 572 «Першинг-2» и крылатых ракет наземного базирования. Подготовка к размещению ракет была начата в 1981 г. в Англии, в 1982 г. — в Италии и ФРГ. В августе 1981 г. Р. Рейган распорядился начать полномасштабное производство нейтронного оружия. В следующем году Белый дом принял решение почти в 2 раза увеличить арсенал нейтронного оружия. Не скрывая районы его предназначения, К. Уайнбергер подчеркивал, что оно может быть доставлено в Европу в считанные часы.

В марте 1983 г. президент заявил об усилиях США по созданию качественно новых систем обычного вооружения, близких по поражающей силе к средствам массового уничтожения. Вашингтон снова — в который уже раз! — открывал еще одно направление в гонке вооружений. Речь шла о серьезных изменениях в способах вооруженной борьбы, о решении неядерными средствами таких задач, которые ранее в доктрине США и НАТО отводились ядерным боезарядам, главным образом «поля боя». Обоснованием для этого служила концепция «Эйрлэнд бэтл» (воздушно-наземное сражение), выдвинутая главнокомандующим силами НАТО в Европе Б. Роджерсом. Концепция

исходила прежде всего из идеи превентивного нападения. В военно-техническом плане она опиралась на создание так называемых «разведывательно-ударных комплексов», соединяющих новое авиационное и ракетное оружие с усовершенствованными средствами обнаружения и наведения для ударов по всей глубине противостоящих войск. Цель

*«Силы быстрого развертывания»
(рекрутты морской пехоты США)*

та же — обеспечение превосходства НАТО над Варшавским Договором.

А ведь и без того поток новой боевой техники безостановочно шел в американские войска общего назначения. Обычные вооружения наращивались практически по всем направлениям. Ускорялись все программы, которые были начаты или запланированы администрацией Дж. Картера. В течение десятилетия, например, намечалось поставить в войска свыше 7 тыс. новых танков «Абрамс», более чем на 40% увеличить американский танковый парк. Планировалось в 2 раза увеличить число противотанковых средств, в 4 раза — количество вооруженных ими вертолетов огневой поддержки. Полным ходом продолжалось скла-

дирование американских вооружений в Западной Европе. К концу 1982 г. его хватало уже на шесть американских дивизий, намечаемых к переброске в Западную Европу в «чрезвычайных обстоятельствах».

Администрация Р. Рейгана намного превзошла предшественников в наращивании интервенционистского потенциала. В состав «сил быстрого развертывания» входило почти в 2 раза больше войск, чем предусматривалось при Дж. Картере,— свыше 200 тыс. в регулярных частях и 100 тыс. резервистов, а также сотни и сотни боевых самолетов, даже стратегические бомбардировщики. СБР располагали несколькими авианосными ударными группами. В Индийском океане концентрировались суда-склады с тяжелым вооружением для американской морской пехоты. Но это еще не было пределом. Директивные указания Пентагона по строительству вооруженных сил США на 1984—1988 финансовые годы нацеливали на увеличение числа дивизий «сил быстрого развертывания» почти в 2 раза. Иначе говоря, к концу 80-х годов Вашингтон направлял на решение интервенционистских задач едва ли не треть войск общего назначения. В принципе той же задаче — постоянной демонстрации или «проекции» военной мощи — подчинялось наращивание усилий США в военно-морской области. Здесь выдвигалась «программа 600 кораблей»: довести до этого уровня общую численность судов регулярных ВМС США в течение десятилетия.

Говоря обобщенно, в начале 80-х годов руководство США отказалось от наращивания военной мощи американского империализма по отдельным направлениям, как это преобладало в минувшем десятилетии. Теперь получал всеобъемлющее воплощение тот поворот к универсальному усилению всех звеньев военной машины, который обозначился в последний год президентства Дж. Картера. Продолжая дела предшественника, администрация Рейгана двинулась по пути коренной реорганизации американских вооруженных сил. Трансформировались приоритеты военного строительства, сложившиеся в 70-е годы. Менялись и пропорции целевых расходов в общем объеме военных бюджетов США. Наиболее динамичной тенденцией становилась закупка новых систем вооружений: расходы по закупкам в совокупных военных расходах увеличивались примерно в 1,5 раза по сравнению со среднегодовой «портом» 70-х годов. Далее, в Вашингтоне уже не выбирали, что двигать в первую очередь — программы стратегических или обычных вооружений. Форсировались оба направле-

ния с опережающим финансированием стратегических сил. К 1985 г. расходы по данным категориям увеличивались соответственно более чем в 2,5 и в 2 раза. Кроме того, продолжалось широкое финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. На это отводилось до 10% общих военных расходов в год. Именно такие темпы в годы президентства Дж. Картера обеспечили военной машине США «задел» новых систем оружия,пущенный сейчас на конвейер. В целом республиканцы стремились наращивать военный потенциал примерно в 1,5 раза быстрее предшественников.

Усилиями республиканцев во главе с Р. Рейганом военно-промышленный комплекс США получил то, к чему он так рвался в «десятилетии разрядки»,— массированное перевооружение США. Ради того, чтобы добиться военного превосходства над социализмом, американская политика перестраивалась на основе милитаризма. Ради тех же задач Вашингтон предельно обострял напряженность в мире. Значение военных программ для политики Р. Рейгана, представления администрации о политическом использовании силы раскрывала международная практика администрации и ее «стратегия прямого противоборства».

«СТРАТЕГИЯ ПРЯМОГО ПРОТИВОБОРСТВА»

На первый взгляд казалось странным, что администрация Р. Рейгана не спешит объявлять свою военно-политическую стратегию. По признанию самого президента, к документам долгосрочного характера, равнозначным, например, «меморандуму PRM-10» времен Дж. Картера, в Вашингтоне приступили спустя год с лишним после прихода республиканцев к власти. Дело было не в том, что Белый дом «забыл» про стратегию в милитаристском запале. Там тянули вполне сознательно, отказываясь прямо сказать, почему и для чего требуется гигантское наращивание военной мощи.

Объявлять, в сущности, было нечего. Все, что уже делалось администрацией, недвусмысленно выявляло ее стратегию. Какие еще объяснения, кроме курса на военное превосходство, могла иметь пятилетняя военная программа объемом в 1,7—2,2 трлн. долл.? А что касается конкретных идей, то руководство США почти слово в слово повторяло все то, что давно твердили консервативно-милитаристские силы. Именно их установки возводились те-

перь в ранг государственной политики. И суть не менялась от того, что эти установки пока не были связаны концептуально.

Внешнеполитическая доктрина администрации была нехитрой. Всеобъемлющая, тотальная борьба за ломку сложившегося примерного военного равновесия во всех его основных элементах, нечто вроде «силового вала» на всех политических направлениях, всемерное и повсеместное использование военного строительства в политических целях. Сознательное обострение международной обстановки как в глобальном плане, так и во всех основных регионах, прежде всего по периметру СССР: в Европе, на Ближнем Востоке, в Северо-Западной, Северной и Юго-Восточной Азии, а также в бассейне Индийского океана, в Центральной Америке и т. д. Нежелание делать что-либо реальное для ослабления военной угрозы, продолжить переговоры в области разоружения и попытки ставить под вопрос необходимость политического диалога с СССР, как это поначалу пытались делать в Вашингтоне. Что здесь было неясного с точки зрения «стратегии»? Какие еще «концепции» можно было добавить ко всем этим делам?

В американской международной деятельности отводилось все меньше места для политического маневра, в целом для дипломатии. Политика милитаризировалась. Цель дипломатии сводилась к диктату, всевозможным ультиматумам, к закреплению того, что должна была решить сила. Это вело к росту влияния военной верхушки, небывалой активности министерства обороны в формировании внешнего курса страны. За первые 15 месяцев правления республиканцев К. Уайнбергер объездил почти 30 стран и везде угрожал силой, требовал парализации вооружений. Это были основные темы политики США. К. Уайнбергер первым из официальных лиц заговорил о развертывании в Западной Европе пейтронного оружия, о пересмотре Соединенными Штатами договоров, запрещающих ведение химической и бактериологической войны, о совершенствовании такого оружия, о планах возрождения противоракетной обороны вопреки советско-американским договоренностям. В странах Западной Европы он требовал искоренить разрядку. На Ближнем Востоке деятельно торговал оружием, продал Саудовской Аравии авиационной техники на 8,5 млрд. долл. Он же курсировал по странам Азии (Япония, Южная Корея, Филиппины и т. д.). На Филиппинах министр заявил, что «Калифорнию намного лучше и эффективнее защищать из Новой Гвинеи, чем из

Орегона». На Гаваях он пострелял лазерными пулями. И так далее. Его коллега глава госдепартамента А. Хейг стрелять не стрелял, но твердил то же самое — необходима ставка на силу.

Такой и была внешняя политика. Уходили в прошлое былые различия в американской деятельности в регионах, существенная дифференциация подхода к союзникам в Европе и Азии, активное маневрирование в отношении развивающихся стран, широкий диапазон попыток «воздействия» на СССР и социалистические страны Восточной Европы и т. д. Курс США обрел очерк стрелы, нацеленной на всех, кто мешает американской гегемонии в мире. Он сводился главным образом к односторонним действиям США без учета интереса других государств, к целеустремленным попыткам лишить политической воли СССР, развивающиеся страны, а также своих союзников под «устрашающим» воздействием американских военных программ. Политические и военные задачи сливались в единое целое, как это было во времена «холодной войны». Если не в большей мере.

Политические наблюдатели, ученые, американские журналисты, причем самых разных политических взглядов, без труда разбирались в стратегии администрации еще до того, как она была объявлена официально. Для этого требовалось принять буквально все антисоветские и антикоммунистические формулы Белого дома. Между заявлениями такого рода и долгосрочной политической линией США стоял отчетливый знак равенства. Главное в деятельности республиканцев, написал еще летом 1981 г., например, Т. Шульц, — это «антисоветская позиция, обеспечивающая базис для всей внешней политики Рейгана». А профессора Ч. Кегли и Ю. Уитколф весной 1982 г. обобщили преобладающие в США взгляды на тот же предмет: «Законченный антикоммунизм, пронизывающий подход к множеству не связанных между собой проблем... Практически любое явление в международной жизни в Белом доме Р. Рейгана воспринимается через призму антисоветской идеологии».

К началу 1982 г. военная машина набирала ход, политика силы господствовала в делах Вашингтона, дипломатия шумела о «миролюбии» администрации. Тянуть со стратегией дальше было незачем. В феврале 1982 г. президент распорядился начать обзор политики «национальной безопасности», с тем чтобы окончательно раскрыть, что именно имеет для Вашингтона большую ценность, чем мир. 21 мая

1982 г. У. Кларк, огласив результаты обзора, объявил «стратегию прямого противоборства».

Навязчиво и долго помощник президента уверял в том, что администрация, мол, только и занималась раздумьями над стратегией. В доказательство — цифры: президент рассмотрел все девять разделов обзора политики в области «национальной безопасности», вопросы 12 раз обсуждались Комитетом начальников штабов. Вообще, заверял Кларк, республиканцы заботятся о стратегии куда больше, чем кто-либо и когда-либо. Шутка ли — 57 заседаний Совета национальной безопасности за неполные полтора года. Все до единого вел президент. А по существу речь о стратегии была гимном политике силы.

Излагались семь выводов, к которым администрация «пришла» через полтора года правления. Все они так или иначе сводились к фактору силы. Непосредственно об этом трактовал вывод третий: «Успешная стратегия должна иметь дипломатические, политические, экономические и информационные компоненты, которые строятся на основе военной мощи». Чтобы не осталось сомнений, У. Кларк отчеканил: «Фундаментом политики является американская стратегическая программа».

Первый вывод провозглашал, что «целью стратегии США должно быть сохранение институтов свободы и демократии». Об этом, правда, в США твердили два с лишним столетия, со дня основания государства, так что идея не блистала новизной. Далее — «наша стратегия за истекший год была цельной и взаимосвязанной». И здесь глубина мысли не требовала творческого напряжения. Четвертый вывод сводился к тому, что стратегия США должна, мол, «смотреть вперед и быть активной». Доктринальная находка? Может быть, в пятом выводе внешнеполитическая мысль возносилась вверх? Судите сами: «Мы все, наши друзья и союзники должны держаться вместе». Большое откровение. Шестой вывод трактовал о значимости экономического компонента в стратегии. Чтобы сказать что-нибудь «в-седьмых», перефразировалось то, что было «в-третьих», а именно: «Поддержание мира требует мощи и гибкой основы». Политическая стратегия администрации в том виде, как ее изложили впервые, отличалась редким убожеством. Сказать было нечего. В стратегии не было политики как таковой — ее вытеснила сила. Все это предметно показывало, как обедняют и уродуют политическое мышление США прямолинейный антисоветизм и антикоммунизм.

И до, и после объявления стратегии западные специалисты-международники почти в один голос отметили отсутствие у республиканцев цельной политики, отвечающей задачам международной жизни начала 80-х годов. «Идеология, нуждающаяся в политической программе», — констатировал в этой связи известный французский идеолог Р. Арон. Главный редактор журнала «Форин полиси» Ч. Мэйпс нашел «отсутствие последовательности и направленности». Главный редактор журнала «Орбис» А. Сабровски также выявил «отсутствие цельной общей стратегии, не говоря уж о согласованном плане действий». Упоминавшиеся С. Бялер и Дж. Афферика написали: «После почти двух лет на посту президента Р. Рейган руководствуется в своем курсе в отношении СССР не столько всеобъемлющей и последовательной программой, сколько общей идеологической направленностью...» Или, как указали они же, антикоммунизмом.

Парадокс, но оценки были столь же верны, сколь и ошибочны. Ключ в том, как понимать стратегию и какую ее сторону брать. Если рассматривать политику с точки зрения классического определения — как «искусство возможного», а в стратегии видеть общую систему взаимодействия государства с окружающей его реальной международной средой, программу достижения основных целей за рубежом, то в арсенале идей современного руководства США не было ничего, кроме голой ставки на силу. Ни сколько-нибудь здравой оценки основных процессов международной жизни, ни каких-либо поисков пусть частичного, но перспективного решения неотложных мировых проблем, ни понимания неизбежной общности интересов всех стран и народов в вопросах войны и мира, ни понимания особой ответственности СССР и США в деле сохранения мира — ничего этого не было и в помине. В этом смысле правильно отмечалось и отсутствие «политической программы», и отсутствие «последовательности», «направленности» и т. д.

Но убожество в подходе к реальностям международной жизни никак не лишало политическую стратегию администрации определенности и последовательности. Это была вполне насыщенная, четкая программа достижения внешних задач США. Только задачи США сводились к одной единственной — обеспечение превосходства или «преобладания», во всяком случае «позиции силы», а способы решения этих задач ограничивались, в сущности, военно-политическим нажимом, будь то в рамках или вне рамок

политических контактов и переговоров с тем или иным государством или группой государств. Поэтому ключ к стратегии администрации следовало искать не столько в политических, сколько в военных документах США. Там и содержалось главное — подробное разъяснение роли военной силы и понимание ее использования в политических целях. Впрочем, об этом говорилось и у Кларка, который после баталистостей перешел к делу всерьез.

В выступлении помощника президента решительно подчеркивался глобализм интересов США, всемирный характер сферы применения американской мощи. Акцентировалась идея глобальной конфронтации с Советским Союзом, именуемым «главным противником» и «главной угрозой» интересам США. У. Кларк подтвердил, в частности, что одной из целей своей политики администрация Р. Рейгана считает экономическое изматывание СССР в гонке вооружений. Оглашался и курс на интервенцию: «Не исключаются никакие варианты действий в регионах», «надо быть готовым к использованию войск США для помощи союзникам». Мелькали географические названия в перечне районов, где все это «не исключается», — практически весь земной шар. У. Кларк сформулировал суть: «Наша стратегия должна состоять в том, чтобы использовать вооруженные силы для достижения конкретных политических целей и делать это быстро, на условиях, благоприятных для Соединенных Штатов»¹⁵. В программном документе не было сенсаций. Но по откровенности признаний он стал очень незаурядным.

Вскоре в Вашингтоне организовали «утечку информации» для «Нью-Йорк таймс» о документе Пентагона «Директивы в области обороны на 1984—1988 финансовые годы». В статье Р. Хэллорана относительно этого документа сообщалось многое из того, что не договорил помощник президента. «Директивы» (125 страниц) дополняли политическую часть стратегии и в подробностях раскрывали роль ее военного компонента. То было уже не просто обобщение политики задним числом, как это фактически сделал У. Кларк, а основополагающий документ военно-политической стратегии республиканцев. Он-то не уступал по значимости пресловутому «PRM-10». Документ подтверждал, что в Вашингтоне концептуально закрепляется поворот, произшедший в американской политике на рубеже 70—80-х годов. В конечном счете все определялось отказом Вашингтона от установки, которая в той или иной мере — в реальности или хотя бы формально — преоблада-

ла там в прошлом десятилетии: стратегическое превосходство США утрачено, оно не может быть материализовано в осязаемых политических выгодах. «Может!» — уверяла администрация Рейгана. Америка должна стать державой № 1 по всем военным показателям, с тем чтобы добиться победы в случае войны, а в мирное время «преобладать» над всеми, добиваться решения с позиции превосходства любой проблемы, интересующей США.

Военное превосходство понималось как достижение способностей нанести удар по Советскому Союзу там и тогда, где и когда Вашингтон сочтет это целесообразным, в расчете на то, что ответный удар по США станет меньшим по мощи, чем в иных условиях¹⁶. К. Уайнбергер подтверждал, что «все мероприятия Пентагона направлены на достижение превосходства над СССР в ядерной войне и ее завершение на выгодных для США условиях... Ядерные возможности США должны превосходить аналогичные показатели СССР на всех этапах ведения войны»¹⁷. В свою очередь помощник президента Э. Миз заявил, что ядерная программа США имеет целью «восстановление американского стратегического превосходства над СССР в течение 10 лет»¹⁸. Но самым откровенным, пожалуй, признанием в долгосрочных задачах военной доктрины США стало заявление военного теоретика американских милитаристов, ныне консультанта госдепартамента К. Грея. В июне 1983 г. его процитировал журнал «Прогрессив». «Соединенным Штатам следует разработать план разгрома Советского Союза, причем такой ценой, чтобы это не исключило возможности восстановления самих США. Вашингтону следует указать такие цели в войне, которые в конечном счете предусматривали бы уничтожение советского политического руководства и создание такого послевоенного порядка в мире, который совместим с ценностями Запада... Использование потенциала уничтожения наступательных вооружений противника в сочетании со средствами гражданской обороны, систем ПРО и ПВО должно позволить Соединенным Штатам ограничить свои потери числом приблизительно в 20 млн. человек; соответственно стратегические угрозы со стороны США становились бы еще более реальными и серьезными».

Доктрина администрации в военно-стратегической области представляла собой наиболее полное воплощение тех агрессивных концепций, которые в середине 70-х годов выдвигались военным руководством США в качестве главного ориентира для развития стратегических вооружений.

Республиканцы целиком включили в нее все агрессивные элементы в отношении применения ядерного оружия, сдержавшиеся в директиве № 59 правительства Дж. Картера. Но шли при этом дальше. Ставка делалась на подготовку к стратегической ядерной войне и многовариантное, как это предусматривалось директивой № 59, использование в такой войне стратегических ядерных сил — от так называемых ограниченных ядерных ударов до массированного их применения по широкому комплексу объектов на территории СССР. Потенциал для ведения всеобщей ядерной войны дополнялся потенциалом для ведения «ограниченной ядерной войны» в таких масштабах, которые значительно превосходили предшествующие усилия США в этой области. Доктрину пронизывала идея подготовки к нанесению первого, упреждающего удара с целью победы в ядерной войне.

Военное «устрашение», прежде всего наращивание угрозы первого ядерного удара, рассматривалось в Вашингтоне в качестве главной формы военно-политического давления на СССР и его союзников, важнейшей предпосылки для политики с позиции силы. Задаче усиления мощи американского оружия массового поражения в расчете на «устрашение» СССР подчинялись и намеченное полуторакратное увеличение к концу 80-х годов количества ядерных зарядов США, поднимаемых в одном пуске (вылете), и безусловный приоритет развертыванию высокоточных систем ядерного оружия, и усиление агрессивности системы нацеливания этого оружия.

В американской военной доктрине четко обозначилась линия на дальнейшее наращивание стратегической угрозы Советскому Союзу с различных географических направлений, особенно ядерными средствами среднего радиуса. В этом была цель запланированного развертывания в Западной Европе «Першинг-2» и крылатых ракет, планов размещения новых ядерных средств средней дальности в Японии и в целом на Дальнем Востоке, значительной активизации усилий по формированию стратегической угрозы СССР из зоны Индийского океана. Все это предполагалось осуществлять вне территории США, с тем чтобы отвести от Америки силу карающего возмездия. Со всей очевидностью выявлялось: в создании и развертывании новых ядерных средств для нанесения первого «обезоруживающего» удара по СССР и другим социалистическим странам в Вашингтоне видят главный военно-политический смысл нового витка гонки вооружений.

Но и это было не все. «США должны постоянно угрожать Советскому Союзу применением химического и бактериологического оружия, рассматривая химическую войну как составную часть любого конфликта», — заявила в апреле 1982 г. один из руководителей Пентагона Э. Хоубер. Химического оружия в США было в избытке — американский арсенал позволял 4-кратно уничтожить всю цивилизацию на Земле. Мало! — решили в Белом доме. С 1982 г. началась коренная модернизация военно-химического потенциала США. По сравнению с последним годом президентства Дж. Картера расходы на химическое оружие в 1983 финансовом году возрастили почти в 3 раза. Ставилась задача увеличить количество химических боеприпасов на 2 млн. единиц, с тем чтобы довести их общее число до 5 млн. Особое внимание уделялось наращиванию производства бинарных химических боеприпасов и новых высокотоксичных отравляющих веществ.

Что касается доктрины использования сил общего назначения США, то в Вашингтоне во многом отказывались от ряда установок прошлого десятилетия, нацеливавших американское военное строительство в этой области на готовность к ведению «большой» войны в Европе и «локальной» войны в каком-либо другом районе мира (концепция «1,5 войн»). Более того, отказывались и от возврата к идеи «2,5 войн», которая в 60-е годы предусматривала наивысший уровень готовности сил общего назначения США за весь послевоенный период. Теперь в значительной мере снимались прежние ограничения на «географическую эскалацию» возможных военных действий. «Войска США могут потребоваться одновременно на различных географических театрах»¹⁹, — цитировала «Директивы» Пентагона «Нью-Йорк таймс». «Обычные войны, — пояснял К. Уайнбергер, — могут принять любые масштабы. Если мы ценим нашу свободу, то мы должны быть в состоянии защищать себя в войнах любого размаха и характера и в любом регионе, где мы имеем жизненно важные интересы... Мы, как и наши союзники, должны считаться с возможностью обмена ударами в таких далеко отстоящих друг от друга районах, как Персидский залив, Центральная Европа, Африка, Восточная Азия и Центральная Америка»²⁰.

В военной доктрине США выделялся и такой элемент, как продолжительность ядерных и иных войн. О затяжных «обычных» войнах впервые речь зашла в докладе К. Уайнбергера конгрессу о военном бюджете на 1983 год. Вскоре идея «затяжной» войны была перенесена на ядер-

ную сферу. Впервые в истории военной доктрины США официально вводилась установка на «длительную ядерную войну», под которой понималось все, что будет происходить после одноразового обмена ядерными ударами. Для США ставилась задача иметь способность к ведению такой войны в течение «нескольких недель и даже месяцев» с целью победы.

В широком плане те корректизы, которые вносились в военную доктрину США, касались понимания характера потенциальных военных конфликтов, их продолжительности, возможного исхода, географии, способов американского реагирования как в части применения ядерного оружия, так и в использовании сил общего назначения. Навязчиво звучало одно — представления о потенциальном использовании военной силы США почти не ограничивались ни географией, ни временем, ни типом, ни объемом допускаемых конфликтов. На второй план, в сущности, отводился принцип распределения военных ресурсов как таковой. Это существенно отличало «стратегию прямого противоборства» от военно-политических доктрин 60—70-х годов. Само понятие «стратегии» как суммы регулирующих норм мало соответствовало нынешнему подходу Вашингтона к военно-политическим проблемам. Тотальное применение военной силы и угрозы ее применения на основе всеобъемлющего наращивания вооружений — это и было основополагающей идеей «стратегии». Других идей не было.

В июне 1982 г. американский президент выступил с призывом к «крестовому походу» против социализма. Антисоветские и антисоциалистические установки проявились в линии Вашингтона так явно, как это далеко не всегда было даже во времена «холодной войны». Администрация ставила задачу ликвидации исторического завоевания советского народа — примерного военного равновесия между СССР и США, социализмом и капитализмом в целом. Речь шла о том, чтобы поколебать и трансформировать единственно разумную основу отношений между социалистической и капиталистической системами — мирное сосуществование, заменив ее империалистическим диктатом, прежде всего со стороны США. В качестве государственной задачи США выдвигалось и воздействие на внутреннее развитие СССР средствами торгово-экономического нажима и политико-идеологического давления. Эти установки фиксировались, в частности, в секретной директиве Совета национальной безопасности № 75, получившей из-

вестность в марте 1983 г., в программе «Демократия», развивавшей призыв Р. Рейгана к «крестовому походу» против СССР.

В совокупности действия США, подчеркивалось в «Директивах», должны направляться на создание предпосылок для «уничтожения социализма как общественно-политической системы»²¹.

Вашингтон старался отмежеваться от всего, что хоть в какой-то мере отражало его ограниченные попытки приспособления к некоторым мировым реальностям в 70-е годы. Фактически снималось, например, такое направление международной деятельности США во времена Дж. Форда — Дж. Картера, как «диалог» с развивающимися странами по экономическим проблемам. «Диалог» заменял откровенный диктат. Решающее значение в подходе США к развивающимся странам приобретал военно-политический нажим, все более активные попытки втянуть их в военную орбиту Вашингтона. Весьма отчетливо это проявилось, в частности, в создании нового так называемого Центрального командования вооруженных сил США (СЕНТКОМ). Районы, на которые распространялось действие СЕНТКОМ, находятся на стыке трех континентов к югу и юго-востоку от границ СССР. Они включают около 20 государств Азии и Африки. Создание командования стало новшеством в системе глобального развертывания и использования американских войск: речь шла о материально-техническом и оперативном обеспечении задач сугубо интервенционистского характера.

Стратегия Вашингтона нацеливалась на то, чтобы практически во всех регионах усиливать очаги военной опасности, создавать конфликтные ситуации. Выдвигалась задача подавления, даже физической ликвидации наиболее активных национально-освободительных движений. Основной расчет делался на использование военной машины реакционных сил империалистического мира: Израиля — против Палестинского движения сопротивления на Ближнем Востоке, ЮАР — против СВАПО на Юге Африки. Особое значение придавалось тому, чтобы ослабить прогрессивные силы в развивающихся странах, дестабилизировать, затормозить революционный процесс в Анголе, Афганистане, Камбодже, Никарагуа, Сальвадоре и т. д.

Этот подход, в частности, предметно раскрывался в основополагающем документе о политике США в Центральной Америке, принятом Группой планирования по вопро-

*Итоги «стратегического согласия» США и Израиля
(Бейрут, лето 1982 г.)*

сам безопасности в составе президента и руководителей военной, внешнеполитической и разведывательной деятельности. Весной 1983 г. документ («Политика США в Центральной Америке и в отношении Кубы на 1984 финансовый год») неожиданно оказался на страницах «Нью-Йорк таймс». В разделе «Стратегия» предусматривалось: «Улучшение военных возможностей демократических государств (авторитарных и диктаторских режимов Центральной Америки.— И. П.), прямое содействие деятельности в области

региональной обороны... усиление давления на Никарагуа и Кубу, стимулирование регионального сотрудничества... для создания основы коллективной безопасности, твердый подход к переговорам и компромиссам на американских условиях». В целом в документе предусматривался самый широкий набор военных, полувоенных и иных средств силового воздействия на прогрессивные тенденции в данном районе. «Набор международного взломщика», — констатировали в печати.

Очень крупные задачи ставились США по линии «Запад — Запад». Вашингтон стремился изменить, во всяком случае, скорректировать в пользу США общее соотношение сил в рамках трех центров мирового империализма, как оно складывалось в последние годы. Цель — подорвать возросшую экономическую и политическую самостоятельность стран Западной Европы и Японии, увеличить их зависимость от американских решений. Заместитель государственного секретаря Л. Иглбергер безапелляционно подчеркивал: «...некоторые говорят, что вопросы безопасности Западной Европы должны решаться самими западноевропейцами. Это неверно. Мир в Европе могут обеспечить только Соединенные Штаты». Администрация делала ставку на самый мощный инструмент американского воздействия на межимпериалистические отношения — военную гегемонию США в капиталистическом мире. Принципиально важным считалось подключение стран Западной Европы и Японии к усилиям Вашингтона по подрыву разрядки и обострению международной напряженности. Расчет был на то, что в условиях милитаризма и конфронтации быстрее сработает рефлекс классовой солидарности — запуганные союзники пойдут за лидером, забыв о национальных интересах.

В более широком плане на линии отношений «Запад — Запад» у республиканцев проглядывали идеи, развернутые в конце 70-х годов одним из теоретиков силовой политики Р. Клайном. Он доказывал необходимость глобальной консолидации под эгидой США политической, отчасти военной и особенно экономической деятельности развитых стран капиталистического мира независимо от их географического местоположения. «Наиболее обещающим курсом США в 80-е годы, — подчеркивал Р. Клайн, — является усиление упора на коллективную или взаимную безопасность примерно двадцати американских союзников, которые разделяли бы с нами экономическое, военное и политическое бремя»²². На передний план выдвину-

галась «активизация глобальной системы союзнических отношений США». Предлагалось вести дело к формированию добровольной ассоциации «Всесоюзного союза», ядром которого был бы НАТО. Формально так вопрос в Вашингтоне не ставился, но идеи Р. Клайна указывали тенденцию мышления Белого дома. Это подтвердила многосторонняя встреча на высшем уровне руководства США и их союзников по НАТО и Японии в июне 1983 г. в г. Вильямсберге. Здесь четко выявилось стремление Вашингтона сплотить под своей эгидой все антисоциалистические силы, расширить круг участников Североатлантического блока, укрепить контакты НАТО с Японией. Администрация Р. Рейгана вела дело к оформлению новой военной коалиции, направленной против СССР.

«Наша главная цель... — обобщал А. Хейг еще весной 1981 г., — заключается в создании в мире такой обстановки, в которой необходимые и желательные исторические перемены происходят в рамках общепризнанных правил западной цивилизации (империализма.— И. П.) и международного права, западных (империалистических.— И. П.) норм поведения на международной арене...» То была формула гегемонизма по всем политическим азимутам, радикального изменения соотношения сил в мире в пользу Соединенных Штатов.

ЗАВЕСА ЛЖИ: ОБОСНОВАНИЕ МИЛITАРИСТСКОГО КУРСА

Одной из наиболее крупных проблем для администрации Р. Рейгана на протяжении всего срока ее пребывания у власти была необходимость политического обоснования милитаристского курса. Как, в самом деле, объяснить невиданное паразитование вооружений, последовательные усилия по обострению международной обстановки? Почему США должны действовать в мировых делах именно так? Ради чего политика Вашингтона должна вызывать осуждение во всем мире как небывало опасный источник военной угрозы?

Проблема, если подходить к ней объективно, была не преодолимой. Кроме империалистической борьбы за гегемонию, администрация не имела никаких причин для агрессивной политики. Национальной безопасности США, как и раньше, никто не угрожал. Кроме, разумеется, са-

мого Вашингтона, нагнетавшего военную опасность. Вопросы о смысле — скорее, бессмысленности — борьбы за военное превосходство чем дальше, тем больше одолевали американцев. Тем временем во многих странах во всех районах мира, в том числе в союзных с США государствах, нарастал мощный протест против ядерной угрозы, создаваемой действиями Вашингтона. Поэтому руководство США всячески старалось скрыть клеймо «поджигатели войны», с которым оно прочно связало Америку, уйти от национальной и международной ответственности.

Громадную проблему администрация «решала» цинично и просто — методом большой, систематической лжи. В практику внешней политики США в полной мере вернулись приемы «холодной войны». Завершая милитаристскую реформу политики, начатую предшественниками, республиканцы окончательно реформировали и политическое обоснование международной деятельности страны. Ушли в прошлое времена Дж. Картера, когда тягу к гегемонии пытались скрыть главным образом пеленой уверений о «конструктивности» и «миролюбии», готовности к «решительному» ослаблению военной угрозы и т. д. Это было сейчас бессмысленно. Разумеется, пропаганда американского «миролюбия» отнюдь не сбрасывалась со счетов и даже набирала силу. Но суть определялась другим. Едва ли не вся система действий США за рубежом практически целиком объяснялась мифом о «советской военной угрозе». Республиканцы начали с того, чем закончила администрация Дж. Картера, подняли на невиданный уровень ложь о соотношении военных сил в мире.

Иного подхода, собственно, было трудно ожидать. Государственные деятели, возглавляющие администрацию, сделали больше для раздувания этого мифа, чем кто-либо в политической жизни США во второй половине 70-х гг. Основные направления «аргументации» были у них разработаны и давно проверены. «Если взять за исходную посылку то, что русские проводят агрессивную политику, тогда... вам придется признать неизбежность и необходимость перевооружения и создания мобильных сил, и поддержания военного присутствия в глобальном масштабе, и восстановления солидарности с союзниками, и укрепления отношений с Китаем, и предоставления президенту свободы рук... освобождение его от различных ограничений со стороны конгресса и т. д.»²³. Этую откровенность однажды позволил себе Ю. Ростоу.

Администрация Р. Рейгана пошла куда дальше демократов, пытавшихся обосновать поворот к политике конфронтации в основном ссылками на «угрозу», которую-де «создавал» СССР в связи с положением в Афганистане. Консервативно-милитаристские силы, продвигавшие к власти нынешнее руководство страны, ставили проблему гораздо шире. Для них дело заключалось ни много ни мало в «общем кризисе безопасности США». И теперь администрация ставила тот же тезис в центр обоснования своей военной и внешнеполитической деятельности. Понятие «кризиса» еще более расширялось — вплоть до «всемобщего кризиса безопасности капиталистического мира». Вашингтон сделал все, чтобы навязать подобные тезисы союзникам. С весны 1981 г. они закрепились в общих оценках международной обстановки странами НАТО на сессии Совета блока в Брюсселе, в июле 1982 г. — в документах встречи на высшем уровне руководителей стран — членов НАТО в Бонне. Еще раньше, в ходе поездки премьер-министра Японии в США весной 1981 г. к американским вымыслам о «советской военной угрозе» вынудили присоединиться Токио. Выкручивая руки союзникам, Вашингтон заставлял их принять политическое кредо консервативно-милитаристских сил США в качестве коллективной позиции империалистического мира.

При Дж. Картере, особенно в начале его президентства, в Вашингтоне усматривали широкий диапазон негативных факторов, или «угроз», для национальной безопасности США. Выделялись экономические, политические, энергетические, региональные и прочие «угрозы». Теперь все упростилось. Советская «угроза» не ограничивалась отдельными регионами, не сводилась к «нарушению» военного равновесия в каком-либо из его элементов, в частности к соотношению сил в Европе, как это утверждали демократы. Речь шла о всеобъемлющей «советской угрозе», существующей якобы повсеместно, во всех регионах и в глобальном масштабе, на всех без исключения уровнях мирового военного баланса. К «советской угрозе» сводили чуть ли не все тенденции в мире, мешающие Вашингтону бороться за гегемонию. Это был основной критерий лжи, которая безудержно хлынула из Вашингтона. А. Хейг договорился до того, что, мол, «угроза советского военного вмешательства влияет на все попытки достичь международного взаимопонимания. Это... привело к полнейшей трансформации глобального соотношения сил».

Полный абсурд. И государственный секретарь наверняка это знал. «В стратегическом отношении СССР и США находятся в точке относительного равновесия и эквивалентности», — заявил он же 23 февраля 1981 г. А незадолго до того министр обороны уходящей администрации Г. Браун подтвердил: «Соединенные Штаты и Советский Союз сохраняют примерно эквивалентным их общий стратегический баланс». В апреле 1979 г. Г. Браун подчеркивал: «Несмотря на военные достижения русских, сейчас СССР не имеет военного превосходства в ядерной сфере... Я не считаю, что США будут уступать в стратегическом отношении в 1985 г.»²⁴. В руководстве США не могли не знать о фактах, которые огласил, например, бывший руководитель Агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке в апреле 1982 г. В течение 70-х годов, подчеркивал Уорнке, ежедневно — ежедневно! — ядерный потенциал США пополнялся тремя новыми ядерными боеголовками. Все три составные части стратегической триады были модернизированы. Количество боеголовок баллистических ракет подводных лодок в течение десятилетия возросло в 10 раз.

Здесь новых истин не открывалось — в руководстве США лучше кого бы то ни было знали о резких качественных изменениях в стратегических силах США в предыдущие десятилетия. В частности, о том, что США перешли на разделяющиеся головные части на своих баллистических ракетах. В итоге суммарная мощность ракет лишь на одной стратегической подводной лодке была доведена до эквивалента почти 500 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму. Число ядерных зарядов на стратегических вооружениях США возросло в 2,5 раза, достигнув 10 с лишним тысяч. А число американских ядерных боеприпасов в Европе возросло в 3 раза, превысив 7 тыс. единиц²⁵. «Соединенные Штаты, как правило, шли в авангарде технологических достижений, — констатировал в мемуарах бывший президент Дж. Картер. — Мы начали дело с атомными взрывными веществами, с ракетами большой дальности, с ракетами подводных лодок, с кассетными боеголовками, с технологией миниатюризации, позволяющей увеличить разрушительную мощь при меньших габаритах вооружений...»

Но волна лжи продолжала нарастать. Разводили руками знающие люди. «Ни один президент, будучи информированным относительно существующих ядерных арсеналов сторон, не может прийти к заключению о превос-

ходстве русских — такого превосходства просто не существует. И я знаю об этом не меньше, чем президент», — возмущался сенатор П. Мойнихэн, член комиссии сената по делам разведки. Недоумевал З. Бжезинский: «Сейчас существует, откровенно говоря, примерное равновесие». Дж. Шлессингер, основоположник многих агрессивных тенденций в нынешней военно-стратегической доктрине Вашингтона, и тот подтверждал наличие «примерного равенства» между стратегическими потенциалами СССР и США. О том же говорили деятели, руководившие американской политикой в конце 70-х годов, в том числе С. Вэнс, У. Мондейл, ряд бывших сотрудников Совета национальной безопасности, госдепартамента и т. д. О том же напоминали многие государственные и политические деятели Западной Европы. «Советского превосходства нет. Нет сейчас и не ожидается в перспективе», — категорично заявили ведущие авторитеты в области внешней и военной политики США Р. Макнамара, М. Банди, Дж. Кениан, Дж. Смит.

В Вашингтоне, однако, твердили одно и то же: США — проигрывают СССР едва ли не по всем параметрам мирового военного баланса — и в стратегических ядерных вооружениях, и в ядерных средствах средней дальности НАТО и СССР в Европе, и в силах общего назначения стран Варшавского Договора и НАТО в Европе. Методов этих фабрикаций было немного. Во-первых, замалчивались действительные данные о военном потенциале США и НАТО. Во-вторых, начисто исключался единственно рациональный комплексный метод рассмотрения военных балансов: игнорировались крупные различия в структурах стратегических и обычных вооружений СССР и США, Варшавского Договора и НАТО, исторически сложившиеся пропорции этих вооружений в совокупных военных потенциалах, в геостратегическом положении сторон и т. д. Сопоставлялось только то, что было выгодно для США и НАТО. Третий метод — прямая фальсификация. Все это подкреплялось стремлением Вашингтона выдать за «угрозу» любые мероприятия СССР по укреплению своей обороноспособности²⁶.

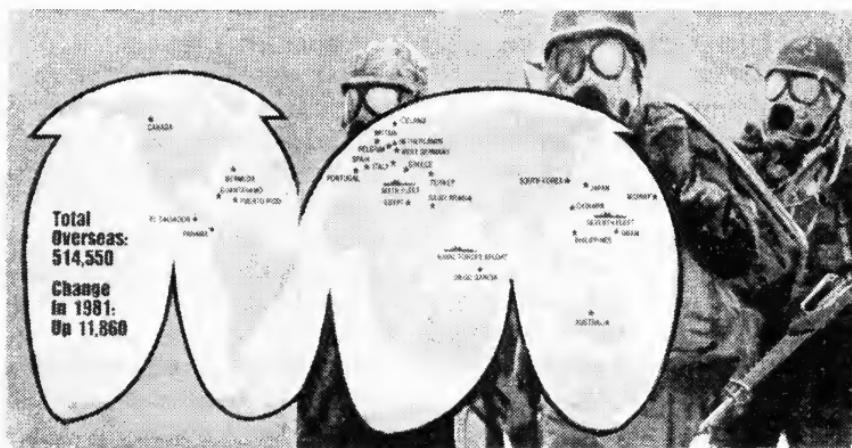
В практическом плане допускались грубейшие искажения в оценках соотношения стратегических ядерных средств СССР и США. Для того чтобы создать мнимый «советский перевес», Вашингтон фактически отказывался от официальных цифровых данных по американским вооружениям, объявленным при подписании договора

ОСВ-2. Число баллистических ракет подводных лодок и тяжелых бомбардировщиков США запижалось в сумме почти на 400 единиц. Более чем в 2 раза завышалось число советских бомбардировщиков. В балансе для США сбрасывалось со счетов почти 1,5 тыс. боеприпасов ядерных сил. Неизвестно извращался и военный баланс в Европе. Из состава ядерных средств средней дальности НАТО исключалось практически все, что могло поражать территорию СССР. Исчезали, будто их не было и в помине, свыше 700 американских самолетов, способных достигать территории СССР с мощными ядерными боезарядами. Уходили в небытие предоставленные в распоряжение НАТО подводные лодки США, несущие сотни ядерных зарядов каждая. Вычеркивались, наконец, ядерные средства средней дальности Англии и Франции, т. е. более четверти всех самолетов и ракет — носителей ядерного оружия средней дальности стран НАТО в Европе.

Фальсифицировалось соотношение вооруженных сил общего назначения Варшавского Договора и НАТО. Предавался забвению фундаментальный вывод, который оставила наследникам администрация Дж. Картера: «В Центральной Европе существует примерное равенство в численности сил общего назначения НАТО (включая Францию) и сил Варшавского Договора»²⁷. Подчеркивалось, например, что у СССР больше дивизий, чем у США. Но ни слова не говорилось о том, что вооруженные силы стран Варшавского Договора — в ответе за территорию, которая в 11 раз превосходит аналогичный показатель для вооруженных сил НАТО. К тому же главное в том, что число боеготовых дивизий у НАТО больше. Нигде не признавалось, что страны НАТО в целом превосходят страны Варшавского Договора по численности личного состава вооруженных сил. Между тем даже признанный в НАТО авторитет — Лондонский институт стратегических исследований констатировал: на действительной военной службе в странах НАТО находится 4,9 млн. человек, а у стран Варшавского Договора — 4,7 млн.²⁸ Много шумели о «превосходстве Востока» в вооружениях, особенно о «танковой угрозе» со стороны СССР. Для западной стороны, однако, учитывались только те танки, которые находились в подчинении объединенного командования блока. А 13 тыс. танков в национальных войсках и на складах стран НАТО как бы растворялись в воздухе.

В кривом зеркале лжи отражалась жуткая картина. У СССР и его союзников — вереницы пугающих цифр,

горы смертоносных вооружений, взлетающие стрелы диаграмм, таблицы о ходе военного строительства. А на Западе чуть ли не пусто. Над безоружной Западной Европой нависала черная туча «советской военной угрозы». Что и требовалось доказать. В официальном Вашингтоне никоим образом не стремились к истине. Ставка делалась на повтор лжи и особенно на ее масштабы.

Ядерные «гости». (За пределами США находится свыше 43% американской армии)

Администрация закрывала глаза на 1,5 тыс. военных баз и объектов США за пределами американской территории. На военно-стратегической карте мира превращались в белые пятна Западная Европа и ряд других районов, где дислоцировались 500 с лишним тыс. военнослужащих США. А Советскому Союзу приписывались планы первого ядерного удара в расчете на «победу» в ядерной войне, подготовка к ведению химической войны, планы «установить контроль над нефтедобывающими странами Персидского залива», превратить Карибское море в «красное озеро» и т. д. Стало правилом утверждать, что СССР якобы лишь в том случае «проявит интерес» к разоружению, если будет поставлен перед угрожающим военным строительством США и Запада. Столь откровенное искажение Вашингтоном истинного положения дел получило твердый отпор и должную квалификацию со стороны СССР. В частности, в связи с выступлением Р. Рейгана по воп-

росам военной политики США 23 марта 1983 г. было заявлено: «...в стремлении обосновать эти гегемонистские притязания допускаются настолько беспардонные извращения политики Советского Союза, применяются настолько нечистоплотные приемы, что, откровению говоря, напрашивается вопрос — какие же у президента представления о стандартах ведения дел с другими государствами?»²⁹

Вашингтон постоянно хватали за руку. Преднамеренное искажение мирового баланса сил со стороны США эффективно разоблачалось высшими руководителями СССР и советским военным руководством. Разбивались о факты многие другие старания фальсификаторов. В марте 1981 г., например, в госдепартаменте устроили сенсационный брифинг для печати — доказывали наличие «советско-кубинской угрозы» Сальвадору. Речь шла о «караванах судов с оружием повстанцам», «экспорте революции» и т. д. Все это, конечно, опиралось на «точные данные ЦРУ». В конгрессе встревожились — а ведают ли вообще в руководстве США об истинном положении дел в Центральной Америке? Комиссия палаты представителей по делам разведки во главе с Ч. Роузом занялась расследованием. Опасения конгрессменов подтвердились. Никто не экспортировал революцию, «караванов судов» не было, «данные» ЦРУ оказались очередной липой. В Вашингтоне, однако, не успокоились. В начале 1982 г. лично А. Хейг вывел на пресс-конференцию в госдепартаменте молодого латиноамериканского студента, который, мол, был послан из Никарагуа в Сальвадор для содействия повстанцам. Это он сам все признал, твердил Хейг. А студент, оказавшись перед телекамерами, заявил вдруг такое, что организаторы не знали, куда деться: его пытали, «признания» вынудили силой, грозили смертью. Он полностью отказывается от своих предыдущих «показаний».

Крупный провал ожидал попытки Вашингтона приписать СССР «ведение химической войны». В начале 1982 г. госдепартамент передал конгрессу доклад «Химическая война в Юго-Восточной Азии», а затем направил соответствующий документ в ООН. Фальшивка не выдерживала критики. Регион посетила группа экспертов ООН, которая нашла: «Некоторые сочетания признаков и симптомов, которые были представлены, на практике вообще не существуют»³⁰. Вашингтон явно заметал следы, пытался выдать последствия американской войны в Юго-Восточной Азии за признаки применения отравляющих веществ другими

государствами. Тем временем в американской публикации «Коверт Экшн» сообщили, как именно добывались «сведения» о химической войне в Юго-Восточной Азии. В Лаос специально направили агентурную группу ЦРУ — подбросить сфабрикованные «доказательства». Диверсантов поймали. Тогда в ноябре 1981 г. в Лаос была направлена вторая диверсионная группа с приказом разыскать и физически ликвидировать провалившихся агентов. Группа задачу не выполнила, ее члены тайком вернулись в США. В мае 1982 г. в конгрессе заключили: у администрации нет никаких достоверных данных относительно «применения химического оружия советского производства в Камбодже, Лаосе и Афганистане».

Манипуляции с цифрами, искажения фактов, детективная сторона дела — все это не безобидно само по себе, но главное не в этом. Как в своих общих посылках, так и в оперативной практике политика США в беспрецедентной мере опиралась на ложь. Изобретение «советской угрозы», усилия по фальсификации мирового и европейского военных балансов определяли суть усилий Вашингтона по ключевым внешнеполитическим направлениям. Цифровые фальсификации закладывались в основу позиции США на переговорах, относящихся к разоружению. Применительно, например, к советско-американским переговорам по ядерным вооружениям средней дальности США утверждали, что у них вообще нет таковых в Европе — средства передового базирования якобы не должны идти в счет. Следовательно, уверяли американские представители, надо добиваться только сокращения советских средств. Равным образом искаженные оценки соотношения военных сил в глобальном масштабе и в Европе становились точкой отсчета для военно-политических усилий США по линии «Запад — Запад». Эти оценки определяли усилия США и их союзников по парализации вооружений в ядерной области и в войсках общего назначения. Вокруг мифа о «советской военной угрозе» велась основная работа Вашингтона с союзниками. Вокруг того же мифа в сочетании с утверждениями о «локальных угрозах» строилась региональная политика США и т. д.

Попытки администрации Р. Рейгана снять с себя ответственность за усиление военной угрозы были доведены до кульминации в середине 1982 г. В ходе поездки Р. Рейгана в страны Западной Европы президент заявил, что над миром нависла опасность глобальной войны. Главной угрозой миру, «средоточием зла» он назвал Совет-

ский Союз — черное объявлялось белым. Это показывало, как далеко заходит Вашингтон для оправдания своей борьбы за гегемонию.

ПОДХОД К ПЕРЕГОВОРАМ: «С ПОЗИЦИИ СИЛЫ»

«Мы должны создавать ситуации силы и наращивать силу... Если мы укрепим силу, то, по-моему, начнутся изменения во всем мировом положении... и тогда у Кремля появится готовность признавать факты...»³¹ (т. е. американский диктат.— *И. П.*). Классическая формула политики «с позиции силы» появилась в Вашингтоне не в начале 80-х годов, а десятилетия назад — ее выдвигал еще в 1951 г. государственный секретарь Д. Ачесон. Но формула всецело отвечала подходу администрации Р. Рейгана к переговорам с СССР и другими государствами социалистического содружества, особенно по вопросам, относящимся к ослаблению военной опасности и разоружению. «Президент, как в свое время Черчилль, понимает, что мы должны вооружаться, чтобы вести переговоры», — пояснял Э. Рауни. Глава администрации предпочел идею древних римлян: готовность к войне есть наиболее эффективное средство сохранения мира.

Почти год после прихода к власти республиканцы и слышать не хотели о переговорах по важнейшим направлениям ослабления военной угрозы. Участие США в структуре этих переговоров, сложившейся в 70-е годы, было практически приостановлено. Летом 1981 г. печать обошла поразительная идея Ю. Ростоу: «Я просто не представляю себе, что можно обсуждать с СССР на переговорах ОСВ». Ростоу не скучился на политические лозунги, провозглашал «истины в конечной инстанции». Вот еще один из его догматов: «Соглашения по контролю над вооружениями не могут гарантировать и не гарантируют мира». Отрицалась сама идея укрепления безопасности посредством взаимных договоренностей и политических решений. В отличие от предшественников, в нынешнем Вашингтоне долго отказывались прикрывать военное строительство США показной риторикой «миролюбия». Администрация с трудом выговаривала слово «разоружение». Это пачисто противоречило ее усилиям продвинуть вперед основные военные программы. А. Хейг не скрывал замысла: «Мы сможем вести возобновившиеся переговоры с лучших позиций, когда будут одобрены новые системы оружия».

Американский подход к проблеме разоружения определялся той же формулой «переговоров с позиции силы». Сначала надо, мол, «накопить силу» и «устрашить» силой других. Отсюда месяцы молчания Вашингтона по ключевому вопросу мировой политики. «У нас нет позиции на этот счет», — раз за разом повторяли руководители администрации. В качестве предварительного условия — и одновременно способа нажима на СССР — использовался «принцип увязки». Его тоже разъясняли со всей прямотой. «Я не думаю, — подчеркивал Р. Рейган, — что есть смысл садиться за стол переговоров, если не будет каких-либо свидетельств изменения их (СССР.—И. П.) позиции и поведения». Хейг конкретизировал: «Увязка является основной концепцией администрации; это значит, что переговоры, их ход, объем и уровень будут определяться соответственно «поведением» Советского Союза на международной арене в самом широком смысле этого понятия».

В Вашингтоне зря уверяли, что у США «нет позиции» в области усилий по ослаблению военной опасности. Позиция, конечно, была — и сугубо разрушительная. Договор ОСВ-2 администрация не просто «заморозила», как это сделал Дж. Картер, а вообще положила под сукно. Под вопрос ставились и многие итоги процесса ОСВ в 70-е годы. «Характер нашего подхода к договору ПРО (Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 г.), — отмечал Ю. Ростоу, — будет зависеть от предстоящих решений относительно «МХ» и способа ее развертывания»³². А эти решения противоречили духу и букве договоренностей ОСВ. Далее, с тем чтобы освободиться от ограничений на использование химического оружия, Вашингтон не остановился перед полной международной изоляцией в ООН. В 1982 г. США оказались единственным государством, которое голосовало против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей все страны воздерживаться от производства и развертывания новых видов химического оружия. В августе 1981 г. президент объявил о решении не возобновлять переговоры СССР, США, Великобритании о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Одновременно США решили отказаться от ратификации советско-американских договоренностей 70-х годов об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и ядерных взрывов в мирных целях.

Все это подтверждало, что республиканцы вносят ка-

чественные изменения в прежний подход к переговорам, относящимся к снижению уровня военного противостояния и разоружению. В Вашингтоне происходил радикальный пересмотр наследия 60-х и тем более 70-х годов. Вытравлялось практически все, что было хотя бы отдаленно связано с идеей результативных переговоров на основе разумных компромиссов и баланса интересов сторон. Принцип равенства и одинаковой безопасности выжигался прямо-таки каленым железом. Отодвигалась на второй план основополагающая идея общности интересов США и СССР, всех государств мира в предотвращении военной катастрофы. Она в корне противоречила «стратегии прямого противоборства», никак не вписывалась в американские военные программы.

Подобные тенденции в политическом мышлении Вашингтона отразили уже первые программные документы администрации относительно проблемы разоружения. Концептуальную основу ее подхода впервые раскрыл А. Хейг в июле 1981 г. в докладе «Контроль над вооружениями в 80-е годы: политика США». Суть определялась тезисом: «Контроль над вооружениями не может быть политическим краеугольным камнем или определяющим барометром советско-американских отношений». Усилия СССР и США по ослаблению военной опасности, предпринятые в 70-е годы, фактически списывались. Государственный секретарь выдвигал пять принципов американской политики в сфере разоружения. Так или иначе они сводились к тому, что «контроль в области вооружений должен... дополнять военные программы», а договоренности на переговорах не должны ограничивать американское военное строительство. Результативность переговоров по разоружению, уверял Хейг, зависит от «готовности СССР к принятию подлинного паритета»³³. Последнее было синонимом безудержной фальсификации мировых военных балансов. Иначе говоря, с самого начала программировалась линия на «выправление» этих балансов в пользу США и Запада в целом, на обеспечение военного превосходства Запада политическим путем.

В марте 1982 г. появился первый за годы президентства Р. Рейгана доклад Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. Поразительный документ! Доклад пронизывал тезис — не будет никаких соглашений по ограничению вооружений, если такие соглашения хоть как-то и в чем-то ограничат Вашингтону свободу рук в гонке вооружений. Без лишних слов рекомендува-

лось, например, уклоняться от предложений о превращении Индийского океана в зону мира или зону, свободную от ядерного оружия. Причина? Необходимость расширения зоны боевого патрулирования ядерных подводных лодок США. Под сомнение ставился советско-американский договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Причина? Договор может стать препятствием для реализации программы «Трайдент». Агентство, призванное заниматься разоружением, требовало развертывания крылатых ракет, форсированного размещения нового ракетно-ядерного оружия США средней дальности в Западной Европе, модернизации оперативно-тактических ядерных вооружений, включая нейтронное оружие, химического перевооружения и т. д.³⁴ Идея разоружения начисто перечеркивалась. Милитаристский настрой «борцов за разоружение» не уступал — если не превосходил — стараниям Пентагона.

К столу переговоров по вопросу ослабления военной опасности Вашингтон вернули настойчивые усилия СССР, растущая озабоченность американских союзников, мощный напор миролюбивых сил в странах Западной Европы и в самих США. В феврале и в июле 1982 г. в Женеве возобновились переговоры соответственно об ограничении ядерных вооружений в Европе и ограничении и сокращении стратегических вооружений. А как же пресловутая «вязка», о которой твердила администрация? Да не было ее вовсе, уверяли представители США. «...Мы не ставили никаких политических условий для переговоров... Ничего подобного»³⁵ — широко улыбался Ю. Ростоу. Администрация пустилась во все тяжкие, рекламируя выдвинутую «программу в области разоружения». Ничего, мол, подобного еще не появлялось в международных отношениях с точки зрения «миролюбия». Так оно и было — в определенном смысле.

«Идеи» администрации в области разоружения стали обретать плоть с конца 1981 г. В ноябре был выдвинут «шумовой вариант» в отношении проблемы ограничения ядерных вооружений в Европе. В мае 1982 г. появилась «программа» США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений СССР и США. Несколько позже, в июне 1982 г., был объявлен «новый подход» США и других стран НАТО к проблеме взаимного сокращения вооруженных сил в Центральной Европе. «Программа» была продуманной. Только она не имела ничего общего с необходимостью добиваться взаимоприем-

лемых решений в сфере ослабления военной опасности. Это была расчетливая система политического решения той же задачи, которую Вашингтон всячески пытался решить на путях военного строительства,— обеспечение военного превосходства США и Запада во всех ключевых элементах мирового военного баланса. Реальное и радикальное разоружение действительно предусматривалось. Но только в отношении Советского Союза.

«Нулевой вариант» США наглядно раскрывал взаимосвязь военных и политических методов в стремлении администрации Р. Рейгана добиться военного превосходства Запада по ядерным средствам средней дальности в Европе. Вариант был «нулевым» только для СССР. В обмен на неразмещение крылатых ракет и «Першинг-2» Вашингтон добивался полной ликвидации советских ракет средней дальности в Европе и Азии. Реализация этих предложений США вела бы к двукратному превосходству Запада по носителям и трехкратному превосходству по ядерным зарядам по сравнению с началом переговоров. А при отказе СССР от «нулевого варианта» в Западной Европе развертывались бы почти 600 новых американских ядерных средств средней дальности. Говоря обобщенно, речь шла о следующей военно-политической формуле: 2 : 1 в пользу США и НАТО по числу носителей средней дальности и 3 : 1 в пользу той же стороны по числу боезарядов (цели «нулевого варианта», или политического «решения»); 1,5 : 1 по носителям, свыше 2,2 : 1 по боезарядам в пользу Запада при размещении (военное «решение»). Напрашивался вывод: политическим путем Вашингтон пытался обеспечить себе превосходство в большем объеме, чем военным. Хрестоматийный образец попыток вести дела методом шантажа! В принципе не менял дело и так называемый «промежуточный» вариант, предложенный США в начале 1983 г. В конечном счете он нацеливался на то, чтобы обеспечить Западу почти 2,5-кратное преимущество над СССР по числу боезарядов средней дальности. Угроза резкого наращивания американской военной мощи была, в сущности, главным и единственным инструментом США на переговорах.

Аналогичная картина складывалась в отношении проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений. На первый взгляд американская сторона предложила значительные сокращения. Только вот для кого и как? СССР предлагалось уничтожить большую часть своих межконтинентальных средств наземного базирования.

Советская сторона сократила бы в 2 раза больше баллистических ракет, чем США. А себе Вашингтон оговаривал бы условия, открывающие «зеленый свет» практически всем новым стратегическим программам США: «МХ», «Трайдент», новым типам стратегических бомбардировщиков. Американская сторона сохраняла бы многократное превосходство по тяжелым бомбардировщикам. Ограничения никоим образом не касались бы американских крылатых ракет большой дальности. За счет массового развертывания этих ракет с ядерными зарядами США намного перекрывали бы сокращения числа боеголовок на баллистических ракетах. Реализация предложений США вела бы к тому, что в составе американских стратегических средств оказалось бы в полтора с лишним раза больше носителей ядерного оружия, чем у СССР. Что касается боезарядов, то США получали бы почти трехкратное превосходство.

Характеризуя линию США, А. А. Громыко в феврале 1983 г. заявил, что «Вашингтон добивается одностороннего разоружения СССР, а свои программы создания новейших ядерных средств, рассчитанные на обретение военного превосходства, не хочет и пальцем тронуть... Позиция Вашингтона состоит в том, что она нацелена не на сокращение стратегических вооружений, а на легализацию, и притом быстрыми темпами, их гонки в расчете на получение Соединенными Штатами Америки односторонних преимуществ»³⁶. Очередной иллюстрацией подхода Вашингтона к разоружению стало объявление «условий», при которых США были бы готовы отказаться от нынешнего развертывания ракет «МХ». Какие же условия? Это допустимо только в том случае, если СССР, мол, пустит на слом две трети своих межконтинентальных ракет — заявил в июне 1983 г. директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению К. Эделман. Иначе говоря, суммировали в сенате ход мышления администрации — «мы отдадим что-нибудь, если русские откажутся от всего».

Проблема снижения уровня военного противостояния в третьем ключевом элементе мирового военного баланса — соотношение войск и вооружений НАТО и Организации Варшавского Договора в районе их наивысшей концентрации в Центральной Европе — уже давно рассматривалась на венских переговорах. Администрация Р. Рейгана не изобретала в Вене чего-то принципиально нового. Участники переговоров со стороны НАТО с самого их на-

чала исходили из того, что на востоке сосредоточено, мол, гораздо больше войск, чем на западе. Поэтому, дескать, социалистическим странам следует сокращать намного больше войск, чем западным партнерам. Но Вашингтон и здесь всячески добивался крупных односторонних преимуществ. В июле 1982 г. по инициативе США впервые за всю историю переговоров в Вене появился западный проект договора, чему предшествовало предварительное оглашение его основных идей лично президентом Р. Рейганом. Все, что прилегало к Центральной Европе с восточной стороны, объявлялось неотъемлемым элементом стратегической ситуации. С другой стороны, все, что находилось к западу от данного района, именовалось «несущественным». Не имели, мол, «никакого значения» средства передового базирования и военные базы США, американские возможности переброски в Западную Европу сотен тысяч войск усиления и т. д.

Практически все положения проекта договора упирались в требование для восточной стороны согласиться с давней западной манипуляцией цифровыми данными по военному балансу в Центральной Европе. Численность военнослужащих СССР и его союзников в этом районе зашлаась более чем на 180 тыс. В сентябре 1982 г. глава делегации США Р. Стэрн назвал вещи своими именами. В сущности, предлагалось, чтобы на каждого военнослужащего стран НАТО в Центральной Европе социалистические страны сокращали бы троих своих военнослужащих. То есть пропорция 3 : 1 в пользу НАТО³⁷. И это при том, что в соотношении войск и вооружений сторон в данном районе давно существовало примерное равновесие.

Практически на всех международных переговорах США прямо или косвенно пытались вести дело к изменению в пользу Запада сложившегося глобального и регионального баланса сил. Это было совершенно бесперспективно. Более того, готовность СССР и его союзников продолжать соответствующие переговоры при подобном подходе партнеров сама по себе была крупным показателем конструктивности социалистических стран, их заинтересованности в ослаблении военной опасности.

Американская «программа радикального разоружения» оказалась в кризисном состоянии буквально с момента ее появления. Вашингтон ни на шаг не продвинул свой план одностороннего разоружения СССР. Со стороны СССР, стран социалистического содружества со всей определенностью подчеркивалась безнадежность ставки

на переговоры «с позиции силы». Неоднократно указывалось, что американский подход не может служить основой для договоренностей в соответствии с принципом равенства и одинаковой безопасности, решения ключевых проблем ослабления военной опасности. И в этом отношении руководство СССР не оставляло никаких сомнений. «Мы за поиски здоровой, приемлемой для сторон основы решения самых сложных проблем и прежде всего, конечно, проблем обуздания гонки вооружений как ядерных, так и обычных. Но пусть никто не ждет от нас одностороннего разоружения. Мы не павильные люди.

Одностороннего разоружения Запада мы не требуем. Мы — за равноправие, за учет интересов обеих сторон, за честное соглашение. К этому мы готовы»³⁸.

* * *

Советский Союз упорно искал возможности для решения фундаментальных проблем ослабления военной опасности. Шаг за шагом развертывалась певиданная по диапазону, масштабам и конструктивности программа практических мер борьбы против гонки вооружений. Она охватывала все основные направления этой борьбы, затрагивала все ключевые элементы мирового баланса сил. Готовность к всеобъемлющим и готовность к первоначальным решениям, к радикальному и к частичному снижению уровня военного противостояния двух общественных систем, причем к снижению на неизмеримо более низком уровне, предотвращение гонки вооружений там, где ее нет, и одновременно прекращение этой гонки там, где она ведется, готовность к ограничению, сокращению и запрещению любого вида и системы оружия на основе равной безопасности — вот основные политические идеи, определявшие подход СССР к задаче уменьшения военной угрозы.

Все возможное делалось и для того, чтобы найти развязку в отношении проблемы ядерных вооружений в Европе. В течение 1981—1983 гг. СССР разработал, обосновал и предложил американской стороне всестороннюю систему решений в этой области, причем на многовариантной основе. Прими Вашингтон первоначальное предложение СССР — и Европа полностью освобождалась бы от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Прими Вашингтон заключительные предложения СССР — и советская сторона была бы готова оставить у себя даже меньше ракет, чем располагали Англия и Франция.

ция. Советский Союз дошел до пределов возможного в стремлении облегчить договоренность. И объективно, будь на то политическая воля США, эта договоренность была бы реальной.

Советский подход, однако, начисто исключал то главное и фактически единственное, чего добивался Белый дом. А именно — добровольного согласия СССР на ломку военного равновесия в мире в пользу империализма как в глобальном масштабе, так и в Европе. Это была американская «программа-максимум» на всех переговорах и встречах по вопросам, относящимся к разоружению. Советской стороне фактически предлагалось вести разговор о том, как помочь США и НАТО сломать к их выгоде сложившийся военный баланс во всех ключевых элементах мирового соотношения сил. Что касается ядерных вооружений в Европе, то представители США так или иначе сводили речь к единственной теме — насколько «следует» СССР сокращать свои средства средней дальности и насколько «должны» увеличить свою ядерную группировку США. Одновременно, продолжая переговоры, американская сторона старалась решить свою «программу-минимум» в области разоружения — прикрыться самим фактом переговоров, усыпить внимание и дезориентировать общественность. Иначе говоря, заглушить водопадом слов о «миролюбии» лязг и грохот вооружений, сходивших с американских конвейеров.

С появлением американских ракет в Западной Европе руководство США поспешило объявить это «победой». Только вот «победой» в чем? В попытках подвести ракетно-ядерную базу под свой «крестовый поход»? В том, чтобы западноевропейцы могли своими жизнями, своими городами, тысячелетней цивилизацией уменьшить возмездие для самих США, если бы Вашингтон поддался соблазну развязать ядерную войну? В многократном усилении риска такого возмездия, например, для ФРГ? В резком сокращении достигнутого уровня безопасности в Европе в целом? Видимо, «победу» искали в этом. Начало размещения «Першинг-2» и крылатых ракет действительно становилось исходным рубежом наращивания ракетно-ядерной мощи США в Западной Европе, началом нового этапа милитаристского курса США. Со всей очевидностью выявлялось, что Вашингтон пытается вести дело к коренному изменению военно-стратегической и политической обстановки в Европе.

Но вот о чем помалкивали в официальных кругах США

и стран НАТО, связанных теперь коллективной ответственностью за усиление угрозы миру. Так называемая «победа» оборачивалась сокращением безопасности как для самой Америки, так и для ее союзников. А главное, администрация проваливалась в существе своего курса — она не могла материализовать свою ставку на силу в осязаемых военных и политических преимуществах в отношении с социализмом. Рухнула американская «программа-максимум». Ни военным, ни политическим путем, ни в ходе переговоров, ни вне переговоров Вашингтон не мог добиться военного превосходства над СССР, миром социализма. Белому дому приходилось усваивать неумолимую истину, о которой Ю. В. Андропов говорил: «Все потуги добиться военного превосходства над СССР тщетны. Советский Союз никогда не допустит этого, он никогда не окажется безоружным перед лицом любой угрозы»³⁹. Рухнула и американская «программа-минимум». СССР решительно отказался участвовать в дестабилизации политической и военной обстановки в Европе, как этого пытались добиться США. Переговоры в Женеве прекратились. Милитаристский курс Вашингтона предстал миру во всей преступной наготе.

Положение, сложившееся в Европе и в целом в мировой политике в связи с размещением американских «Першинг-2» и крылатых ракет, ярко выяснило обе стороны военно-политической стратегии Р. Рейгана — и громадную опасность этой стратегии для всего мира, и ее бесперспективность, неспособность США повернуть ход событий в мире на корысть империализму. Вашингтону не удавалось добиться основных целей. Военно-стратегическое равновесие между социализмом и империализмом сохранялось, продолжало сдерживать тягу империалистической реакции вести дело к войне. Отношения между двумя системами не удавалось свести всецело к военному соперничеству. Это означало, что сохраняется и основа современной международной безопасности. Историческое соревнование социализма и капитализма продолжалось прежде всего в невоенных формах. Совершенно отчетливо подтверждалась вся бессмысленность замыслов Вашингтона вести нормальные отношения с СССР лишь в том случае, если он... изменит свой общественный строй.

Проваливались и американские попытки расшатать социалистическое содружество, в особенности вырвать из социалистической семьи Польшу. Позорно рухнула американская политика экономических санкций. «...Санкции,

как уверяли люди Рейгана, должны были задержать строительство газопровода Уренгой — Помары — Ужгород на целых два года. А теперь подтвердилось, что замысел нанести ущерб СССР на деле привел к прямо противоположным результатам. Строительство газопровода превратилось в демонстрацию экономической мощи русских», — писала печать США. Кроме резкого усиления военной опасности Вашингтону было нечего, в сущности, представлять в качестве «достижений». Не давали ожидаемых результатов американское содействие интервенции против Афганистана, вмешательство в дела стран Юго-Восточной Азии, попытки в целом остановить национально-освободительное движение. Дипломатии США не удавалось и создать политическую структуру на Ближнем Востоке, которая служила бы опорой американской военной машины. Американо-израильская опека этого региона по планам Рейгана оставалась несбыточной мечтой Вашингтона. А в Центральной Америке ему явно не удавалось поставить на колени свободолюбивые народы Кубы, Никарагуа, Сальвадора. Разбойничье нападение на Гренаду вызвало возмущение и протест во всех концах планеты, в том числе со стороны американских союзников. Милитаристский курс США был очень далек от успеха.

И это все лучше видели в Соединенных Штатах, все ближе подходили к пониманию первоисточника неудач. «Максималистский подход Рейгана строится на иллюзиях в отношении некой слабости советского строя, на явном преувеличении мощи США и всего западного альянса, на преувеличенном оптимизме в оценке возможностей американской политики», — написал профессор Колумбийского университета С. Бялер. А известный публицист Т. Уикер сформулировал суть так: «Если Рейган обеспечил США большую по сравнению с прежней военную мощь, то обеспечил ли он одновременно и большую степень безопасности?» Вот этот вопрос все чаще и ставился в общенациональной дискуссии, захватившей США в год президентских выборов 1984 г. То был один из главных вопросов жизни Америки середины 80-х годов.

Глава VI

АМЕРИКА 80-Х ГОДОВ

Не год и не два, казалось бы, потребуются США, чтобы перевести дух после «десятилетия кризисов». Казалось, что трудно ожидать неблагополучия большего, чем пережитое в 70-е годы. В стране рассчитывали на передышку, паузу в затяжной полосе внутренних тягот. Но передышки не было. Начало 80-х годов принесло американскому обществу такое обострение внутренних проблем, что приходилось их мерить критериями худшего, вспоминать «великий кризис» 30-х годов. В широком плане Америке навязывали консервативно-милитаристскую альтернативу — реакционные решения по многим линиям общественной жизни. Обозначилась явная смена вех в экономической и социальной практике империализма США, как она складывалась в предыдущие годы и даже десятилетия, в содержании и методах государственно-монополистического регулирования. Все это было реакцией наиболее воинственного крыла американских верхов на те трудности, с которыми сталкиваются США в эпоху дальнейшего обострения всеобщего кризиса капитализма.

Известный американский публицист профессор Н. Чомски с основанием написал: «Внутреннему курсу Рейгана присущи две основные черты. Во-первых, значительное перераспределение дохода — от бедных к богатым. Во-вторых, его программа так называемого государственного капитализма требует усиления государственного сектора экономики, что делается единственным способом, возможным в капиталистической стране, — путем подкупа толстосумов, с тем чтобы они вкладывали капиталы в промышленность. Это рискованное предприятие, но оно может привести к успеху, если дать предпринимателям гарантированный рынок сбыта для продукции высокого технологического уровня — военное производство... Как оправдать такую программу, которая означает понижение заработной платы и уровня потребления, непроизводительную растрату ресурсов, рост прибылей крупных корпораций? Единственный способ —

это вести войну или готовиться к ней. Это классический путь... необходимо убедить население, что «война не закончена»¹.

ФОРМУЛА «РЕЙГАНОМИКИ»: МИЛИТАРИЗАЦИЯ И ГРАБЕЖ

Внутреннюю программу республиканцев окрестили «рейганомикой». В ней было что-то от грандиозного спектакля с его броскими афишами, обещанием успеха, эффектным исполнением ролей. «Спектакль», однако, оказался на редкость драматичным. Речь шла о пересмотре многолетней практики в распределении национальных ресурсов США, прежде всего федерального бюджета, т. е. свыше 20% валового национального продукта страны. Куда и кому направить колоссальные бюджетные суммы, которые в 1981 финансовом году составили свыше 650 млрд. долл., а за первую половину десятилетия могли в совокупности приблизиться к 4 трлн. долл.? Громадные масштабы ставки!

Для того чтобы перераспределить еще большую часть национального богатства военно-промышленному комплексу, социальным верхам, крупному бизнесу, мобилизовать экономические ресурсы США для восстановления «сильной Америки», способной вырваться к мировому господству, администрация Р. Рейгана шла в наступление против Америки трудовой. Накал страстей передавал документ «Положение страны — точка зрения коммунистов», с которым в начале 1982 г. выступил Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл. «Рейганомика загоняет новые миллионы людей в экономическую ловушку. Закрываются все новые заводы и предприятия, людей продолжают гнать на улицу. Все новые рабочие вливаются в ряды безработных, пособия продолжают сокращаться, сбережения — истощаться. Социальное обеспечение, продовольственные талоны, программа «Медикэйд», субсидии на квартирную плату, минимум для выплат по социальному страхованию, ссуды на учебу — все это выбрасывается за борт».

Коммунисты не преувеличивали. В конгрессе США высказывались и резче. «Позорный документ, способный привести страну к национальной трагедии», — отзывался о первом послании Р. Рейгана «О положении страны» Т. О'Нил, лидер демократов в палате представителей. В ноябре 1981 г. поставило диагноз профсоюзное объединение АФТ — КПП: «Пустые обещания экономической програм-

мы Рейгана являются дымовой завесой, скрывающей мас-сированное перекачивание средств из карманов рабочих, американцев с низкими и средними доходами в карманы богачей и сейфы корпораций. Бесчеловечная политика администрации Рейгана чревата утратой рабочих мест, снижением жизненного уровня американцев. Эта политика равнозначна классовой войне против обездоленных и бедняков, против рабочей Америки».

Так оно и было. А все начиналось с того, что республиканцы во главе с Р. Рейганом сулили стране захватывающие перспективы. Едва ли не на Библии они клялись привести к экономическому «процветанию», «вернуть Америке прежнее величие». «Будущее партии республиканцев связано с максимальным стимулированием экономического роста,— твердил Д. Стокмэн, правая рука президента в бюджетных дела...— В последние восемь лет в США забыли об экономическом росте»². Огонь своей критики прежней социально-экономической практики республиканцы сосредоточили на двух мишенях. Во-первых, на кейнсианских и неокейнсианских методах государственно-монополистического регулирования, которые в Вашингтоне так или иначе использовали со времен Ф. Рузвельта. Главным в этих методах была ставка на смягчение экономических трудностей путем стимулирования спроса за счет наращивания государственных расходов, поддержания роста производства, попыток сокращения уровня безработицы до определенных пределов.

«Команде» Рейгана было не так уж сложно осуждать прежние схемы. Тяжелые итоги «десятилетия кризисов», конечно, не изгладились из памяти. Не менее уязвимой оказалась и вторая мишень — социально-экономический реформизм умеренно-либерального толка, суть которого сводилась к расширению — под упорным нажимом трудящихся — участия государства в поддержании хотя бы минимального жизненного уровня малообеспеченного населения. Отчасти это подчинялось кейнсианской идеи повышения спроса, поскольку определенная доля государственных ресурсов передавалась через бюджетный механизм малоимущим слоям, увеличивая их покупательную способность. Таким образом американские верхи старались откупиться от требований трудящихся, обеспечить «социальный мир» и политическую «стабильность».

Республиканцы вновь и вновь напоминали об опыте 70-х годов: «социального мира» нет и в помине, внутренние трудности обостряются. Это было исходным рубежом Бе-

лого дома в попытках скомпрометировать многие социально-экономические достижения американцев. Доказывая, например, «недопустимость» роста федеральных расходов на социальное обеспечение, Р. Рейган заверял, что предшествующая практика «не помогла никому — ни многим местным органам власти, утратившим контроль над своими общинами, ни мелким предприятиям, вынужденным теперь платить наивысшие проценты за банковский кредит за последние 100 лет, ни самим малообеспеченным трудящимся и пенсионерам, на которых обрушилась двузначная инфляция. Целая эра, которая начиналась под знаком растущих капиталовложений и сбережений, подъема производства и производительности труда, нашего технологического превосходства,— эта эра каким-то образом ускользнула из рук американского общества»³.

Вместо дискредитированных рецептов прошлого экономическая концепция администрации предусматривала не расширение спроса, а «стимулирование производства», прежде всего военного. Если сократить налоги для крупного бизнеса, заверяли ее приверженцы, то при антиинфляционной кредитной политике и всемерном поощрении частного предпринимательства канут в Лету едва ли не все прежние негативные тенденции в экономической жизни США⁴. «Цель этого справедливого сокращения налогов,— твердил один из инициаторов «рейганомики», ближайший соратник президента конгрессмен Дж. Кемп,— создать рабочие места... ускорить развитие экономики и в итоге увеличить всеобщее экономическое благосостояние, создать лучшую жизнь для всех»⁵. Обещалось резко сократить инфляцию, свести концы с концами в государственных финансах, ликвидировать бюджетные дефициты. Обещалось увеличить доходы населения, а главное, добиться быстрого и стабильного производства чуть ли не с конца 1981 г.

К лету 1981 г. программа легко прошла конгресс. «Первоначальная реакция была положительной... Многим, очевидно, нравилось обещание Рейгана «восстановить веру» в американские идеалы индивидуальной инициативы, его план уменьшить зависимость американцев от правительства во многих областях жизни. Было ясно, что «великое общество» и «война с бедностью» не решили больших социальных проблем. Отчего не испытать новый подход? После того как конгресс внес последние штрихи в документы об огромных сокращениях бюджета и налогов, Рейган и его сторонники удалились из Вашингтона в долгий отпуск, наслаждаясь политическими победами». Так уви-

дел первый акт «рейганомики» американский публицист А. Роуз, который одним из первых в США по-настоящему понял ее драматические перспективы. Понял и в 1981 г. издал книгу с соответствующим названием: «Один хороший человек — и что он делает с нами. Обещания и опасности рейганомики»⁶.

Между тем Белый дом ликовал. На то были веские причины. В 1981—1982 гг. государственные приоритеты смещались в пользу военного производства и гонки вооружений темпами, которые более чем в 10 раз опережали темпы роста федеральных расходов на мирные цели. Принимались решения, в соответствии с которыми в предстоящие пять лет госбюджет США лишался около 750 млрд. долл. Лавину долларов предполагалось передать — через налоговый механизм — главным образом крупному бизнесу и лицам с высокими доходами. Средний рабочий получил бы в 1982 г. скидку лишь в 92 долл. Половина всей суммы налоговых льгот приходилась на долю большого бизнеса, наиболее состоятельные 10% населения⁷.

Но Вашингтону требовалось восполнить поступления в госбюджет, сокращаемые в результате налоговой реформы; громадная военная программа поглощала триллионные суммы. Как это сделать? Белый дом отказывался от увеличения расходов на внутренние нужды в той мере, как это делалось в США в 60—70-е годы. Эта принципиальная установка Р. Рейгана, наряду с его решениями в военной области, отражала квинтэссенцию социальной философии реакционно-консервативных сил. Республиканцы повели дело к упразднению или резкому сокращению почти 250 социально-экономических программ, за которые американцы боролись со времен Ф. Рузельта.

В 1981 г. в политике правящих кругов США обозначился курс на существенное нарушение сложившихся пропорций между государственным и частным потреблением, гражданским и военным сектором экономики страны. Предпринималась попытка заложить основу для далеко идущих изменений в жизни американского общества. Замаячила перспектива обострения прежних, появления новых долговременных трудностей в экономике, нарастания общего неблагополучия, превращения Америки в источник небывалой военной угрозы. То была перспектива дальнейшего обострения социальных противоречий, ожесточенных новых классовых боев.

Администрация тщательно скрывала истинные цели действий, навязчиво твердила, что общество должно идти

на жертвы ради «возрождения Америки». И вдруг в ноябре 1981 г. один из творцов «рейганомики» директор административно-бюджетного управления США Д. Стокмэн назвал вещи своими именами. Журнал «Атлантик мансли» неожиданно предал гласности его конфиденциальные беседы с одним из редакторов. Д. Стокмэн признал, что всю «концепцию стимулирования производства» придумали с единственной целью — «назвать по-новому старую республиканскую политику покровительства богатым американцам». Замысел налоговой реформы состоял в снижении налогов на обеспеченные слои населения примерно в 1,5 раза. «Остальное имело второстепенное значение». И весь план снижения налоговых ставок, продолжал он, был своего рода ловушкой, предлогом для снижения налогов на доходы наиболее имущих. А экономические посулы Вашингтона? Это было «необоснованным гаданием». Администрация так торопилась пропихнуть через конгресс свою программу, что «никто из нас в Белом доме не отдавал себе полного отчета в значении исходных и конечных цифр. Мы даже не могли сложить все необходимые цифры, не говоря уж о том, чтобы проанализировать их должным образом».

Дальше — больше. Внутренние программы, откровенничал Стокмэн, резали в такой спешке, что «мало кто представлял себе, к чему это может повести». Клятвы выправить положение с финансами были заведомо нереальными. Уже предварительные оценки бюджетных органов показывали, что вместо обещанной ликвидации дефицит госбюджета к 1984 г. может выйти за пределы 100 млрд. долл. Выход нашли. Какой? «Подобрали соответствующую программу расчетов». Другими словами, занялись прямой фальсификацией, подогнав расчеты под желаемый итог. Журнал «Атлантик мансли» обобщал: «Президент знал, что его обещания неосуществимы, однако его это не остановило, он продолжал уверять американцев в обратном»⁸.

Публикация стала сенсацией. Говорливый Стокмэн подал в отставку, ее не приняли. Составитель бюджетов администрации до мелочей знал закулисную сторону «рейганомики». Увольнять рискованно!

Как бы то ни было, обещаниям Белого дома теперь мало верили. «Азартная игра, не имеющая под собой ни математического, ни психологического расчета», — квалифицировала печать бюджетные планы Р. Рейгана. Хватались за голову экономисты из лагеря демократов: у них выходило, что бюджетный дефицит в 1984 г. превысит 200 млрд. долл.

«Похоже, нас всех загипнотизировал огромный экономический спектакль, который разыгрывается в стране. А ведь спектакль этот далеко выходит за рамки бюджета, налогов, учетных ставок и т. д.», — подводил итоги Р. Ройс, председатель Объединенной экономической комиссии конгресса.

Конгрессмены и печать прозревали с опозданием. «Тайны» администрации всегда были шиты белыми нитками для тех, кто смотрел в корень. «Некоторые говорят, что программы Рейгана бесплодны, — подчеркивал руководитель коммунистов США Г. Холл, — на деле же эти программы приносят те результаты, которые ожидались. Они были задуманы для того, чтобы... совершить самый крупный грабеж, самую крупную за всю американскую историю передачу ценностей от людей нуждающихся к людям алчным и ненасытным». А мнение либеральной профессуры выразил почетный профессор экономики Нью-Йоркского университета Р. Ликхман, издавший в 1982 г. книгу «Рейганомика: не только алчность». Программа «экономического оздоровления», — написал он, — ведет к перераспределению доходов в пользу богатых за счет бедных, в пользу белых за счет «цветных», в пользу быстрорастущих городов американского Запада за счет приходящих в упадок городов Восточного побережья, в пользу Пентагона за счет социальных программ»⁹.

Невосполнимый ущерб американцам несла военная программа Р. Рейгана. Администрация планировала истратить едва ли не в 5 раз быстрее такую сумму на военные цели, какую США израсходовали за предыдущие 20 лет. Причем сумма 1680 млрд. долл., в которую она оценила свою всеобъемлющую военную программу, была сомнительной. Даже в Пентагоне допускали превышение расходов и много ни мало как на 750 млрд. долл. Об этом сообщил заместитель министра обороны Р. Делаэр на секретном заседании комитета по военным ресурсам 7 января 1982 г.¹⁰ Оценка Делаэра попала в печать, и началась новая сенсация, затмившая даже признания Д. Стокмэна. В Пентагоне бросились искать ответственных за утечку информации. Невзирая на служебное положение, проверили всех 25 участников январского совещания, включая первого заместителя министра обороны Ф. Карлуччи, министров родов войск, председателя Объединенного комитета начальников штабов и др. Проверяли на «детекторе лжи». Уже одно это затмило сенсацию «дела о 750 миллиардах». Потом выяснилось — проговорился мелкий чиновник. Но детективная сторона дела была второстепенной.

В Белом доме сдавали нервы. Открыть истинный размах военного строительства для администрации было рискованно. В стране и без того шел милитаристский шабаш. Цинично, лихорадочно, теряя осмотрительность, республиканцы раздавали военно-промышленному комплексу громадную часть государственных ресурсов США. Действовал принцип «военным нужно все или почти все». Тон задавал президент: «Споры надо ограничивать только тем, какое оружие нам нужно, а какое не нужно, но ни в коем случае не спорить, стоит ли отказываться от вооружений ради достижения договоров и соглашений». Военному бизнесу, по существу, предоставляли «открытый кредит». О том, что кредит действительно был «открытым», сообщил тот же самый Д. Стокмэн. В знаменитом интервью он признал, что имел категорическое указание Белого дома не прикасаться к заявкам Пентагона. Вся военная программа, по его словам, представляла собой «произвольный набор цифр, записанный на листке бумаги». «Военные получали столько денег, сколько хотели». Захотели, к примеру, извлечь из консервации линкоры времен второй мировой войны. И получили почти миллиард. Линкоры реконструировались, перерождались, оснащались крылатыми ракетами.

В послевоенной истории США военные расходы лишь трижды единовременно повышались более чем на 7% в год (в постоянных ценах). Это происходило под воздействием войн в Корее и Вьетнаме, а также карибского кризиса 1962 г. Теперь чрезвычайные рывки в гонке вооружений возводились в минимальную норму, превращаясь в устойчивую тенденцию. В первом военном бюджете республиканцев значительно превышались военные ассигнования США в момент кульминации войны во Вьетнаме. В пересчете на среднегодовые темпы роста (в постоянных ценах) намечалось наращивать военный бюджет на 8,7% в первой половине 80-х годов¹¹. Это означало, что военно-промышленный комплекс и его политический авангард не просто получали то, что они столь активно добивались в минувшем десятилетии. Еще недавно, в конце 1979 — начале 1980 г., милитаристы в сенате США требовали увеличения военных расходов на 5% ежегодно (в постоянных ценах). А теперь республиканцы предлагали график: увеличивать военные расходы в 1982 финансовом году чуть ли не в 3 раза быстрее, в следующем году в 2 раза быстрее, а в целом в 1981—1987 гг. почти в 1,5 раза быстрее¹². Военная программа Р. Рейгана превосходила ожидания многих американских милитаристов.

Сверхбюджет Пентагона

Стартуя с рубежа 214 млрд. долл., республиканцы рвались почти удвоить военные ассигнования к 1988 г. Иначе говоря, к концу 80-х годов военные усилия в финансовом выражении могли вдвое превзойти пик американских усилий в годы вьетнамской авантюры. Военно-промышленный комплекс США готовился получить с лихвой весь куш прибылей времен войны в Юго-Восточной Азии. Но уже в мирное время, без громадных внутриполитических и международных издержек этой войны. По расчетам крупного экономиста Р. Кауфмана, в 1965—1968 гг. военная доля в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности США увеличилась с 7,9 до 10% с лишним. А сейчас? К 1986 г. показатель возрастал бы почти в 2 раза, достигая тех же 10%¹³. Вот он — «Вьетнам без Вьетнама».

Перестройка военно-экономической практики деформировала систему национальных приоритетов США в том виде, как она складывалась в 70-е годы. Пресекалась тенденция к снижению относительной доли военного сектора в государственном бюджете страны. Теперь центральная задача сводилась к тому, чтобы увеличить эту долю почти в 1,5 раза, довести ее до 37% в 1987 финансовом году. Почти в 1,5 раза возрастала и доля военного сектора в валовом национальном продукте. Сквозь пелену безудержной демагогии проступала оборотная сторона милитаризации — контуры подхода Р. Рейгана к социально-экономическим проблемам. «Социальная гильотина»... В корзину бюджетных сокращений катились миллиарды долларов различных федеральных программ, в первую очередь для нуждающихся и бедных.

Выявились и долгосрочные замыслы администрации в социально-экономической области. Ставилась, например, задача сократить выплаты на пенсионное обеспечение в период до 1986 финансового года в общей сложности на 46 млрд. долл. Это было по интересам 36 млн. американцев, получающих пенсии. Намечалось сократить пенсии тем, кто ушел на отдых досрочно, ужесточить критерии для пенсий по инвалидности. Ликвидировалась программа минимальных выплат пенсионерам. Иначе говоря, готовился мощный удар по основам жизненного существования американцев старшего поколения.

Что касается тех, кто начинал жизнь, то намечалось на 14 с лишним миллионов сократить число школьников, получающих федеральные дотации на завтраки в школах. Обозначилась перспектива дальнейшего обострения проблемы хронического недоедания школьников из бедных се-

**Сокращения
некоторых федеральных программ для бедных в 1980—1982 гг.¹⁴**

Существо программы	Действия администрации
1. Дотации студентам колледжей из семей с низким и средним доходом	Сокращены на 500 млн. долл.
2. Субсидии властям штатов и на местах для обеспечения работой безработных	Полностью ликвидированы
3. Обеспечение помощи бедным в области здравоохранения	Сокращено на 1,1 млрд. долл.
4. Субсидии на кредитную помощь в жилищном строительстве для семей с низким доходом	Сокращены на 11,6 млрд. долл.
5. Дотации бедным семьям с несовершеннолетними детьми	Сокращены на 1,2 млрд. долл.
6. Дотации школьным округам для помощи детям из семей с низким доходом	Сокращены на 400 млн. долл.
7. Субсидии на профессиональное обучение молодежи из семей с низким доходом и безработных	Сокращены на 600 млн. долл.

мей. «Дети вообще являются главной жертвой администрации в области социального вспомоществования,— отмечала Р. Сайдел из университета Нью-Йорка.— Дети составляют примерно треть 29,3 млн. бедных в США. Они же составляют 68% общего числа получателей программы помощи семьям с несовершеннолетними детьми». В 1981 г. эту программу сократили на 10%.

У «социальной гильотины» был длинный перечень жертв. Сказать, какая именно категория нуждающихся ущемляется «рейганомикой» более всего, было трудно. Громадный ущерб наносился черному населению США, которое и без того находилось в худшем положении по всем основным социально-экономическим параметрам. Исследователи имели основания обобщить: «Экономическая политика Рейгана является расистской по своему существу»¹⁵.

Во многом облегчалась монополистическая практика бизнеса. Снять, ограничить, сократить многие из мер государственного регулирования в экономике частного сектора — это было одним из ключевых элементов «рейганоми-

ки», принципиальным положением платформы консервативных сил в целом. Дело очень нешуточное — общая сумма расходов бизнеса, связанных с соблюдением регулирующих мер государства, по некоторым данным, приближалась к 100 млрд. долл. ежегодно¹⁶. Одно за другим снимались теперь ограничения на деятельность корпораций. Против них прекращались многие судебные дела, в частности против монополий нефтяной и пищевой промышленности, нарушающих антитрестовское законодательство. Автомобильные компании освобождались от ряда ограничений в обеспечении безопасности новых моделей. Бизнесу развязывали руки для дальнейшего наступления на трудящихся.

Огромный ущерб наносился десяткам миллионов людей, особенно их здоровью. Отменялись запреты на использование сомнительных химических добавок в продовольственные продукты, обязательная инспекция мясных продуктов и т. д. Пересматривались правила, ограничивающие продажу непроверенных лекарств, снижались требования к новым медикаментам. Почти в 2 раза сокращались федеральные расходы на безопасность автотранспорта, прекращалась практика публикации федеральных данных о надежности автомашин. Во много раз сократилось число дел, которые передавались в суд в связи с нарушением законодательства об охране окружающей среды. Тормозились усилия по борьбе с загрязнением воды и воздуха. Редели ряды служащих федеральных учреждений, обязанных следить за сохранением природы на территории страны. Все это означало, что больше людей в США будут умирать от рака и силикоза, получать увечья и погибать от несчастных случаев на производстве, на транспорте, страдать от разрушения окружающей среды.

Наступление на здоровье людей администрация вела и за пределами страны. США оказались, например, единственным из 118 государств мира, которое отказалось поддержать правила на производство и продажу искусственных заменителей материнского молока, установленные Всемирной организацией здравоохранения. Вашингтон рьяно защищал интересы американской промышленности, производящей детское питание; эта промышленность давно вела кампанию в пользу искусственного кормления грудных детей, причем ее продукция при нарушении санитарных условий ежегодно служила причиной смерти тысяч детей в развивающихся странах. Но главным было даже не это. Американский исследователь В. Сайдел писал: «Малая доля из 1,5 трлн. долл., отведенных на воен-

ные программы США в 1981—1986 гг., позволила бы американской медицине и здравоохранению выйти на уровень одних из лучших в мире — как для обслуживания бедных и расовых меньшинств, так и состоятельных людей... И оставались бы средства для помощи бедным в области здравоохранения в других странах»¹⁷.

Ключевым элементом внутренней политики Р. Рейгана становилась программа «нового федерализма», объявленная в начале 1982 г. «Одним решительным ударом» администрация собиралась передать в ведение штатов более 40 федеральных социально-экономических программ. На местах-де виднее, как вести дела. Замысел отражал все те же попытки сократить федеральные программы помощи наименее обеспеченным слоям. «Новый федерализм» был финансовой ловушкой: программы-то передавались, но деньги на эти программы собирались сокращать. Возникали как бы «ножницы»: стоимость программ, намеченных для передачи штатам, возросла бы до 75 млрд. долл., а их финансирование сократилось бы до 13 млрд. долл. И это предлагалось в условиях, когда города и штаты США переживали и без того трудные времена. Повсеместно повышались местные налоги, сокращалась помощь бедным и престарелым, почти везде повышалась плата за различные коммунальные услуги. «У нас нет денег, чтобы финансировать даже собственные обязательства, а о том, чтобы восполнить усилия федерального правительства, не приходится и говорить», — пояснял спикер законодательного собрания штата Миннесота. В программе «нового федерализма» в США увидели фактически отказ от политики концентрации социально-экономических программ в руках федеральной власти, проводившейся в стране со времен «нового курса» Ф. Рузвелльта.

Во всей полноте «рейганомика» обнажала реакционную стратегию власти в подходе к нуждам трудящихся. Но ошибся бы тот, кто пытался бы упрекнуть Белый дом в равнодушии к людям. Там напрягали воображение, предлагали. Только что? В конце 1982 г. президент, например, посоветовал мелким компаниям нанять каждой одного-двух безработных. И безработица, мол, разом отступит. Весной 1983 г. один из помощников Р. Рейгана доложил о другом масштабном замысле: как решить жилищную проблему для бездомных и бедных? Надо разместить их на военных базах, баз много, места хватит... Говорилось совершенно серьезно. Пентагон и другие ведомства действительно искали жилищность в казармах. Здесь были, однако,

узкие места, например как справиться с вопросом допуска на военные сооружения. Проверять лояльность сотен тысяч бездомных? Непрактично. Во всяком случае, в смысле связи милитаризма и нищеты замысел был глубоко символический. В январе 1982 г. глава администрации выступил с другой незабываемой идеей: «...если каждая церковь и каждая синагога США возьмут под опеку в среднем по 10 семей, живущих ниже уровня бедности, мы могли бы ликвидировать все государственное социальное обеспечение в нашей стране — и федеральное, и на уровне штатов, и на местах». Паперть против бедности... Таким вот образом.

НОВОЕ «ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСОВ»?

Обогащая крупный капитал, «рейганомика» форсировала обострение неблагополучия во внутренней жизни США. Первые годы нового десятилетия прошли для США в не-бывало трудных экономических условиях. А «возрождение», обещанное Р. Рейганом на конец первого года президентства? Какое «возрождение», если с середины 1981 г. экономику захлестнула мощная кризисная волна. В октябре это нехотя признал президент. Со временем предыдущего кризиса, провожавшего президентство Дж. Картера, не прошло и года. Дистанция между кризисами оказалась самой короткой с 20-х годов. Экономические показатели США откатывались назад, приближаясь к параметрам кризиса 1973—1975 гг., самого крупного после второй мировой войны. «Наихудший наш враг в США — экономический; это ползучая эрозия американского образа жизни, американской мечты», — такими словами в январе 1982 г. живописал положение Белый дом, еще недавно излучавший оптимизм.

Кризисная волна набирала силу. С учетом спада, начавшегося еще при Дж. Картере, к концу 1982 г. сокращение или застой в динамике валового национального продукта сохранялись свыше трех лет подряд. Самый длительный экономический спад в истории США после «великого кризиса» 30-х годов! Выпуск автомобилей сократился до 60% от уровня десятилетней давности. Сокращение жилищного строительства стало самым крупным с начала 30-х годов. Производство было отброшено на 40 лет назад. Промышленные мощности простаивали на треть своих возможностей — тишина и бездействие охватили промышленность, равную по мощности индустрии нескольких круп-

ных стран Западной Европы. Если в конце президентства Дж. Картера кризис затронул главным образом производство потребительских товаров и жилищное строительство, то теперь были поражены почти все отрасли экономики. Вернулся пугающий символ «великого кризиса» 30-х годов — массовые банкротства. Только 1981 год принес столько банкротств, сколько не было за последние 20 лет.

Лишь военный бизнес рвался вперед. За первое полугодие 1982 г. военное производство прибавило примерно на столько, на сколько сократилось промышленное производство в целом: соответственно плюс 6% и минус 7%. Норма прибыли военного производства «Дженерал Дайнэмикс» — наиболее крупного поставщика Пентагона — примерно в 3 раза превышала норму для невоенного производства. Военные заказы «Макдоннел — Дуглас», «Юнайтед Текнолоджиз», «Дженерал Электрик», «Локхид», «Хьюз Эркрафт» возросли примерно в 1,5 раза. И продолжали расти: прибыли аэрокосмической промышленности США, по некоторым подсчетам, увеличился в 1986 г. почти вдвое. Особенно преуспевали военно-промышленные корпорации Калифорнии. Акции концерна «Нортроп», которые стоили 5 долл. в период подъема разрядки напряженности, теперь котировались в 15 раз дороже. Предприятия концерна изготавливали системы наведения для «МХ», электронное оборудование для Б-1, корпуса новейших истребителей. А лучшими друзьями «Нортроп» в Вашингтоне были Р. Рейган, Э. Миз, Дж. Леман, Р. Перл. Вот так и делала свое дело «калифорнийская группировка» администрации.

Экономический кризис привел к смене главной общегосударственной проблемы США. К середине президентства Р. Рейгана уровень инфляции снизился. Он оказался несколько ниже среднегодового показателя предыдущего десятилетия. Белый дом, правда, и это записывал в актив — там было пусто. В целом после прихода Р. Рейгана к власти инфляция и безработица как бы поменялись цифровыми показателями «десятилетия кризисов».

США поразила такая безработица, которой в стране никогда не было после второй мировой войны. Еще летом 1982 г. она составила 10,8 млн. человек — рекорд за последние 40 лет. Фактически после прихода Р. Рейгана к власти работы лишились еще 3 млн. человек. В США с трудом верили в эти цифры, пытались представить масштабы безработицы. «Если 3 млн. безработных выстроить в ряд, то они будут стоять от Белого дома до пригородов Чикаго, — сообщил сенатор Э. Кеннеди. — Если выстроить

всех безработных, человеческая лента протягивается от реки Потомак в Вашингтоне до Тихого океана». Достигнут предел? Отнюдь нет. «12 млн. безработных, или 10,8% рабочей силы страны», — известило министерство труда в ноябре 1982 г. В абсолютном количественном выражении безработица в США как никогда близко подошла к уровню конца 30-х годов. Со временем прихода республиканцев к власти уже 4 млн. человек потеряли работу. Официальные цифры, как всегда, отставали от более обстоятельной профсоюзной статистики. Та называла 15 млн. безработных. Плюсовать следовало еще 1,6 млн. людей, отчаявшихся найти работу, а также 6,5 млн. человек, занятых лишь частично.

Безработица становилась основным источником внутреннего неблагополучия. Она болезненно обостряла прежние неурядицы, причем более коротким путем, чем инфляция, вела за собой усугубление целого комплекса социальных проблем, связанных с положением малообеспеченных слоев, молодежи, женщин и тем более расовых и национальных меньшинств. Летом 1982 г. безработица среди белой молодежи приблизилась к 25%, среди черной — к 50%; женщины составляли более половины всех безработных. В США далеко шагнула вперед проблема бедности. Точнее — назад. В 1982 г. зарегистрировали самое крупное за последние 15 лет увеличение числа лиц, живущих ниже «уровня бедности». Их количество за три года возросло на 3 млн. человек. «Рональд Рейган так любит бедняков, что множит их число», — иронизировал тот же Э. Кеннеди. Американское общество, по существу, вернулось к положению середины 60-х годов, когда начинали «войну с бедностью». А те федеральные органы, которым полагалось с бедностью «воевать», при Р. Рейгане разогнали.

В свое время комиссия сената по здравоохранению привела статистику взаимозависимости безработицы и обострения других социальных проблем. Тем же занимался университет Джона Гопкинса в Вашингтоне (данные в скобках). Расчеты оказались поразительными — поистине целая статья обвинительного акта буржуазному строю. Рост безработицы на 1% связывался с увеличением числа убийств примерно на 6% (4%), самоубийств на 4% (4,1%), количества заключенных в тюрьмах на 4% (5,7%), количества пациентов в психиатрических больницах на 3%, уровня смертности — на 2% и т. д. Как все это выглядело в новой экономической ситуации? Оставалось считать и считать.

Основатель американского Союза защиты гражданских свобод Р. Болдуин прожил 98 лет, видел разные времена. Не прошло, однако, и полугода президентства Рейгана, как он предупредил: берегитесь, для гражданских свобод наступает худшая пора¹⁸. Через полтора года, рассмотрев послужной список республиканцев, союз констатировал: «Впервые мы имеем дело с администрацией, которая, по-видимому, твердо противится основополагающим юридическим и политическим принципам, на которые опирается конституция США. Администрация выступает не просто против тех или иных свобод для тех или иных определенных людей или групп... Идет наступление на всю конституционную систему, созданную 200 лет назад»¹⁹. Обвинение тяжкое. Не слишком ли круто брали защитники гражданских прав? Не слишком. Так считали не только они. Например, в декабре 1981 г. в Нью-Йорке состоялся съезд американских писателей. Свыше 3 тыс. литераторов, люди разных политических взглядов, обсудили как профессиональные дела, так и положение дел с буржуазно-демократическими свободами. Напомнив о праве граждан «говорить, писать, организовываться ради совершенствования общества», съезд ударили в набат: «Нынешние попытки это право урезать — серьезная опасность для демократии»²⁰.

Весомость выводов отражала тяжесть фактов. В докладе Союза защиты гражданских свобод подчеркивалось, что Белый дом и его сторонники в конгрессе обходным путем добиваются отмены закона о гражданских правах, во всяком случае его выхолащивания. Закон-де устарел, расовая дискриминация на Юге США «ликвидирована» и т. д. (Через месяц с небольшим после появления доклада, в декабре 1982 г., г. Майами во Флориде полыхнули расовыми волнениями, и говорить о «ликвидации расизма» стало совсем нелепо.) Как ревизию итогов борьбы черных за гражданские права в США восприняли январское (1982 г.) решение администрации отменить положение о том, что сегрегированные учебные заведения не должны пользоваться льготами в налогообложении. Должны — решили в Белом доме. Министерство юстиции прекращало выявлять факты сегрегации в начальном и среднем образовании.

Что касается прав женщин, то администрация смыкала ряды с реакционными организациями, пытаясь похоронить проект конституционной поправки о равноправии независимо от пола. Министерство юстиции и ультраправые действовали рука об руку в судебных органах, в поли-

тических кампаниях и т. д. В Вашингтоне тем временем восхищались идеологом реакции философом Г. Гилдером, который, помимо прочего, внушал: «Равная оплата за равный труд есть бессмыслица», «Ничто не подтверждает страдания и дискриминацию, тем более двойную, черных женщин» и т. д.²¹ «Интеллектуальный Прометей», — радовался мракобесу Д. Стокмэн.

Все эти решения, намерения, оценки объединялись одним — планомерностью натиска на социально-политические достижения трудящихся США последних десятилетий. И не только десятилетий. Либеральная профессура, научные круги вдумывались, куда Вашингтон ведет дело в конечном счете? Тревожными оказались выводы. «Было бы крупной ошибкой,— обобщал исполнительный директор Союза защиты гражданских свобод А. Глассер,— рассматривать подход администрации к социальному вспомоществованию лишь в свете широкомасштабных сокращений государственных расходов. Администрация, похоже, нацеливается на возврат социального вспомоществования в США к теории и практике английских «законов о бедных»... В соответствии с «законом о бедных», последние не имеют юридических прав в принципе. На них вообще не распространяются такие конституционные нормы, как «равная защита законом»²².

Вот так, отталкиваясь от практики наиболее реакционной части империалистической буржуазии в 80-е годы XX в., трезвомыслящие буржуазные ученые невольно подтвердили правоту мысли К. Маркса о том, что при капитализме «практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность... Оно — право своекорыстия»²³. Если нет частной собственности — голодай и замерзай, бедствуй, погибай. Это была точка отсчета социальной теории американских консерваторов, которую и старалась материализовать администрация Рейгана.

В сфере прав политических Белый дом спешил развязать руки карательным и репрессивным органам, снимая даже формальные ограничения, которые были установлены для тех в 70-е годы. В «административном распоряжении» по делам разведки от 4 декабря 1982 г. Р. Рейган санкционировал вмешательство в частную жизнь людей, включая установку потайных микрофонов, подслушивание, насильственные вторжения в дома и т. д. Снимались ограничения на просмотр личной почты граждан США внутри страны и из-за рубежа. То, что делали тайно даже в годы

маккартизма, обретало теперь силу закона. Впервые в американской истории ФБР и ЦРУ получали юридическое право продолжать антиконституционную практику в обход органов юстиции. Разведке давали «зеленый свет» на неограниченный сбор информации об американцах.

В Вашингтоне вообще спешили найти применение немалому опыту по части политических и иных репрессий. Еще тогда, когда Р. Рейган занимал пост губернатора Калифорнии, его ближайший помощник, а ныне советник президента Э. Миз предлагал в случае «гражданских беспорядков» немедля передавать власть национальной гвардии. Текущий руководитель Агентства по управлению страной в кризисных ситуациях Л. Джуфреда еще в 1970 г. предлагал массовое интернирование черных американцев. А сенатор Дж. Ист, один из ведущих республиканцев в конгрессе, прославился тем, что обнаружил «рассадник терроризма» в протестантских организациях США. Ныне Дж. Ист входит в состав подкомиссии сената «по безопасности и терроризму», принявшей эстафету от пресловутой комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности». В мандате нового органа торжествовал маккартизм: «...расследовать растущее число террористических актов... обращать особое внимание на попытки некоторых иностранных держав подстрекать к актам террора, направленным против граждан и имущества США». Уже на втором заседании подкомиссия нашла корень зла. Причиной инакомыслия в стране является, мол, «дезинформация, распространяемая агентами Советского Союза». Правоконсервативный «Фонд наследия» разъяснял: объектом расследований должны быть «коммунисты, широкий круг радикальных американских организаций, организаций «новых левых», группировки противников ядерного оружия, противники увеличения военных ассигнований».

«Терроризм» «терроризмом», а не возродить ли комиссию по расследованию антиамериканской деятельности? Дело проверенное и надежное. Реакционные силы добились поддержки идеи со стороны многих конгрессменов. Не без ведома и участия Белого дома.

Политический облик, практический курс администрации поощряли темную реакцию. Наглели те, кто преследовал прогрессивную культуру, множились случаи изъятия из библиотек произведений М. Твена и К. Воннегута, ряда негритянских писателей и др. В 1981 г. в городке Ворсо (штат Индиана) публично сожгли десятки школьных учебников: нашли их «неподходящими по моральным сообра-

жениям». Книжная цензура приобрела масштабы эпидемии, тревожно писал А. Глассер. Усиливались попытки властей манипулировать судебной системой. В 1982 г. по стране прошли «рейды», напоминавшие разгул реакции в начале 50-х годов. Тогда охотились на «иностраниц», «очищали» Америку от нелегальных иммигрантов, заодно хватали «инакомыслящих» коренных американцев. «Рейган и его последователи не шутят,— обобщал Т. Кэннон в журнале «Политикл афферс».— Они дали четко понять, что намерены демонтировать то, чего американцы добились за последние пятьдесят лет в области либеральных реформ и расширения демократических прав. Для этого им нужно свести на нет прогресс в области гражданских прав и свобод, достигнутый за последние полвека... Им надо укрепить механизм репрессий».

И без того гнетущая обстановка пасиля становилась в США еще тревожнее. Росла преступность. «Естественные» ее причины, неотделимые от социальной сути общества, обострялись делами Вашингтона. Гигантская беззаботница, миллионы опустившихся до нищеты людей — все это делало свое дело. Ночные улицы, случайные прохожие, пустынные шоссе, подъехавшая машина — американцы боялись опасности отовсюду. Правда, ФБР уверяло, что преступность спизилась. Так уж и спизилась? Никак не вязалось это с признанием главы государства: «Мы живем в условиях разгула преступности, которая в 1981 г... затронула примерно треть всех американских семей», — заявил Р. Рейган в сентябре 1982 г. на съезде ассоциации начальников полиции. Что касается наркомании, то в 1981 г. федеральные власти бросили миллиарды долларов на борьбу с ввозом героина. Вели головокружительные по сложности операции, засыпали агентов в банды, использовали новейшую аппаратуру — чего только не делали! Итог такой: помешали нелегальному ввозу лишь 2—5% общего объема потребления наркотика. Примерно 25 млн. человек в США курили марихуану, около 10 млн. пристрастились к кокаину и т. д.²⁴

В американской преступности появились новые черты, усиливались самые жестокие и страшные стороны. Половину убийств в Лос-Анджелесе совершила молодежь до 20 лет. Основной причиной смертности мужчин среднего возраста стали не сердечно-сосудистые болезни и не рак. Убийства. В Нью-Йорке число серьезных преступлений в метро увеличилось в 1981 г. более чем в 1,5 раза. Тем временем давнюю «столицу насилия» обходили Сент-Луис и

Бостон, Сиэтл и Сан-Франциско, тот же Лос-Анджелес. В США появилась новая категория преступников — подростки до 13 лет. А в государственных школах страны свыкались с тем, что учителя ведут урок, прикрыв учебником газовый пистолет. А как же, спрашивается, иначе, если по всей стране ежемесячно происходит 50 тыс. случаев нападений на учителей. С тяжелым сердцем отправляли американские родители своих детей в колледжи — у 80% семей сын или дочь наверняка потянутся к наркотикам.

Осенью 1982 г. Америку пронзила эпидемия страха. Во время праздника «Халлоуин» в полицию пошла лавина сообщений — детям дарят сладости и фрукты с вложенными иглами, бритвенными лезвиями и пр. Еще одна волна страха прокатилась в связи с лекарством «Тайленол», от которого внезапно стали умирать. Выяснилось, что в упаковки кто-то вводил цианистый калий. Люди боялись заходить в аптеки, отказывались лечиться. В Чикаго, где это обнаружилось впервые, на улицы вышли машины с громкоговорителями: сдавайте «препарат» в полицию. Началась истерика. В Сан-Франциско власти молили не выбрасывать «Тайленол» в канализацию, не отправлять очистные сооружения города. Из Вашингтона скомандовали немедленно изъять лекарство из продажи во всех видах. Так и не выяснилось до конца, в чем причины — то ли действуют безумцы, то ли технологические ошибки производства, то ли чудовищные средства конкурентной борьбы за рынок сбыта медикаментов. В любом случае преступность была налицо. Люди-то гибли.

«Мы должны вновь сделать Америку безопасным местом для жизни, особенно для женщин и немолодых людей, которым так часто приходится испытывать страх», — твердил Р. Рейган. Чего стоил призыв, если в стране жила страшная и неконтролируемая сила — свыше 150 млн. пистолетов и ружей в личном владении. А Белый дом срывал попытки ограничить продажу огнестрельного оружия. Около 50 соответствующих законопроектов, внесенных в конгрессе, оставались на бумаге.

Президент еще в предвыборных речах уговаривал избирателей вооружаться ради самообороны. Они и вооружались. Только не все делали это ради самообороны. В 1981 г. сын крупного нефтепромышленника Дж. Хинкли пожелал произвести впечатление на актрису, с которой даже не был знаком. Отправился в Вашингтон убивать главу государства. Выстрелил, попал. Рональд Рейган был серьезно ранен. Для того чтобы купить пистолет, Дж. Хинкли было

достаточно предъявить водительские права, заплатить полсотни долларов. Его родители извели громадные деньги, наняли лучших адвокатов и психиатров, и те показали класс, смешав карты обвинению. Оправдание Дж. Хинкли потрясло всю страну. Но ведь продажа оружия продолжалась. В том же 1981 г. американцы купили более 5 млн. единиц огнестрельного оружия. Подавляющее большинство вела к прилавкам не любовь к оружию — страх за личную безопасность, за близких, семью.

А как на вершине власти, которую сотрясали мощные скандалы в «десятилетие кризисов»? То, что когда-то вело к «Уотергейту», получало дальнейший ход. Сначала до высот предшественников администрации было далеко. Ее скандалы начинались вроде по «пустякам». Сгубила «забывчивость» помощника президента по национальной безопасности Р. Аллена: оставил в сейфе 1 тыс. долл., которые навязывали супруге президента японские журналисты за интервью. «Забыл» и пару дамских часов для нее же. Опозоренному помощнику Р. Рейгана пришлось уйти. При этом припомнили, что он был нечист на руку во многих финансовых делах.

Но «мелочи» кончились. В свое время американский сенат с нелегким чувством утверждал кандидатуру Р. Донована на пост министра труда. Давно знали, что Донован связан с мафией, особенно с кланом Дженоузезе. К тому же фирма, которую он возглавлял до назначения, имела удивительно грязную репутацию, тем более для будущего министра труда. За несколько предшествующих лет ей предъявили 135 претензий со стороны федеральных властей в связи с грубейшими нарушениями техники безопасности и норм здравоохранения. К моменту назначения Р. Донована его же будущее министерство расследовало его же бывшую фирму по ряду случаев дискриминации по признаку расы и пола. Перед голосованием в сенате нашлись люди, призвавшие опомниться, кандидатура, мол, «совершенно беспрецедентна во всей истории назначения на посты членов кабинета». Однако утвердили. «Голосование в сенате означает, наверное, что спадает настрой на повышение юридических критериев к представителям власти, возникший после «Уотергейта», — гадала растерянная «Уолл-стрит джорнэл». На что редактор журнала «Американский юрист» С. Брилл отрезал: «По сей логике президенту надо назначить дона Корлеоне (глава клана мафии в книге М. Пьюзо «Крестный отец».— И. П.) на должность министра юстиции».

Редактор почти попал в точку. Министра юстиции У. Смита уличили в присвоении 175 тыс. долл. вопреки налоговому законодательству. На защиту преступившего администрация встала горой — не сажать же его в тюрьму, как в 70-е годы Дж. Митчела. Зачем создавать традицию, по которой из кабинета главы юстиции прямиком идут за решетку? Такого не допустили.

По нынешним меркам Вашингтона история со Смитом была заурядной. Разоблачения сыпались чуть ли не по алфавиту высших должностных лиц. Летом 1982 г., например, получило огласку дело министра торговли США М. Болдриджа, который вопреки законодательству получал «льготные выплаты» и «премии» от бизнеса. Скопил миллион с лишком. На спекуляциях с ценными бумагами взяли одного из ближайших советников президента — М. Дивера. И уж много раз хватали за руку директора ЦРУ У. Кейси. За тем тянулся бесконечный шлейф сомнительных дел. Исследователям его послужного списка, равно как и сенаторам при утверждении его кандидатуры, пришлось заниматься ими больше, чем политическими взглядами Кейси. Здесь были обвинения в содействии незаконной монополистической практике, в спекуляциях на бирже, финансовых махинациях на выборах (в том числе в непосредственной близости от грязных «политических операций» Белого дома при Р. Никсоне), связях с организованной преступностью. Даже в плалии. У. Кейси любил размах, один только список фирм, которые он консультировал, включал до 120 названий. Оставили У. Кейси на месте. Куда ж его гнать, если он возглавлял крупнейшее с 50-х годов развертывание разведывательных операций США, нанимал тысячи новых людей, добился громадного роста бюджета ЦРУ. Отыгрались зато на помощнике директора М. Хьюджеле, выгнав за неосторожность в биржевых аферах.

Попадались министры, их заместители, помощники. Почти всех оставляли на постах. Не вызвало сенсации сообщение, что министр внутренних дел Дж. Уотт разбазарил много казенных денег. Налоговые нарушения — в них уличили и вице-президента Дж. Буша — становились прямо-таки безобидным делом. Американцы привыкли. И никого не удивил опрос телекомпании «Эй-Би-Си», искающей ответ на вопрос, повторится ли «Уотергейт». «Вполне возможно», — ответили 75% опрошенных. Но и это никого не удивило. Как же менялись времена, и к худшему, как роняли американские верхи престиж власти,

если ожидание преступности на ее вершине становилось нормой, а преступность — правилом.

А пасчет новых «Уотергейтов» американцы оказались правы. Дождались! В середине 1983 г. журналист Л. Баррет опубликовал книгу «Азартная игра с историей», где с фактами в руках доказывал, что в ходе минувшей президентской избирательной кампании республиканцы имели своего шпиона в лагере соперников. Опираясь на беседы с тогдашними сотрудниками республиканского претендента, журналист сообщал, что они регулярно получали из Белого дома «толстенные пачки бумаг», которые помогали составить четкое представление о тактике Дж. Картера, предполагаемых направлениях его критики соперника. Да и в целом о том, что собирался говорить тогдашний президент в ходе предвыборных дуэлей. Тут припомнили, что у истоков новых разоблачений стоит уже упоминавшийся Д. Стокмэн. Еще в конце 1980 г., в день публичных телевизионных дебатов Дж. Картера и Р. Рейгана, он с гордостью заявил, что пользовался «украденной инструкцией» Дж. Картера, дабы получше подготовить своего патрона к предстоящей телевизионной дуэли. В пылу кампании эпизод остался незамеченным, и теперь Стокмэн, понятно, «не припоминал этой речи». Обозначался сюжет крупного политического скандала.

Вскоре выяснилось, что в политический шпионаж было вовлечено фактически все высшее окружение Р. Рейгана — и нынешний глава аппарата Белого дома Дж. Бейкер, и ближайшие советники М. Дивер и Э. Миз, и глава отдела связей Белого дома Д. Герген, и постоянный представитель США при ООН Дж. Киркпатрик. Разумеется, дело не обошлось без многоопытного мастера темных дел У. Кейси. Конфиденциальные материалы демократов были открытой книгой для их соперников. Причем не фигурально, а буквально. Дж. Пауэлл, бывший пресс-секретарь Дж. Картера, подтвердил, что описанная Барретом «черная книга толщиной примерно в три дюйма» и была «нашим основным материалом о внутренней политике», содержащим соображения о ведении предвыборной борьбы. На основании этих материалов в окружении республиканцев вели репетиции предстоящих дебатов по телевидению. Роль Картера исполнял опять-таки Д. Стокмэн.

В Вашингтоне закружила политическая карусель, посыпались новые разоблачения грязных методов политической деятельности. Администрация то набирала в рот воды, открепиваясь от обвинений, то, наоборот, переходила в

наступление, обещая «добраться до сути дела». Но расследование «Рейганайта» поручалось министерству юстиции, где начальствовал давний политический соратник президента У. Смит. То есть расследовали самих себя. В конгрессе начали самостоятельное разбирательство, которое возглавила специальная комиссия палаты представителей во главе с Дж. Элбоста. Быстро выяснилось, что в ходе политического шпионажа в лагере демократов никто из их соперников ни разу, ни при каких обстоятельствах неставил под вопрос «этичность» подобных методов. Строго говоря, по американским меркам в происшедшем не было состава крупного преступления, как это имело место во времена «Уотергейта». Скандалы объединяло одно — грязь политического процесса США.

Масштабы внутреннего неблагополучия в Америке начала 80-х годов помогало понять впечатляющее исследование, появившееся в США к середине президентства Р. Рейгана. Сотрудник Института изучения политики, исследователь-коммунист М. Паренти обобщил громадный объем социально-экономической статистики о положении трудящихся. Было убедительно показано, что внутренние трудности в США усугубляются практически по тем же направлениям, что и в 70-е годы. Помимо известных данных сообщалось и о том, что недоедает свыше 4,5 млн. американских детей, т. е. более половины детей, получающих социальное вспомоществование. Ежегодно из дома убегает до миллиона детей из-за побоев и всяческого насилия со стороны взрослых. В нарушение законов о детском труде почти миллион детей работают по 10 часов в день. Ежегодно 5 млн. рабочих получают производственные травмы; 100 тыс. человек заболевают тяжелыми профессиональными болезнями и еще 100 тыс. преждевременно умирают от таких болезней. Один из шести американцев регулярно принимает успокаивающие препараты, один из 10 — идет к психиатру или к невропатологу. Ненужным хирургическим операциям подвергались до 2 млн. человек и т. д.

Но М. Паренти не увлекался перечислением фактов, стараясь хоть примерно, в общих чертах установить количество американцев, страдающих от внутреннего неблагополучия социальной системы США. «Давайте сложим приведенные цифры, вычтем повторы, произведем следующую корректировку в сторону уменьшения: оставим в стороне 80 млн. живущих ниже «достаточного уровня» как слишком расплывчатую и слишком обширную категорию... оставим в стороне 5 млн. тех, кто получает производствен-

ные травмы, и учтем только 150 тыс. человек, которые получают серьезные увечья на рабочем месте; учтем только половину из 20 млн. полностью и частично безработных (чтобы не дублировать цифры по бедности); будем считать только 10% из тех 1,1 млн. находящихся в различных заведениях престарелых, с которыми плохо обращаются (хотя цифра, вероятно, выше), только 5% из 50 млн. человек, которые пристрастились к кокаину и марихуане на регулярной основе (хотя их число, вероятно, выше), лишь 10% из 37 млн. тех, кто регулярно пользуется предписанными психиатром лекарствами, только 4,7 млн. из 28 млн. женщин, которые получают серьезные травмы в результате нападений на них, лишь 5% из 160 млн., живущих в задолжавших семьях (хотя цифра, вероятно, намного выше). Все равно у нас останется ошеломляющая цифра в 114 689 000 пострадавших. Если мы вычтем еще треть из этой совокупной цифры... у нас останется 76 549 300 человек. Иначе говоря, примерно один из каждого трех американцев страдает от лишений, отчаяния, болезней, наркомании и алкоголизма или изdevательств или посягательств на его жизнь».

«Вот такая счастливая страна... — с болью за свою Америку обобщал М. Паренти. — Вину за все это нельзя возлагать лишь на рейганомику. Все это существует давно... Вопреки заверениям власти мы живем в условиях скрытой катастрофы — социальной патологии поразительных масштабов»²⁵.

КОЛЛИЗИЯ ДВУХ ТЕНДЕНЦИЙ

«Рейган обещал подъем — принес банкротство», — констатировал съезд АФТ—КПП в ноябре 1981 г. Профсоюзы назвали администрацию «самой враждебной интересам трудящихся в новой истории США». При всей своей готовности к «классовому миру», руководство АФТ—КПП не могло закрывать глаза на возмущение масс. У американцев надолго отложился в памяти политический митинг, проведенный в сентябре 1981 г. с участием почти 300 тыс. представителей трудящихся, организаций борьбы за гражданские права, за равноправие женщин, в защиту окружающей среды и т. д. Это была наиболее мощная демонстрация социального протesta против действий Вашингтона в начале президентства Р. Рейгана. Участники митинга сходились в одном — политика администрации в корне против-

воречит интересам трудовой Америки. Митинг по своим масштабам, как и многое другое в жизни страны, напоминал о временах «великого кризиса» 30-х годов.

Пожалуй, главным событием внутренней жизни в следующем году стала демонстрация против ядерной опасности, проведенная 12 июня в Нью-Йорке, в дни работы специальной сессии ООН по разоружению. Коммунисты, радикалы, демократы, республиканцы, пацифисты, борцы за гражданские права, верующие, атеисты, студенты, члены профсоюза — они шли в едином строю, протестуя против растущей военной угрозы. Участвовало до 1 млн. человек. Таких грандиозных выступлений вообще никогда не было за всю историю США. Выдвигались лозунги: «Работа, а не бомбы», «Нет ядерному безумию», «Заморозить ядерное оружие или сгореть в огне катастрофы», «США, прочь из Сальвадора», «Строить жилища, а не бомбоубежища», «Мир женщин — безъядерная зона», «Рейган — это бомба: запретить обоих». Далеко в стороне ходили по кругу десятки сторонников Белого дома с плакатом «Мир — оружие Советов в завоевании мира». Манифестация в Нью-Йорке, ее массовость, разнородность участников, существование требований отразили характер протesta широкой общественности против реакционного курса Вашингтона. Каков был вызов — таким стал ответ.

В начале 80-х годов содержание внутренней жизни США во многом определяла коллизия двух тенденций. Государственная власть во главе с Р. Рейганом старалась сделать все, чтобы ввести жизнь американского общества в консервативно-милитаристское русло, заставить страну поддержать и принять реакционные решения в экономической жизни и социальной сфере. С другой стороны, нарастало сопротивление политике власти, формировалась широкая коалиция социальных слоев, которые так или иначе ущемляли курс администрации. Поднимали голову умеренно-либеральные круги, приходя в себя после проигранных боев прошлых лет. Итоги этой борьбы были сложными, не поддавались поспешным диагнозам. Вполне определенно, однако, обозначилось, что к середине срока президентства Р. Рейгану не удается во всем действовать так, как было задумано вначале. Повернуть на консервативные рельсы в полной мере Вашингтону не давали. Это во многом определяло ситуацию в стране, маневрирование Вашингтона.

Удары экономической реальности разносили в щепу догматы «рейганомики». И противники, и сторонники ад-

министрации не могли не видеть, что Белый дом втягивает страну в рискованную игру, чреватую потрясениями для всего экономического организма США. Даже многие из тех, кого не было, не могло быть в рядах демонстраций протеста, уже к концу первого года правления республиканцев приходили к пониманию авантюризма многих элементов их программы. Не преувеличение. Примерно в то же время, когда проходила сентябрьская манифестация в Вашингтоне, печать бизнеса пестрела заголовками: «Рейганизация экономики — курс крахения»²⁶, «Нарастание недоверия»²⁷, «Рейганизация экономики на пороге пропасти недоверия»²⁸. Был в пабат Дж. Шлессингер, бывший министр обороны и энергетики США: «То, что сделала с государственным бюджетом администрация, войдет в историю как самый безответственный акт нашего времени». «Уолл-стрит джорнэл» регистрировала: доверие к экономической программе Рейгана «приближается к нулю»²⁹.

Росла тревога дальновидной части американских верхов. В январе 1983 г. министры финансов республиканских и демократических администраций 70-х годов М. Блюментол, У. Саймон, Дж. Коннэли, бывший министр торговли П. Питерсон, руководители государственных финансов в 60-е годы Д. Диллон и Г. Фаулер присоединились к требованию 500 деятелей бизнеса и ученых ограничить рост американских военных расходов, расширить социально-экономические функции государства. Известнейшие деятели, понятно, тревожились ради корысти элиты. «Чрезмерные военные расходы могут подорвать необходимую политическую поддержку в стране для последовательного наращивания вооружений», — подчеркивал П. Питерсон. «История учит, что ни одно государство не может вести сильную внешнюю политику при слабой внутренней экономике». Министры указали на опасность военно-политических установок Р. Рейгана, в особенности расчетов на победу в ядерной войне³⁰.

Оснований для тревоги было предостаточно. Не говоря уж о несостоятельности посулов Р. Рейгана в отношении текущей экономической конъюнктуры, нарастали долговременные трудности американской экономики. Даже по официальным прогнозам, в ближайшие годы безработица закреплялась на уровне, который почти в 2 раза превышал среднегодовой показатель «декадия кризисов». Администрация успокаивала, что до середины 80-х годов безработица не выйдет, мол, за пределы 11%. К концу 80-х го-

дов Белый дом обещал «стабилизацию» безработицы на уровне 70-х годов.

Остreichейшей проблемой становился дефицит государственных финансов, созданный главным образом военной программой Рейгана. Вопреки всем посулам властей в 1981 г. дефицит госбюджета не сократился, а увеличился почти в 2 раза и достиг рекордного уровня за всю послевоенную историю США. Держался рекорд недолго. Уже в следующем году дефицит превысил 100 млрд. долл., через год — под 200 млрд. долл. А далее маячила перспектива сохранения дефицитов на этом уровне в течение ряда последующих лет. То есть появлялся наиболее впечатляющий и грозный «рекорд» экономической жизни США в первой половине десятилетия. За пять лет удваивался весь государственный долг США, скопившийся за предшествующую историю страны. «Политика Рейгана ведет к появлению целой вереницы совершенно невиданных дефицитов, превышающих по своим размерам все те дефициты, которые появлялись у американских администраций за 200 лет развития США в мирное время»³¹, — диагностировал положение бывший президент Дж. Картер.

Военная машина поглощала громадную часть государственных ресурсов, обрекая США на ухудшение положения дел в экономике, прежде всего в ее невоенном секторе. Что касается промышленного производства, то было, например, рассчитано: хватило бы всего 7% расходов на военную программу для того, чтобы полностью обновить всю сталелитейную промышленность. За себя говорил основополагающий факт: сумма ожидаемых бюджетных дефицитов приближалась к объему расходов на военную программу Р. Рейгана. Почти каждый доллар, истраченный на военные цели, на столько же увеличил недостачу в государственных финансах США. В известном смысле военная программа администрации Рейгана оплачивалась американским обществом фактически в долг, который в перспективе грозил непредсказуемыми последствиями.

Политика Вашингтона вела к тому, что страна приближалась к середине десятилетия в невиданной бюджетной ситуации. Среднегодовой дефицит США, ожидаемый в 1982—1987 гг., примерно в 6 раз превосходил показатель «десятилетия кризисов» и более чем в 30 раз — дефицит 60-х годов. Государственный долг США увеличился к концу 1983 г. почти до 1,4 трлн. долл. Долг страны при Рейгане возрастал почти в 2 раза.

Дж. Гэлбрейт, светило американской политэкономии,

рассуждал: «На данном этапе общий итог таков — массированный ежегодный отток капиталов из гражданской промышленности ведет к ее очевидному ослаблению, что особенно заметно в отдельных отраслях. Современные военные расходы концентрируются в немногих отраслях промышленности с высокоспециализированными технологическими процессами, обслуживающих ракетное, военно-воздушное и военно-морское производство. Здесь стимулирующий эффект роста военных расходов не вызывает сомнений. Однако этот процесс и одновременные диспропорции распределения ресурсов — технических знаний, капиталов, рабочей силы, расточаемых на ограниченный специализированный сектор экономики, — наносят тяжелый урон тем отраслям промышленности, от которых зависит наше благосостояние и международный престиж. Сосредоточившись на ограниченном числе отраслей промышленности, обслуживающих Пентагон, мы отстали и снизили конкурентоспособность в сталелитейной, автомобильной, текстильной, химической и многих других отраслях промышленности. Разумеется, нельзя сводить общий упадок промышленности к одной-единственной причине. Но нет сомнения, что застой в ее гражданских отраслях является обратной стороной неестественного роста отраслей, связанных с гонкой вооружений»³². Профессор Р. Ликхман подошел еще ближе к сути: «Стремление Рейгана вести дело к конфронтации с Советским Союзом равнозначно курсу на замедление развития невоенной экономики»³³.

Недоверие к «рейганомике» охватило большинство американцев. К середине срока правления республиканцев почти 60% населения не сомневались, что страна идет в «неверном направлении». В таких условиях поднимали бунт даже сторонники Р. Рейгана в конгрессе. Белому дому приходилось биться за каждое новое экономическое решение в развитие своего внутреннего курса. Второй бюджет администрации, который рассматривался в 1982 г., уже во многом был для нее чужим — он составлялся на основе предложений конгресса. Президенту пришлось присоединиться к альтернативному проекту, разработанному его же партией в конгрессе. Рейган признавал, что «экономические неурядицы страны намного хуже, чем он предполагал ранее», для их исцеления потребуется «больше времени и жертв, чем этого хотел бы любой из нас».

Белый дом метался, выхватывал все новые средства из набора скорой экономической помощи, собранного все теми же сторонниками кейнсианства и неокейнсианства.

В среде экономистов, в кругах бизнеса, в американской политике разгорался спор — как меняется «рейганомика», что остается от ее исходных догматов? И остается ли что-то вообще? «За каменной стеной речей о «продолжении курса» в рейганомике происходит тихая революция,— констатировал весной 1983 г. У. Геллер, председатель экономического совета при Белом доме в 60-е годы.— Самым удивительным как для Рейгана, так и для всей страны был поворот от сокращения к расширению федерального сектора в ходе его президентства. Федеральные расходы неуклонно повышаются в прямом противоречии с его намерениями, но вместе с тем — как прямое следствие его действий».

К середине срока своего президентства Р. Рейган на-прочь отказался от замыслов сбалансировать государственный бюджет — нараставшие дефициты превращали это в нелепость. Отнюдь не все получалось у администрации с идеей сокращения налогов, с политикой ограничения поступавшей в обращение денежной массы. Экономист Института Брукингса Г. Бэртлесс констатировал: «Рональд Рейган пришел к власти со стремлением к революционной (точнее — контрреволюционной.— И. П.) реформе социального обеспечения, но истекшие два года принесли лишь скромные изменения в этой системе». На сильное сопротивление в конгрессе, в штатах, в местных органах власти натолкнулась программа «нового федерализма». Многое говорило за то, что Белый дом в значительной мере возвращается к прежним методам государственного регулирования экономической жизни. Обсуждая все это, ученый мир фехтовал концепциями, соизмеряя их с практикой, сыпал терминами, понятиями, оценками. Это заслуживало, наверное, отдельного разбора, равно как и зигзаги экономической тактики Р. Рейгана. Но то была тактика — о ней и спорили.

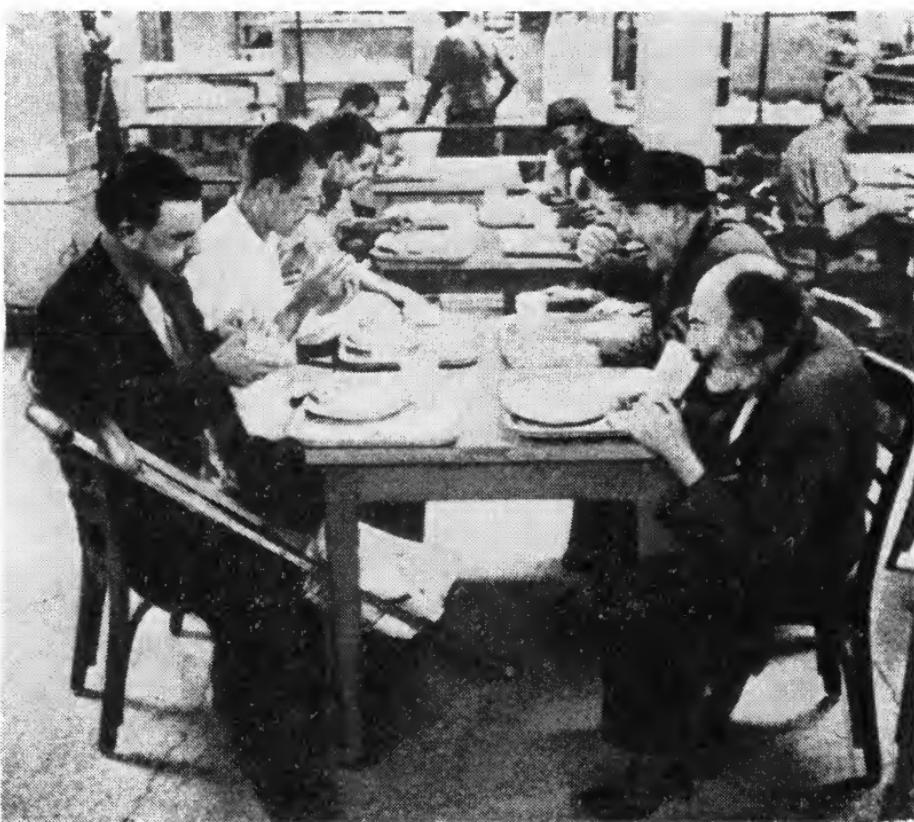
Споры не заслоняли главное. Администрация настойчиво гнула свое на ключевых направлениях внутренней жизни. Белый дом старался не уступать и пяди в своей военно-экономической политике. А если уступал, то лишь в самом малом, сопротивляясь даже минимальным изменениям военной программы. Да и то не сейчас, а в отдаленном будущем. К тому же военное строительство осуществлялось с таким запасом, что Пентагону не составляло труда создать иллюзию «экономии», сбрасывая миллиард-другой с триллионных сумм. С другой стороны, администрация по-прежнему целенаправленно тормозила прак-

тически все социально-экономические программы. Сохранилось, наконец, существование курса на перераспределение национальных ресурсов в пользу социальной элиты, усиление социального неравенства. Все это составляло стратегию «рейганомики», суть деятельности консервативно-милитаристских сил. И тактические зигзаги Вашингтона не меняли его стратегии.

...Начало 1982 г. Вносится очередной проект экономического бюджета США. Белый дом требует новых сокращений социально-экономических программ в размере 25 млрд. долл. А рост ассигнований на военные расходы более чем в 1,5 раза превышает сумму сокращений на социальные программы. Следующий, 1983 год. Смысловым ядром послания президента «О положении страны» становится идея замораживания роста федеральных расходов. Включая военные? Ну нет! Напротив, предусматривалось их увеличение на 9% (в постоянных ценах). И тут же, буквально через несколько абзацев послания, президент сетует: «Слишком для многих наших граждан — фермеров, рабочих сталелитейной, автомобильной, деревообрабатывающей отраслей, для черных юношей, для работающих матерей, — слишком для многих нынешние времена остаются трудными. Мы должны сделать все, что в наших силах, для прекращения этих испытаний». Так что сделать? А ничего. Наоборот, практически по всем невоенным статьям бюджета намечаются сокращения свыше 40 млрд. долл.

В делах Вашингтона, всегда пересыпанных демагогией, стало больше откровенной лжи. Атаковать в лоб права трудящихся стало теперь сложнее, рискованнее. Приходилось изворачиваться, подтасовывать факты, вновь и вновь вводить страну в заблуждение. Проект бюджета США, появившийся в январе 1983 г., нестрел словами «озабоченности» положением нуждающихся американцев. «Озабоченности»? За дело взялась экономическая группа редакции «Нью-Йорк таймс» — там не хотели брать на веру предложение президента. И не зря. «Посчитайте вместе с нами, — приглашала газета. — Белый дом предлагает увеличить на 3 млрд. долл. программу субсидий на профессиональное обучение, на 2 млрд. долл. увеличить помощь безработным «по сравнению с прошлогодними предложениями администрации». Солидный рост, верно?

Неверно. В действительности готовится совокупное сокращение обеих программ на 400 млн. долл. Ключ к обману — в оговорке насчет «прошлогодних предложений». То-

Жертвы
«рейганомики»

гда-то речь шла о сокращениях почти на 3 млрд. долл., но конгресс помешал администрации, сохранив в основном прежнее положение. Теперь предлагалось больше, чем в истекшем году, но гораздо меньше, чем было истрачено реально. Далее, субсидии на питание детям бедных объединились в единую программу, которая сокращалась на 15 %. Сокращение, мол, будет перекрыто экономией за счет повышения эффективности в распределении помощи. На деле, однако, сокращения составляли едва ли не четверть «объединенных программ». «При чем тут декларации о необходимости жертв в условиях экономических неурядиц? Это не то слово,— возмущалась «Нью-Йорк таймс».— А правильно — обман»³⁴.

Жульничество или обман, большая ложь или грабеж, модификация «рейганомики» или возврат к прежним рецептам политэкономии — как бы ни называли в США манипуляции программы Рейгана, неоспоримым оставалось одно: в конкретно-исторических условиях США подтверждалось, что углубление всеобщего кризиса капитализма развивается прежде всего в русле воинствующего антигуманизма.

АМЕРИКАНЦЫ ЗА ПОБЕДУ РАЗУМА

Антигуманизм пронизывал и военно-политический курс администрации. Ради гегемонии США в мире на карту ставилась проблема безопасности не только американцев, но и всей мировой цивилизации. Социальные верхи и низы американского общества неодинаково подходили к проблеме. Люди честного труда рассуждали примерно так, как говорил об этом один из крупных профсоюзных деятелей У. Уинпесингер. «Курс администрации Рейгана на войну не только угрожает нашему будущему. Уже сегодня миллионы безработных стали его жертвой. Ибо он привел к экономическому кризису, парализовав целые отрасли не военной промышленности. Я не знаю ни одного рабочего, который получил бы выгоду от гонки вооружений. У нас много говорят о правах человека, но хотят отнять главное, незыблемое право — право на мир». А реалисты на верху социальной лестницы видели: ядерная катастрофа, стань она явью, погубит Америку как организованное общество. Капиталистическое, конечно. Чего допустить никак нельзя. Отсюда клич Роберта Макнамары, ведущего деятеля военной политики США 60-х годов: «Самой большой угрозой

зой будущему Соединенных Штатов является угроза ядерной войны; мы должны уменьшить этот риск...» Этого требовал именно Макнамара, руководивший наиболее крупным до времен Р. Рейгана наращиванием военного потенциала США. Страх перед угрозой катастрофы, которую приближала к Америке политика Белого дома, объединял представителей всех слоев населения в протесте против авантюризма Вашингтона.

Человек, хорошо знающий отношение в стране к гонке вооружений, П. Уорнке рассказывал: «Покинув государственную службу в 1979 г., я много раз выступал за пределами Вашингтона, был почти что во всех частях США. И должен сказать, что к моим выступлениям проявляли интерес, но реакция в общем-то была вялой. Все иначе сейчас. Когда официальные представители США заводят речи об ограниченной ядерной войне, люди тут же начинают думать»³⁵. Спустя год после прихода Р. Рейгана к власти опросы показывали, что большинство американцев не верит в «ограничение» ядерной войны. Почти все считали, что шансов уцелеть не будет. «Население категорически не согласно с политикой Рейгана в области ядерных вооружений», — указывал Институт Гэллапа. Свыше 70% опрошенных делали выбор в пользу переговоров с СССР о разоружении вместо дальнейшего наращивания ядерного потенциала США. В начале 1983 г. большинство в Америке не скрывало тревогу — Белый дом «может вовлечь нас в крупную ядерную войну».

С небывалой быстротой росли антивоенные организации. О том, как это было, рассказывали на своем примере супруги Г. Чассмен и Р. Бэм. В начале 1981 г. они основали «Североизападную коалицию за ядерное разоружение». Сначала членов было двое, они сами. Первое мероприятие в родном городке Солсбери. «Политическое собрание началось 16 апреля в 8 часов вечера, а минут через сорок в зале негде было поставить ногу. Люди стояли, прижавшись друг к другу, занимая каждое место, каждый свободный клочок пола. Представлены были все — от подростков до людей старше 70-ти, от джентльменов в лучших костюмах до людей в рабочих спецовках. Подавляющим большинством собрание высказалось за уменьшение ядерной угрозы». Вскоре организация уже пользовалась известностью в целом ряде штатов северо-востока США, затем приобрела общенациональную известность.

Организация «Граунд зиро» («Нулевая отметка» — точка под ядерным взрывом) появилась в июне 1981 г. Ее ос-

нователь Р. Моландер ставил задачу помочь американцам понять весь ужас ядерной войны, необходимость борьбы за ликвидацию угрозы. Он был видным военным экспертом, работавшим в Пентагоне и Совете национальной безопасности. Моландер вспоминал, что зачеркнуть прежнюю карьеру, помимо прочего, его заставило совещание в Пентагоне, где некто вещал: «Люди рассуждают так, будто ядерная война означает конец света, хотя в действительности погибнет всего лишь 500 млн. человек». Всего лишь 500... Я помню, как я несколько раз повторил самому себе: «Всего лишь 500 млн. человек...»³⁶ В апреле 1982 г. «Граунд зиро» организовала неделю протеста против ядерной опасности по всей стране. Участие приняли фактически все антиядерные организации США, проводившие мероприятия в 750 городах, 450 колледжах и университетах, 1 тыс. средних школ. Во многих городских советах шли открытые слушания по единственному вопросу — что произойдет с этим конкретным городом в случае ядерного взрыва.

После объявления долгосрочной военной программы Р. Рейгана потеряли выдержку американские клерикальные круги. Церковь не хуже, если не лучше, политиков знала о настроем масс. В конце 1981 г. 36 католических епископов выступили с заявлением — «гонка вооружений грабит бедных», ядерное оружие «аморально». Совет баптистских церквей США призвал к ликвидации всего ядерного оружия. Идею замораживания ядерного оружия поддержал Национальный совет церквей, представляющий религиозные организации десятков миллионов американцев. Весной 1983 г. католические епископы США на конференции в Чикаго высказались за прекращение испытаний, производства и развертывания нового ядерного оружия. С церковных амвонов Америки для 50 млн. католиков разносилось пасторское послание мира. Ядерная война приравнивалась к «смертному греху». Ход мыслей верующих неплохо выразил 72-летний житель Калифорнии Г. Барнхил: «Не понимаю, как мы можем верить в бога, если мы верим в ядерное оружие». Г. Барнхил собрал больше всех подписей в поддержку петиции за замораживание ядерных вооружений.

Не каждая организация, выступавшая против ядерного авантюризма Вашингтона, боролась с позиций пацифизма. Президент «Союза встреможенных ученых» Г. Кендалл отвечал категорическим «нет» на вопрос, пацифист ли он. «Дело в том, что Америке нужна сильная и надежная обо-

рона, но не такой военный потенциал, который приведет к катастрофе для нас самих». На пресс-конференциях, состоявшихся одновременно в Вашингтоне, Бонне и Лондоне, союз призывал США и другие страны НАТО взять на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми. Требование выдвигалось от имени 100 с лишним тысяч американских ученых, включая целую плеяду лауреатов Нобелевской премии, а также участников «проекта Манхэттен», создавших американскую атомную бомбу в 40-х годах. Они доподлинно знали, что такое ядерное оружие. Наверняка не хуже последствия войны представляли себе американские медики, объединенные в антивоенную организацию «Врачи за социальную ответственность». Организация — свыше 20 тыс. работников медицины — пользовалась огромным влиянием, разъясняла последствия войны для людей, атмосферы, природы, всего живого и неживого на планете.

Центральной политической идеей антивоенного движения США в начале 80-х годов стало замораживание ядерного оружия. Впервые во весь голос об этом сказали в январе 1980 г. на встрече представителей ряда американских общественных организаций в городке Нэк штата Нью-Йорк. С места поднялась сотрудница Института исследования обороны и разоружения в Массачусетсе Р. Форсберг. Надо стремиться, сказала она, к замораживанию ядерных арсеналов США и СССР, полному прекращению наращивания и совершенствования ядерных вооружений всех видов. Движение перекинулось в другие штаты, распространилось по всей стране. Весной того же года его сторонники в Калифорнии собрали в два с лишним раза больше подписей в поддержку замораживания, чем планировали. Пришли промежуточные выборы 1982 г. Вопрос о замораживании был поставлен на голосование в девяти штатах. Победа везде, кроме одного штата. Проводился, по сути, наиболее крупный референдум по вопросам войны и мира в истории Соединенных Штатов. Антивоенные, антиимпериалистские требования выходили в центр американской политики.

Напору общественности уступал конгресс. Пророчество Р. Форсберг, предсказавшей, что к 1983 г. 180 членов конгресса США поддержат ядерное замораживание, сбылось раньше — уже в марте 1982 г. сенаторы Э. Кеннеди и М. Хэт菲尔д внесли законопроект о замораживании, поддержанный более чем 190 законодателями. Летом того же года вопрос о замораживании был поставлен на голосо-

вание в палате представителей — до победы не хватило двух голосов. А ранее, в апреле 1982 г., последовало новое подтверждение мощи миролюбивых сил. Президент Р. Рейган, убеждаясь в глубине антивоенного настроя, решил... встать в один ряд с теми, кто выражал протест против ядерной войны. «Я с вами», — заверил он. Демагогия, но говорило это о многом. В мае 1983 г. палата представителей США приняла резолюцию, призывающую к замораживанию ядерных арсеналов.

Движение миролюбивых сил становилось общечисленной силой без стройной системы единых взглядов. Что сводило воедино его участников? Во-первых, понимание громадных масштабов созданного потенциала уничтожения, бессмыслинности надежд на выживание в глобальной катастрофе. Во-вторых, настрой на неотложные практические дела в сдерживании гонки ядерных вооружений. В-третьих, протест против невиданного крена Вашингтона в сторону милитаризма, стремление выпрямить государственные приоритеты США в пользу решения задач невоенного характера. Все это так или иначе противоречило практике и философии консервативно-милитаристских сил США. Советские исследователи констатировали: «...едва ли не главная особенность нынешнего этапа движения миролюбивых сил Соединенных Штатов — активное участие в нем тех кругов американского общества, которые традиционно либо вообще стояли в стороне от политической жизни, либо поддерживали официальный внешнеполитический курс Вашингтона, занимая по большинству вопросов резко антисоветские и антикоммунистические позиции. Вовлечение этих кругов в антивоенное движение, конечно, не означает, что они превратились в друзей Советского Союза. Однако они не могут не видеть существенной четкой грани между политическими спорами и идеологическими разногласиями, с одной стороны, и жесткой военной конфронтацией, ставящей мир под угрозу всеобщей ядерной катастрофы, с другой»³⁷.

Так оно и было. Много лет, например, отмалчивался тот же Р. Макнамара. Но вот весной 1982 г. с ним встретился журналист «Лос-Анджелес таймс». Вопрос: «Я брал интервью не только у вас, но и у нескольких сот других людей и могу сказать, что все чаще в отношении военных стратегов начинают употреблять выражения «сошли с ума!» или «безумцы!». Как это случилось, почему?» Да потому, признался Макнамара, что «потенциальные жертвы — простые люди до сих пор не были вовлечены в обсуждение

ядерной проблемы. А пора бы их вовлечь»³⁸. И вовлекал бывший министр — громадной стала ядерная угроза. В начале 1982 г. Р. Макнамара вместе с М. Банди, Дж. Кеннаном, Дж. Смитом — видными деятелями послевоенной политики США — призвал США и страны НАТО принять предложения СССР относительно неприменения ядерного оружия первым. Тревожные речи вел ведущий авторитет ветеранов «холодной войны», бывший государственный секретарь Д. Рэек: «Все мы находимся в одной лодке — и либо вместе погибнем, либо вместе выживем».

Американцев будто прорвало. Встревожились, вышли на трибуны, взялись за перо те, кто раньше молчал по правилам службы, например профессиональные дипломаты, послы, военные деятели США. Набирала силу острая общенациональная дискуссия о настоящем и будущем внешней политики США. Выявлялось ее смысловое ядро — бесперспективность и опасность курса Р. Рейгана. Прежде всего для самих США. Американцы рассматривали этот курс со всех углов зрения, не находя утешительных итогов.

Еще летом 1981 г. лидер демократов в сенате Р. Бэрд, человек давних антикоммунистических убеждений, предупреждал: «Политика, которая строится исключительно на идее противоборства с Советским Союзом, обречена на провал и может нанести ущерб нашим национальным интересам... Критерием успеха любой внешней политики является понимание всей суммы потенциальных угроз для национальной безопасности, содействие ослаблению напряженности в мире. Пока что внешняя политика американского правительства оказывала как раз противоположное действие. Она способствовала созданию гораздо более опасного международного климата по сравнению с тем, который существовал до ее прихода к власти». Такие взгляды становились общепризнанными в широких кругах общества. Равно как и точка зрения крупного американского международника Р. Барнета, который уже в первые месяцы правления республиканцев дал правильный прогноз: «Если в начале 80-х годов не будут достигнуты соглашения о прекращении вооружений, Америке предстоит жить в гораздо более опасном и неуправляемом мире, взять на себя тяжелые финансовые обязательства, встретиться с угрозой войны. Так не будем же теплить себя иллюзией, — взывал учений к Вашингтону, — что Советский Союз примет любые наши условия, если станет большие нацеленных на него ракет. Не дано нам вести дело с таким СССР, как он видится нам в мечтаниях».

Действительно, не дано — сожалели опытные практики: бывший посол США в СССР Т. Уотсон и бывший временный поверенный в делах США в СССР М. Гаррисон. «Те, кто, уподобившись детям, играет с ядерным оружием или все еще лелеет надежду, что США смогут запугать Советский Союз или подчинить его себе, а в случае, если этого не удастся сделать, смогут начать и выиграть ядерную войну,— эти люди, сознательно или нет, влекут нас к катастрофе». Присовокупил свой голос бывший посол США в СССР М. Тун, назвавший погоню за военным превосходством «абсолютно нереальной национальной задачей». Политическая мысль реалистической части американских правящих кругов, ее научного авангарда поднималась и выше. Усиливались сомнения в правильности сложившихся стереотипов об отношениях с СССР. «Хотим мы этого или не хотим, Советский Союз стал законной великой державой с соизмеримыми с нами интересами и обязательствами в мировых делах. Советский Союз добился политического равноправия с США на международной арене»,— писал в этой связи профессор С. Коэн.

Лавина мнений нарастала. Америка бурлила. Очень немного находилось людей, которые могли бы с фактами в руках доказать, что политика Р. Рейгана несет только лавры в отношениях с союзниками. «Европейцы, несомненно, все больше нервничают из-за того, что наш ковбойский подход к вопросу о первенстве в ядерной области может в конце концов вовлечь их в войну»,— определил суть М. Шульман, директор Института по углубленному изучению СССР. «В области внешней политики Рейган вносит раскол в НАТО, повторяет в Центральной Америке ошибки, которые мы уже допустили во Вьетнаме»,— настаивал бывший сенатор Дж. Макговерн. Он говорил это и в новом качестве, претендую на пост президента США на выборах 1984 г. И прав был Дж. Чейз, редактор-управляющий ведущего внешнеполитического журнала «Форин Аффэрз», который предупреждал еще в начале правления республиканцев: «Антисоветизм как основа политики отдаляет нас от союзников, глобальное военное сдерживание выматывает наши силы... Стремление к военному превосходству чревато таким отвлечением ресурсов на военные цели, которые неотделимы от снижения жизненного уровня населения по мере ослабления гражданских сфер экономики»³⁹.

Мнения, встревоженные речи, призывы к здравому смыслу... Выступает старейшина американских «совето-

Протесты
против ядерной
войны в США
и Западной Европе

логов» Джордж Кеннан, отчеканивший в конце 40-х годов формулу «сдерживания СССР»: «...в войне с применением ядерного оружия победы быть не может. Я даже сомневаюсь, можно ли вообще эти ядерные устройства назвать оружием». Дж. Кеннан предлагает сокращение ядерных потенциалов СССР и США наполовину⁴⁰. Через несколько месяцев Институт Гэллапа сообщает мнение американцев — 75% населения поддерживают идею. Первый же политический деятель, который объявил о намерении выставить свою кандидатуру на пост президента США, сенатор-демократ А. Крэнстон заявил, что задача ядерного разоружения будет «наиглавнейшей» в его предвыборной кампании. За ним последовал бывший вице-президент У. Мондэйл, который тоже выдвинул вперед задачу уменьшения риска войны. Выступления кандидатов давали тон предстоящей избирательной кампании 1984 г.

Небывалое внимание к безысходной погоне за «ядерным первенством», высота волн протesta против авантюризма Вашингтона отражали перелом, произошедший в сознании американского общества в начале 80-х годов. В центре внимания американцев оказался основной вопрос современности — о войне и мире. На смену озабоченности, которую они всегда испытывали в отношении опасности войны, пришла щемящая тревога. Этот перелом произошел в условиях, когда не было никакой военной угрозы безопасности США, когда страна не участвовала в войнах. Отсюда уникальность момента.

У милитаризма США и раньше были трудные времена. На рубеже 60—70-х годов в общественном фокусе находилась агрессивная война США в Юго-Восточной Азии, служившая катализатором протеста против интервенционизма правящих кругов за рубежом. Широкие массы американцев требовали сокращения военных расходов, ограничения зарубежных военно-политических обязательств. То было, однако, сопротивление важным, но все же отдельным сторонам американского милитаризма. Угроза ядерной катастрофы не бросала свою тень на американское общество в столь грозных очертаниях, как это произошло в начале нового десятилетия. Исследователи Р. Браунштейн и Н. Истон нашли точные слова: «С его жесткой линией в отношении СССР, страстью искать руку Москвы в любой точке земного шара, своими вольными заявлениями о применении ядерного оружия Р. Рейган сделал проблему контроля над вооружениями проблемой каждойдневной жизни американца»⁴¹. Вот именно.

* * *

В Соединенных Штатах дал трещину культ ядерного оружия и ядерной силы — святая святых политики Вашингтона со временем атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Под сомнение ставилось то, что десятилетиями пытались превратить в норму все правящие администрации США послевоенного периода. Сознание американцев подходило к новому рубежу в понимании губительности гонки вооружений. В стране впервые столь отчетливо услышали призыв социалистических стран, всех миролюбивых сил — люди, объединяйтесь, поднимайтесь на борьбу с угрозой войны. Все это помогало американскому обществу, ослепленному обожествлением ядерного оружия, выходить из долгого политического затмения, увидеть долг человека в ядерную эпоху в необходимости действий для предотвращения катастрофы.

В МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Благодать снизошла бы к Америке, если бы стали явью декларации ее лидеров. Если бы сбылись, к примеру, слова президента Дж. Адамса, сказанные в начале XIX в., о грядущем превращении США в «арену, где будет сосуществовать наука, добродетель, свобода, счастье, слава». Или вот этот, век спустя, крик души президента В. Вильсона: «Америка высоко поднимет светоч свободы и справедливости над заблудшим, страждущим миром». Или эти надежды президента Г. Гувера (за год до «великого кризиса» 30-х годов): «Мы узрим с божьей помощью свет того дня, когда бедность навечно исчезнет с земли нашей». Или политическая живопись президента Л. Джонсона: «Великое общество несет каждому изобилие и свободу. Оно положит конец бедности и расовой несправедливости... Это такая обитель, где каждый ребенок пайдет знания для обогащения ума и развития талантов... где досуг — желанная возможность для созидания и мысли, а не отталкивающая юдоль тоски и тревог».

А если вернуться в день сегодняшний? Президент Р. Рейган: «США никогда не вмешивались и не будут вмешиваться в дела других стран». Он же: «В истории человечества никогда и никто не старался сделать больше — и не сделал больше — для тех, кто оказался в нужде, чем мы, американцы. И наша администрация всецело привержена продолжению этой традиции». А вот еще: «Для нашей администрации нет ничего важнее, чем продвижение вперед в области контроля над вооружениями... Предотвращение конфликта и сокращение вооружений являются самыми важными государственными задачами современной эпохи». Автор тот же. С каким искренним, огромным уважением относились бы к Америке во всем мире, если бы стали реальностью все эти слова!

Но это лишь слова. И слова пустые — от холодных расчетов людей, знающих, что обещать. Нет благодати в Америке. Нет достатка для каждого. В помине нет равенства. Нет истинной свободы. Нет справедливости. Не помогает

бог искоренить бедность. И непскоренима болезнь расизма. Не светоч разума возносит американский империализм в мировых делах, а тянетя повыше поднять дубину военной мощи. И не творческий, созидательный след оставляет людям будущего, а бросает на последнюю треть века зловещую тень ядерного гриба.

Любой отрезок американской истории насыщен социальными взрывами, бесчисленным множеством трудностей, всегдашним стремлением присвоить чужое за пределами собственных границ. Проблемы остаются открытыми или загоняются внутрь, чтобы спустя какое-то время с новой силой и в новой форме напомнить о себе.

Нисходящее движение капитализма США стало круче в последние 10—15 лет. Зримо проявляются закономерности, подчеркнутые Ю. В. Андроповым: «Что касается мира капитализма, то мы являемся свидетелями значительного углубления всеобщего кризиса этой общественной системы. Все более теряют эффективность методы, с помощью которых капитализму удавалось поддерживать относительную стабильность своего развития в послевоенный период. Все яснее становится: империализм неспособен справиться с социальными последствиями небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции, когда миллионы и миллионы трудящихся обрекаются на безработицу, на нищету. Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах»¹.

В 1982 г. группа ученых Стэнфордского исследовательского института в Калифорнии подготовила масштабный прогноз «Семь сценариев будущего. На пути к сознательному построению истории». Устанавливая точки отсчета для анализа перспективы, эксперты старались определить главное в развитии США в «послевоенный период» (1945—1973 гг.) и в последующие годы (вплоть до 1980-го). Получилось следующее. Вместо «снижающихся цен на ресурсы» в 1945—1973 гг.— «растущие цепы на ресурсы, геофизические и политические ограничения в снабжении» в 1973—1980 гг. Вместо «развивающейся экономики, низкого уровня инфляции, высоких темпов роста производительности труда, умеренно растущей задолженности» — «застойная экономика, очень высокий уровень инфляции, прекращение роста производительности труда, неумеренный рост кредита». Вместо «веры в общественные институты и социальный прогресс» — «цинизм, сомнения и всеобъемлющий пессимизм, растущие социальные

расхождения в ценностях и образе жизни». «Растущая преступность» получила дальнейшее развитие в «росте числа тяжких преступлений, пааноидной культуре». Итоги подвел последний элемент сопоставления — представления о перспективе. На место «предсказуемого будущего» пришло «будущее непредсказуемое»².

Что добавить к этой картине, отражающей целый этап американской истории нынешних тревожных лет? Кое-что добавить необходимо. Происходящее во внутренней жизни и внешней политике США в 70—80-е годы дает основание для широких выводов относительно некоторых общих особенностей, присущих этой стране на современном этапе всеобщего кризиса капиталистической системы.

Во-первых, это — универсальный характер кризиса. Он отличается наиболее мощным за всю историю американского империализма проникновением кризисных явлений вширь и вглубь, во все сферы социальной практики буржуазного общества. Это не только кризис капиталистического способа производства, хотя здесь он достигает особого размаха. Явно переплетаются циклические и длительные отраслевые нарушения производства, кризисы в добывающих областях в силу нехватки или вздорожания сырьевых ресурсов, разлад в сфере обращения в форме инфляции, кредитно-финансовых и валютных кризисов. Неблагополучие, однако, выходит за рамки традиционных параметров и отдельных областей социального организма. Поражена вся совокупность человеческих отношений — труда, образования, морали, политики, культуры, всего образа жизни человека.

Другая особенность связана с обострением проблемы личности. Нынешний этап кризиса капитализма принял ярко выраженные антигуманистические формы. Ныне трудащиеся американцы, как никогда раньше, безуспешно пытаются реализовать неотъемлемые права человека — на труд, на свободу и равенство, на образование, жилище и т. д. «Капитализм лишает подавляющее большинство наших граждан возможности реализовать американскую мечту о праве каждого на «жизнь, свободу и стремление к счастью». И причина этого в том, что движущей силой капитализма является — и может являться — только бесконечное накопление личного богатства, а не удовлетворение потребностей народа»³, — подчеркивает Коммунистическая партия США. Не выявление дарований личности, не развитие разумных человеческих потребностей, не укреп-

ление связей между людьми, наконец, не превращение человека в хозяина своей судьбы, а дальнейшее подавление и порабощение человека, рознь между людьми в самых различных формах и проявлениях. К этому сводится вся сумма отношений эксплуатируемого американца с окружающей его социальной средой.

Одна из характерных особенностей нынешнего кризиса капитализма — небывалые масштабы милитаризма. Милитаризм лишает американцев громадных материальных ресурсов (свыше 500 млн. долл. в день), еще больше сужает возможности решения острейших социальных проблем. Лучшие силы общества, его интеллектуальный и научно-технический авангард растрачивают творческий потенциал на создание средств уничтожения во имя аморальных целей. Военное производство в растущей мере влияет на развитие капиталистической экономики. На службу милитаризму ставится грандиозное достижение человечества — современная научно-техническая революция. В сознание американцев вдлабливаются идеи превосходства над другими народами, необходимости насилия для решения международных задач США. Это составляет важнейшие черты современного милитаризма США.

Но главное сейчас в том, что американский милитаризм несет смертельную опасность цивилизации. В истории еще не было социальной силы, которая бы угрожала гибелью каждому живущему человеческому индивиду независимо от его социальной и национальной принадлежности, цвета кожи, места жительства, возраста, убеждений и т. д. Таких материальных возможностей для разрушения не имел германский фашизм в середине XX в. Глобализация империалистической угрозы, всемерное использование человеческих знаний в целях, сопряженных с уничтожением цивилизации,— это ли не высший антигуманизм?

С этим связана и другая сторона социальной практики империализма США — небывалый ущерб, который наносит международным отношениям «крестовый поход» Вашингтона. Год за годом все больше подтверждается, что па прицел американского милитаризма взят не только СССР, социалистический мир, но и огромная зона развивающихся стран, а также отношения в рамках капиталистической системы. Ведь факт — США стремятся развалить неподходящие для них реальности всюду, где не встречают отпор. Никому не идут на пользу попытки Вашингтона ликвидировать в мировой политике то лучшее,

что создано в предыдущие годы и десятилетия. Дестабилизировать, дезорганизовать межгосударственное общество, свести его к военному соперничеству. Подорвать и поставить под вопрос решение проблемы войны и мира, ограничения гонки вооружений. Наконец, вести дело к тому, чтобы каждый район мира, в особенности Европа, теряли и без того хрупкий уровень безопасности, чтобы тлеющие очаги конфликтов превращались в огнедышащие вулканы.

Именно такой ценой, однако, обходится международному общению курс империализма США. В итоге — небывалый накал напряженности в мировых делах. Практика администрации Рейгана дает все основания сказать — антагонизм политики империализма и коренных интересов народов достигает наивысшего уровня после второй мировой войны.

Отсюда и невиданная по масштабам, глубине морально-политическая дискредитация американского империализма. Это еще одна неотъемлемая черта его кризиса на современном этапе. Отказываясь, например, поддержать Декларацию об осуждении ядерной войны, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1983 г., Вашингтон бросил вызов каждому здравомыслящему человеку. Ведь с чем не согласен Белый дом? С тем, что «самым глубоким чаянием миллиардов людей, населяющих землю, является предотвращение ядерной катастрофы». С тем, чтобы решительно и безоговорочно осудить ядерную войну, как «противоречащую человеческой совести и разуму, как самое чудовищное преступление против народов, как попрание первейшего права человека — права на жизнь». Тогда же, в декабре 1983 г., в ООН не нашлось ни одного государства, выступившего против недопустимости милитаризации космоса. Кроме Соединенных Штатов! Они же выступили против замораживания ядерных арсеналов, идеи поистине всемирной, которую в самой Америке поддерживало уже до 85% населения.

Вот оно — глухое кольцо изоляции милитаризма США по вопросам войны и мира, его растущее отчуждение от американского народа, всего миролюбивого человечества. Поэтому понятна горечь американцев, даже из социальной элиты, которые прозревают и видят, чему ныне служит мощь Соединенных Штатов. «Президент Рейган намного приблизил наш мир к ядерной войне», — подчеркнул главное американский публицист Р. Даггер. А виднейший идеолог Америки, один из лидеров ее историче-

ской науки А. Шлезингер — человек очень трезвый и далекий от преувеличений, открыто поставил в один ряд с фашизмом международный террор Вашингтона. «Неужели Гитлер — образец поведения для Америки?» — подводил он итог.

Во времена Рональда Рейгана, если брать широко, речь идет о целенаправленной, упорной борьбе милитаризма США против стремления цивилизации к самосохранению. Разве люди забудут такое? И чем дольше длится эта борьба против мирного будущего Земли, тем будут выше волны протеста. Тем безжалостнее придавит Вашингтон тяжесть исторической ответственности.

Америка нынешних тревожных лет — это на редкость отчетливая демонстрация связи, единства кризиса общественной системы и практики империалистической реакции. Политика «социального реванша», осуществляемая администрацией Рейгана, — это попытка сбежать в прошлое, когда дела внутренние и внешние у Вашингтона вроде бы шли лучше, или, по крайней мере, так казалось. Во всяком случае, бегство в те времена, когда силы мира и прогресса не обладали такими возможностями на международной арене, как сейчас. Но кто пустит Америку в прошлое, даже если станет явью невозможная «машина времени»... Восходящая «звезда» политического небосклона США — молодой сенатор-демократ Гэри Харт в своей книге «Новая демократия» верно схватил суть: «Проблема, стоящая ныне перед нашей политической системой и перед нашими политическими партиями, состоит в необходимости приспособиться к огромным переменам как в национальном, так и в международном масштабе». Вот от этой проблемы — поистине неумолимой и неизбежной — и ищет спасения Белый дом Рональда Рейгана.

Но реальности в мире будут вновь и вновь возвращать Вашингтон к необходимости выбора в пользу разума. При всей военной и экономической, в целом материальной мощи США, которая в абсолютном выражении конечно же наибольшая за американскую историю, этой мощи противостоит теперь великий потенциал сил мира. Силы мира обладают ныне такими возможностями, с которыми еще ни разу не сталкивалась империалистическая реакция в своих предыдущих попытках штурмовать исторический процесс.

Прежние, наиболее тяжкие периоды империалистического патиска на социализм объединяло одно — перевес, и вначале подавляющий, мировой реакции в силе. В особенности военной. Так было, например, в период Брест-

Литовского мира, когда большая часть нашей страны оказалась под пятой кайзеровской Германией и когда просто не хватало сил, чтобы отбросить ее вооруженной рукой. Так было в начале Великой Отечественной войны, когда на западные рубежи Родины выходила ударная сила мировой реакции — германский фашизм, а на востоке ждал своего часа японский милитаризм. Так было и в конце 40 — начале 50-х годов, когда США развязали «холодную войну» против Советского государства. Так было и в последующие годы, когда американский империализм пытался сломить социализм невиданной доселе военной программой, остройшими международными кризисами, войной против Вьетнама.

Все иначе теперь. Новый милитаристский штурм впервые предпринимается в условиях, когда империализм лишен превосходства в военной силе. Это — решающий военно-стратегический фактор предотвращения ядерной войны. Отсюда и отсутствие ее фатальной неизбежности.

Неизмеримо возросли международные возможности и авторитет СССР, социалистического содружества. Без социализма нельзя удовлетворительно решить ни одну сколько-нибудь крупную международную проблему, тем более вопросы войны и мира. СССР и его союзники обладают достаточным весом для того, чтобы осталось и впредь незыблемым послевоенное устройство международных отношений в Европе, по всему периметру границ социалистического содружества. «И пусть ни у кого не остается ни малейших сомнений: мы и впредь будем заботиться о том, чтобы крепить обороноспособность нашей страны, чтобы у нас было достаточно средств, с помощью которых можно охладить горячие головы воинствующих авантюристов»⁴, — со всей определенностью заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

В отличие от 40—60-х годов, и тем более довоенного периода, империалистический натиск 80-х годов впервые происходит в условиях, когда в мировой политике сформировалась мощная новая сила — молодые освободившиеся государства. Империализм окончательно лишен колониальных империй. Будучи очень разными по социальным характеристикам, эти государства вносят в международные отношения весомый антиимпериалистический заряд. Их объективным интересам противоречит милитаризм США. Многие из них видят средство укрепления своей независимости в развитии связей с социализмом. Более того, развиваются, закрепляют революционные преоб-

разования страны-форпосты социалистической ориентации в Азии, Африке, Латинской Америке. Их объединяют с социализмом не только общие антиимпериалистические, миролюбивые цели, но и общие идеалы социальной справедливости и прогресса.

Можно представить себе растерянность Джона Фостера Даллеса, доживи он до нынешних лет, при виде движения неприсоединения, ставшего крупным позитивным фактором мировой политики. А ведь в 50-е годы государственный секретарь США возмущался каждым проявлением «нейтрализма» среди освобождающихся стран, объявляя это «аморальным». Сейчас, по его меркам, «аморальной» для США стала бы политика более половины государств мира.

Принципиально важно и то, что американский империализм сейчас лишен экономической и политической гегемонии в капиталистическом мире в той степени, как это было в первые послевоенные десятилетия. К началу 70-х годов в качестве новых империалистических центров сформировались страны Западной Европы и Япония. Объединенные классовой общностью, три империалистические группировки далеко не едины в своих конкретных интересах, содержании и целях политики, в том числе в сфере безопасности и в отношениях «Восток — Запад». Как бы ни складывалась конъюнктура, западноевропейские страны и Япония в конечном счете не отдадут Вашингтону право на вседозволенность и дальнейшее ущемление собственных интересов. Получают развитие и реалистические тенденции в мире капитализма. Немалая часть правящих кругов Запада теперь лучше понимает, что в мире произошли необратимые процессы, что длительное мирное существование государств с различным общественным строем выгодно. И, главное, необходимо.

На современном этапе международного развития, как никогда в прошлом, в решение ключевых проблем мира вовлечены широкие народные массы. В 80-е годы появилось и закрепляется новое ощущение всеобщей ответственности за мирное будущее Земли. Исключительный размах и целенаправленность приобрело антивоенное движение. Оно стало глобальным, объединило представителей фактически всех классов и социальных слоев, всех поколений. И превращается в реальный, зачастую наиболее динамичный фактор политической жизни многих стран, прежде всего в Западной Европе. Современное антивоенное движение открывает путь к дальнейшей демократиза-

ции международных отношений, к прямому активному участию масс в самоопределении по вопросам войны и мира. Основные цели, помыслы антивоенного движения совпадают с миролюбивыми целями социалистических государств.

В 80-е годы гигантски возросла мера исторической ответственности, возложенной на Советский Союз, на социалистическое содружество — великий оплот мирного противодействия милитаризму. Той ответственности, о которой говорил В. И. Ленин: «...нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма»⁵. В социалистическом государстве В. И. Ленин видел силу, способную направить мировое развитие к «избавлению... от империалистских войн». Это тем более верно сейчас. СССР и его союзники стремятся к коренному оздоровлению международных отношений, закреплению и развитию в них всех добрых начал, выступают самыми последовательными защитниками интересов разрядки. Социализм возглавляет борьбу за сохранение всей человеческой цивилизации. А потому в еще большей мере, чем раньше, выражает и защищает ее коренные интересы, прежде всего право людей на жизнь. Не может быть миссии выше и благороднее.

Политика КПСС, внешняя политика социализма — это политика уверенности в своей правоте и силе. В союзе с миролюбивыми силами планеты она способна вывести человечество из нынешних тревожных лет. И для этого делает все. Властвующей элите США придется считаться с реальностями современного мира.

Придется! Рано или поздно. «Разум в мировой истории, — писал К. Маркс, — все же побеждает»⁶.

ОТ АВТОРА

¹ Правда, 1984, 14 февраля.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 248.

ГЛАВА I. 70-Е ГОДЫ — «ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСОВ»

¹ Political Affairs. December 1978, p. 7.

² Atlantic Community Quarterly, Winter 1975/76, p. 509.

³ International Herald Tribune, 1978, May 31.

⁴ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 244.

⁵ White Th. America in Search of Itself. The Making of the President 1956—1980. N. Y., 1982, p. 153, 155.

⁶ The Harris Survey, 1977, April 14.

⁷ Glazer N. Affirmative Discrimination: Ethnic Inequality and Public Policy. N. Y., 1975, p. 23.

⁸ White Th. Op. cit., p. 5.

⁹ Getting yours: How to make the system work for working women. N. Y., 1975, p. 135.

¹⁰ Данные по государственному социальному обеспечению. См.: Кассирова Е. П. США: кризис социальной политики (Государство и социальное обеспечение). М., 1978, с. 130—131, 144—146.

¹¹ Fleming M. Of crime and rights. The Penal Code Viewed as Bill of Rights. N. Y., 1978, p. 15.

¹² Moquin W., Van Doren Ch. (ed.). The American Way of Crime. A Documentary History. N. Y., 1976, p. 114.

¹³ Советская культура, 1983, 26 февраля.

¹⁴ Season of Rebellion. Protest and Radicalism in Recent America. N. Y., 1972, p. 134.

¹⁵ The Memories of Richard Nixon. N. Y., 1982, p. 408.

¹⁶ Ibid., p. 993, 994, 1051, 1086.

¹⁷ Auerbach J. Unequal Justice. Lawers and Social Structure in Modern America. N. Y., 1976, p. 264.

¹⁸ Intelligence Activities and the Rights of Americans. Book 2. US Senate. Wash., 1976, p. 5.

¹⁹ Cowan P., Egleson N., Hentoff N. State's secrets. Police Surveillance in America. N. Y., 1974, p. IX.

²⁰ The Harris Survey, March 1976.

²¹ A Time to Heal. The Autobiography of Gerald R. Ford. N. Y., 1978, p. 51.

²² The Dispatcher, 1976, September 23.

²³ Dawd D. The Twisted Dream. Capitalist Development in the United States since 1776. Cambridge (Mass.), 1974, p. 120.

²⁴ Rinascita, 1976, 23 Augosto, p. 15.

²⁵ The Dispatcher, 1976, November 15.

²⁶ Foreign Affairs, Fall 1978, p. 514.

²⁷ The National Democratic Platform. Wash., 1976, p. 6.

²⁸ См., в частности: *Sandoz E., Grabb C. (eds.) A Tide of Discontent. The 1980 Elections and Their Meaning.* Wash., 1981, p. 146—156.

²⁹ AFL—CIO News. 1981, November 14.

³⁰ *Rowse A. One Sweet Guy and What He's Doing to Us. The Promises and Perils of Reaganism.* Wash., 1981, p. 18.

³¹ *Carter J. Keeping Faith. Memories of a President.* N. Y., 1982, p. 114.

³² *Carter J. Op. cit.*, p. 143.

³³ What we stand for. The Republican National Platform. Wash., 1968, p. 11.

³⁴ *Carter J. Op. cit.*, p. 118—120.

ГЛАВА II. «БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

¹ The National Democratic Platform 1976. Wash., 1976, p. 1, 3.

² См.: *Перло В. Неустойчивая экономика. Бумы и спады в экономике США после 1945 г.* М., 1975, с. 188, 189.

³ *Sceptic, May—June, 1976, No 13*, p. 26.

⁴ *Last Hired, First Fired: Layoffs and Civil Rights. A Report of the United States Commission on Civil Rights.* Wash., 1977, p. 11.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 40.

⁶ *Sidel V. Health Care: Privatization, Privilege, Pollution and Profit.—In: Gartner A., Greed C., Riessman F. What Reagan is Doing to Us.* N. Y., 1982, p. 26.

⁷ *Auerbach J. Op. cit.*, p. 22, 29.

⁸ Цит. по: *Marruas L. Оборотная сторона США.* М., 1968, с. 242.

⁹ *Hunter C. Harman D. Adult Illiteracy in the United States. A Report to the Ford Foundation.* N. Y., 1979.

¹⁰ *Marruas L. Указ. соч.*, с. 80.

¹¹ Таблица составлена по материалам, приводимым Кассиро-вой Е. П. Указ. соч., с. 101—102, 119, 128, 130—131, 144—146, 201.

¹² *Грин Г. Что происходит в американских профсоюзах.* М., 1978, с. 109.

¹³ См.: США: экономика, политика, идеология, 1973, № 4, с. 33.

¹⁴ *Handbook of Basic Economic Statistics.* Wash., 1977, p. 232.

¹⁵ См.: *Лепс С. Бедность — неискоренимый порок Америки.* М., 1976, с. 26.

¹⁶ *Marruas L. Указ. соч.*, с. 74—75.

¹⁷ *Parker R. The Myth of the Middle Class.* N. Y., 1972, p. 99.

¹⁸ *Patterson J. America's Struggle Against Poverty (1900—1980).* L., 1981, p. 204.

¹⁹ *Dahl R. Democracy in the United States: Promise and Performance.* Chicago, 1972, p. 9.

²⁰ *Hofstadter R. The American Political Tradition.* N. Y., 1948, p. 4.

²¹ *History of US Political Parties.* A. Shlesinger Jr. (ed.). N. Y., 1973, vol. 1, p. XVIII.

²² *Political Affairs, December, 1978*, p. 14.

²³ *Pomper J. Elections in America. Control and Influence in Democratic Political Process.* N. Y., 1973, p. 70.

²⁴ *Crotty W., Jacobsen G. American Parties in Decline.* Boston — Toronto, 1980, p. 165, 255.

²⁵ *Brown J., Seib Ph. Electoral Strategies and Campaign Management.* N. Y., 1975, p. 3—4.

²⁶ The American Political Science Review, 1973, vol. 67, No 4, p. 1290.

²⁷ United States Commission on Civil Rights. 1965, Wash., p. 127.

²⁸ The State of Black America. National Urban League. 1979, p. B-1.

²⁹ History of US Political Parties. Wash., 1976, vol. IV, p. 473.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 376.

³¹ Cowan P., Egleson N., Hentoff N. State's Secrets. Police Surveillance in America, p. 266.

³² Intelligence Activities and the Rights of Americans. US Senate. Wash., 1976, p. 5.

³³ Cowan P., Egleson N., Hentoff N. Op. cit., p. 218.

³⁴ Wise D. The American Police State. N. Y., 1976, p. 358.

³⁵ Intelligence Activities..., p. 8.

³⁶ Lemond A., Fry R. No Place to Hide. A Guide to Bugs, Wire-taps, Surveillance and Other Invasions of Privacy in America. N. Y., 1976, p. 82.

³⁷ Severn B. The Right to Privacy. N. Y., 1973, p. 6.

ГЛАВА III. ДИСКРИМИНАЦИЯ ДВОЙНАЯ И ТРОЙНАЯ

¹ Daily World, 1978, March 23.

² Der Spiegel, 1980, August 18.

³ Williams C. Black and White Together. The Race Struggle in the USA. Sydney, 1973, p. 11—13.

⁴ Lightfoot C. Human Rights U. S. Style. From colonial times through the New Deal. N. Y., 1977, p. 17.

⁵ Levitan S., Johnston W., Taggart R. Still a Dream. The Changing Status of Blacks since 1960. Cambridge (Mass.), 1975, p. 178—179.

⁶ См.: Перло В. Неустойчивая экономика. Бумы и спады в экономике США после 1945 г., с. 195—196.

⁷ Political Affairs, 1977, vol. 52, No 10—11, p. 68—69.

⁸ Foner Ph. Organized Labor and the Black Worker. 1619—1973. N. Y.—Wash., 1974.

⁹ Der Spiegel, 1980, August 25.

¹⁰ Statement on Metropolitan School Desegregation. A Report of the United States Commission on Civil Rights. Wash., 1977, p. 15, 112.

¹¹ The State of Black America. National Urban League, 1979, p. C-3.

¹² Цит. по: Foner Ph. Op. cit., p. 272.

¹³ Statement on Metropolitan School Desegregation, p. 26.

¹⁴ Tauber K., Tauber A. Negroes in Cities: Residential Segregation and Neighborhood Change. N. Y., 1965, p. 82.

¹⁵ Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. N. Y., 1968, p. 2.

¹⁶ The State of Black America, 1978, p. A-3.

¹⁷ Levitan S., Johnston W., Taggart R. Op. cit., p. 33, 208.

¹⁸ Der Spiegel, 1980, August 18.

¹⁹ Voice, 1979, May 7, p. 23.

²⁰ Associated Press Almanac. N. Y., 1975, p. 241.

²¹ The New York Times, 1978, July 23.

²² Ibidem.

²³ The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, March 1978, p. 3.

²⁴ The National Geographic, February 1977, p. 112.

²⁵ On Human Rights Violations in the United States. National Conference of Black Lawyers. N. Y., November 1978, p. 12.

²⁶ Амундсен К. Женщины и американская демократия. М., 1976, с. 62.

²⁷ Federationist, 1977, No 2, p. 15.

²⁸ Thurow L., Lucas R. The American Distribution of Income: A Structural Problem. Wash., 1972, p. 11.

²⁹ The Earning Gap between Women and Men. U. S. Department of Labor. Wash., 1976, p. 1, 6.

³⁰ Daily World, 1977, March 5.

³¹ McHugh M. Law and the New Woman. N. Y., 1978, p. 86—87.

³² Glazer N. Affirmative Discrimination: Ethnic Inequality and Public Policy, p. 23.

ГЛАВА IV. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ:

США В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ КОНЕЦ 70-Х ГОДОВ

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20—21.

² См.: Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 250—251.

³ Kissinger H. The White House Years. L., 1979, p. 196, 258, 259.

⁴ Kissinger H. For the Record. Selected Statements 1977—1980. Boston — Toronto, 1981, p. 73.

⁵ Secretary Kissinger's Interview with W. Buckley ABC Program. Department of State Press Release, September 13, 1975.

⁶ См.: Откуда исходит угроза миру. Изд. 2-е, доп. М., 1982, с. 72.

⁷ American Foreign Relations 1977. Adam E. (ed.). N. Y., 1979, p. 178.

⁸ Foreign Policy, Spring 1979, p. 79.

⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 296.

¹⁰ См.: Севостьянов И. США в международных отношениях середины 70-х годов.— Вопросы истории, 1982, № 5.

¹¹ Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1980, p. 278.

¹² Vance C. America's Stake in an Open International Trading System. Department of State Bulletin, 1978, vol. 78, No 2013, p. 35—36.

¹³ American Foreign Relations 1977. Adam E. (ed.). N. Y., 1979, p. 193.

¹⁴ См., в частности: Department of Defense Appropriations for 1980. Hearings before the Subcommittee on Appropriations. House of Representatives. Part 1, Wash., 1979, p. 365.

¹⁵ Report of Secretary of State H. Brown to the Congress on the FY 1980 Budget, FY 1981 Authorization Request and FY 1980—1981 Defense Programs. Department of Defense. Wash., 1979, p. 60.

¹⁶ Survey, Summer — Fall, 1976, p. 17.

¹⁷ The Washington Post, 1977, November 1.

¹⁸ См.: Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. М., 1978, с. 496—508.

¹⁹ Brownstein R., Easton N. Op. cit., p. 499—500.

²⁰ The Modernization of NATO's Long Range Theatre Nuclear Forces. Report by Congressional Research Service. Wash., 1981, p. 19.

²¹ The New York Times, 1977, September 19—20.

²² The Price of Defense. A New Strategy of Military Spending. N. Y., 1979, p. 15.

²³ Fiscal Year 1979 Arms Control Impact Statement. Arms Control and Disarmament Agency. Wash., 1978, p. XIII.

²⁴ American Foreign Relations 1978. Adam E. (ed.). N. Y., 1980, p. 209.

²⁵ Department of Defense Annual Report. Fiscal Year 1979. Wash., 1978, p. 18.

²⁶ U. S. Policy Toward China. Selected Documents. The Department of State. Wash., 1979, p. 8.

²⁷ American Foreign Relations 1977, p. 196, 470.

²⁸ American Foreign Relations 1978, p. 442.

²⁹ Carter J. Op. cit., p. 214, 249, 225, 226—227, 229.

³⁰ American Foreign Relations 1978, p. 206.

³¹ Sherer A. Goldberg's Variations.— Foreign Policy, 1980, No 39.

³² Maynes Ch., Ulman R. The Ten Years of Foreign Policy.— Foreign Policy, 1980, Fall, p. 6.

³³ Iran: Evaluation of US Intelligence Prior to November 1978. Wash., 1979, p. 6.

³⁴ Sullivan W. Dateline Iran: The Road not Taken. Foreign Policy, 1980, Fall, p. 179—180, 184—185.

³⁵ Lefever W. The Panama Canal. The Crisis in Historical Perspective. N. Y., 1978, p. 193.

³⁶ Hearings on Panama Canal Treaties. US Congress, Senate, Committee on Foreign Relations. Wash., 1979. Part 1, p. 12, 30.

³⁷ Foreign Policy, Summer 1980, p. 105.

³⁸ См.: Курьера В. Г. Внешнеторговая стратегия США. М., 1980, с. 151.

³⁹ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1979, July 20, p. 1238.

⁴⁰ Рассчитано по: US Interest in, and Policies Toward the Persian Gulf. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. US House of Representatives. Wash., 1980, p. 213.

⁴¹ Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982, с. 407.

⁴² Carter J. Op. cit., p. 111—112, 234—235.

⁴³ Громыко А. А. Указ. соч., с. 352.

⁴⁴ The SALT — II Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. US Senate. Wash., 1979, p. 117—118.

⁴⁵ Caldwell L., Diebold W. Soviet-American Relations in the 1980s. N. Y., 1981, p. 35.

⁴⁶ U. S. News and World Report, 1982, September 6, p. 17.

⁴⁷ Громыко А. А. В. И. Ленин и внешняя политика Советского государства.— Коммунист, 1983, № 6, с. 26.

⁴⁸ International Herald Tribune, 1978, August 5—6.

⁴⁹ Podhoretz N. The Present Danger. Do We Have the Will to Reverse the Decline of American Power. N. Y., 1980, p. 89—91.

⁵⁰ Is America Becoming Number 2? Current Trends in US — Soviet Military Balance. Committee on the Present Danger. Wash., 1978, p. 38.

⁵¹ Bull H. A View from Abroad: Consistency under Pressure.— Foreign Affairs, 1979, vol. 57, No 3, p. 441—462.

⁵² Panofsky W. Arms Control and Salt — II. Seattle — London, 1979, p. 53.

⁵³ The Salt — II Treaty. Hearings..., part 1, p. 93, 234—235.

⁵⁴ Aaron M., Dine Th., Hartman R. Setting National Priorities. The 1980 Budget. Wash., 1979, p. 167.

⁵⁵ Observer, 1983, October, 18.

⁵⁶ The Modernization of NATO's Long Range Theatre Nuclear Forces, p. 27.

⁵⁷ Carter J. Op. cit., p. 514.

⁵⁸ См.: Правда об Афганистане. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1980.

⁵⁹ Key Issues in Considering the Fiscal Year 1981 Defense Budget. Wash., 1980, p. 13—14.

⁶⁰ Acheson D. Present at the Creation. My Years in the State Department. N. Y., 1969, p. 219.

⁶¹ An Assessment of the Afganistan Sanctions: Implications for Trade and Diplomacy in the 1980s. Congressional Research Service. Wash., 1981, p. 104.

⁶² Carter J. Op. cit., p. 526, 534, 592.

⁶³ Ibid., p. 589.

⁶⁴ Hoffman S. Requiem.— Foreign Policy, Spring 1981, p. 7.

⁶⁵ Арабатов Г. А. Внешняя политика США на пороге 80-х годов. В книге: Мир и разоружение. М., 1980, с. 72.

ГЛАВА V. МИЛИТАРИЗМ КАК ПОЛИТИКА

¹ Brownstein R., Easton N. Reagan's Ruling Class. p. 501, 510.

² Андронов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 15.

³ White C., Gill W. Why Reagan Won. A Narrative History of the Conservative Movement 1964—1981. N. Y., 1981, p. 203—206; Viguerie R. The New Right. We're ready to lead. Falls Church, 1981.

⁴ Conquest P. Present Danger. Toward a Foreign Policy. Hoover Institution. Stanford, California, 1979, p. 85.

⁵ Le Figaro, 1981, Décembre 1.

⁶ Common Sense and the Common Danger. Committee on the Present Danger. November 1976, p. 7—12.

⁷ Sandoz E., Grabb C. Jr. (eds.) The 1980 Elections and Their Meaning. Wash., 1981, p. 59—62.

⁸ The Nomination of Alexander M. Haig. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Wash., 1981, p. 17.

⁹ Brownstein R., Easton N. Op. cit., p. 500, 571.

¹⁰ Duignan P., Rabushka A. The United States in the 1980s. Hoover Institution. Stanford, California, 1980, p. 439, 431—432, 754, 489, XXIX; Развернутая программа консервативно-милитаристских сил излагалась также в Mandate for Change. Ch. Heatherly (ed.) The Heritage Foundation. Wash., 1981.

¹¹ Foreign Affairs, Winter, 1982/1983, p. 249.

¹² Reagan's First Year. Congressional Quaterly Inc. Wash., 1981, p. 51.

¹³ Fiscal Year 1983. Department of Defense Budget. News Release 50—82. Office of Assistant Secretary of State (Public Affairs), Department of Defense. Wash., 1982.

¹⁴ Рассчитано по: Program Acquisition Costs by Weapons Systems. Department of Defense Budget for Fiscal Year 1983. Wash., 1982.

¹⁵ Foreign Affairs Bulletin. U. S. Information Service, 1982, May 27, p. 7—11.

¹⁶ См.: Устинов Д. Ф. Отвести угрозу ядерной войны.— Правда, 1982, 12 июля.

¹⁷ The New York Times, 1982, August 10.

¹⁸ The New York Times, 1982, August 19.

¹⁹ The New York Times, 1982, May 30.

²⁰ Цит. по: Мельников Ю. М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М., 1983, с. 327—328.

²¹ См.: Устинов Д. Ф. Указ. соч.

²² Cline R. World Power Trends and US Foreign Policy for the 1980s. Wash., 1980, p. 182, 184—192.

²³ Washington Quarterly, Winter, 1979, p. 116—117.

²⁴ Цит. по: Угроза Европе. М., 1981, с. 13.

²⁵ См.: Андронов Ю. В. Избранные речи и статьи, с. 251.

²⁶ Soviet Military Power. Wash., 1981.

²⁷ Цит. по: Откуда исходит угроза миру, с. 69.

²⁸ The Military Balance 1980—1981. L., 1981, p. 96.

²⁹ Андронов Ю. В. Указ. соч., с. 250.

³⁰ Документ ООН A/37/157 1982, 24 марта.

³¹ U. S. Congress. Senate. Committee on Armed Services and Committee on Foreign Relations. Hearing on the Military Situation in the Far East. 82nd Congress. Wash., 1951.

³² Brownstein R., Easton N. Op. cit., p. 530.

³³ Haig A. Arms Control for the Eighties: An American Policy. Department of State Press Release. July, 1981.

³⁴ Fiscal Year 1983 Arms Control Impact Statement. Arms Control and Disarmament Agency. Wash., 1982.

³⁵ Die Presse, 1982, Mai 25.

³⁶ Ответы А. А. Громыко на вопросы корреспондента «Правды».—Правда, 1983, 24 февраля.

³⁷ Foreign Affairs Bulletin. U. S. Information Service, 1982, September 13.

³⁸ См.: Андронов Ю. В. Указ. соч., с. 217.

³⁹ Там же, с. 252.

ГЛАВА VI. АМЕРИКА 80-Х ГОДОВ

¹ The Guardian, 1981, June 15.

² Цит. по: Broder D. Changing the Guard. Power and Leadership in America. N. Y., 1980.

³ State of the Union Message. January 25, 1983.— The New York Times, 1983, January 26.

⁴ Sandoz E., Grabb C., Jr. (eds.) A Tide of Discontent. The 1980 Elections and Their Meaning. Wash., 1981; Smith H., Clymer A., Silk L., Lindsay R., Burt R. Reagan the Man, the President. N. Y., 1980.

⁵ Kemp-Roth. A Tax Cut for the Rich or a Tax Cut for All Americans. Buffalo, 1981.

⁶ Rowse A. One Sweet Guy and What He's Doing to You. The Promises and Perils of Reaganism. Wash., 1981.

⁷ American Federationist. 1981. N. Y., p. 5—6.

⁸ Greider W. The Education of David Stockman. Atlantic Monthly, December 1981.

⁹ Lekachman R. Greed is not Enough: Reaganomics. N. Y., 1982, p. 213.

¹⁰ Brownstein R., Easton N. Op. cit., p. 466.

¹¹ Подсчитано по: Fiscal Year 1983. Department of Defense Budget. 1982. Wash. D. C.

¹² Reagan's First Year. Congressional Quarterly Inc., Wash., 1981, p. 51.

¹³ См.: Кауфман Р. Рост оборонных расходов — экономические последствия.— В кн.: Американская угроза и протест миллионов (выступления, статьи, факты, документы). М., 1983, с. 214.

¹⁴ Составлено по: *Reagan's First Year*, p. 58—59.

¹⁵ *Gartner A., Greer C., Riessman F. (eds.) What Reagan Is Doing to Us*, p. 57, 59.

¹⁶ См.: *Кокосин А. А. США: кризис политической системы*. М., 1982, с. 21.

¹⁷ *Sidel V. Health Care*. In *What Reagan Is Doing to Us*, p. 48—49.

¹⁸ *Glasser I. The Coming Assault on Civil Liberties*. In *What Reagan Is Doing to Us*, p. 230.

¹⁹ *Civil Rights in Reagan's America. The American Union for Civil Rights*. November 1982, p. 3.

²⁰ *Le Mond Diplomatique*, 1982, Juin.

²¹ *Gilder G. Wealth and Poverty*. N. Y., 1981, p. 130, 135, 146.

²² *Glasser I. Op. cit.*, p. 237.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 1, с. 400—401.

²⁴ *The Economist*, 1982, October 23, p. 71.

²⁵ *Political Affairs*, 1983, February.

²⁶ *The Christian Science Monitor*, 1981, August 7.

²⁷ *The Wall Street Journal*, 1981, August 28.

²⁸ *The Baltimore Sun*, 1981, September 3.

²⁹ *The Wall Street Journal*, 1981, October 26.

³⁰ *International Herald Tribune*, 1983, March 28.

³¹ *International Herald Tribune*, 1983, February 2.

³² *Гэлбрейт Дж. Экономика гонки вооружений*.—В кн.: Американская угроза и протест миллионов, с. 239.

³³ *Lekachman R. The Economy*.—In *What Reagan Is Doing to Us*, p. 201.

³⁴ *International Herald Tribune*, 1983, February 3.

³⁵ *Brownstein R., Easton N. Op. cit.*, p. 537.

³⁶ *Моландер Р. Почему я стал ненавидеть бомбу*.—В кн.: Американская угроза и протест миллионов, с. 95.

³⁷ Американская угроза и протест миллионов, с. 134.

³⁸ *Los Angeles Times*, 1982, April 11.

³⁹ *Chace J. Solvency: The Price of Survival. An Essay on American Foreign Policy*. N. Y., 1981.

⁴⁰ См.: *Кеннан Дж. Речь на церемонии вручения премии мира Фонда имени Альберта Эйнштейна 19 мая 1981 г.*.—В кн.: Американская угроза и протест миллионов, с. 25—27.

⁴¹ *Brownstein R., Easton N. Op. cit.*, p. 537.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

¹ *Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи*. М., 1983, с. 297.

² *Hawken P., Ogilvy J., Schwartz P. Seven Tomorrows: Toward a Voluntary History*. N. Y., 1982, p. 23—25.

³ Новая программа Коммунистической партии США, одобренная XXII Национальным съездом.—США: экономика, политика, идеология, 1983, № 1.

⁴ *Правда*, 1984, 14 февраля.

⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 39, с. 318.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 15, с. 569.

Павлов И.

П12 Америка тревожных лет: Докум. очерки внутр. жизни и внеш. политики США в 70—80-е годы.— М.: Политиздат, 1984.— 254 с., ил.

В этой книге рассматриваются основные вопросы современной жизни США, деятельность администрации Р. Рейгана, корни поворота Вашингтона к его нынешней политике.

Игорь Павлов — специалист-международник. Его книга «Море бесправия — Америка», вышедшая в Политиздате в 1981 г., отмечена дипломом Всесоюзного конкурса общества «Знание» на лучшее произведение научно-популярной литературы за 1982 год.

Книга адресована широким кругам читателей, интересующихся историей и нынешним положением в США.

П 0804000000—092
079(02)—84 КБ—29—7—83

66.2(7США)
32И

Игорь Павлов
(Севостьянов Игорь Павлович)

АМЕРИКА ТРЕВОЖНЫХ ЛЕТ

Документальные очерки
внутренней жизни
и внешней политики США
в 70—80-е годы

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Е. Б. Бурковская*
Художник *В. Г. Фескин*
Художественный редактор *В. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 4666

Сдано в набор 10.11.83. Подписано в печать 17.02.84.
А00028. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать
высокая. Условн. печ. л. 13,44. Условн. кр.-отт.
14,28. Учетно-изд. л. 14,74. Тираж 80 тыс. экз.
Заказ № 3933. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат, 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 10 к.

Глава I

**70-е ГОДЫ —
«ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСОВ»**

Глава II

**«БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»
И ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА**

Глава III

**ДИСКРИМИНАЦИЯ
ДВОЙНАЯ И ТРОЙНАЯ**

Глава IV

**ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ:
США В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ
КОНЦА 70-х ГОДОВ**

Глава V

МИЛИТАРИЗМ КАК ПОЛИТИКА

Глава VI

АМЕРИКА 80-х ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

A vertical stack of four black, ribbed cylindrical components, likely metal parts, arranged in a zigzag pattern. The components are stacked in a staggered fashion, with each subsequent component offset to the right of the one below it. The top and bottom components are oriented vertically, while the middle components are oriented horizontally. The components appear to be made of a dark, ribbed metal material.